

[Polaris]

С. МИНЦЛОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Исторический авантюрный роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXV

Salamandra P.V.V.

**Сергей
МИНЦЛОВ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

**Исторический авантюрный
роман**

Том II

Salamandra P.V.V.

Минцлов С. Р.

Приключения студентов: Исторический авантюрный роман. Том II. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 152 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXV).

В серии «Polaris» продолжается издание произведений выдающегося библиофила и библиографа, занимательного рассказчика и одаренного прозаика, журналиста и путешественника, археолога и коллекционера С. Р. Минцлова (1870-1933). В новом выпуске серии – исторический авантюрный роман «Приключения студентов». Ко второму тому приложена рецензия П. Пильского.

С. Р. МИНЦЛОВЪ

Приключенія студентовъ

Историческій авантюрный романъ

СИБИРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО — РИГА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Исторический авантюрный
роман

ГЛАВА XXII.

В то время, как Яну наколачивали шишки, а Луиджи получал с синьора Маркони деньги, Марк с двумя товарищами шел по пустынной и однообразной, заросшей кустарником местности парасангах в двадцати от Болоньи.

Солнце уже садилось, косые лучи багрецом обливали на взгорках листву кустов; ничем не покрытые рыжие головы Мартина и Адольфа пылали, как неопалимая купина. За спинами у пешеходов висели холщовые сумы, чем-то наполовину наполненные; в руках у каждого имелось по порядочной дубине; Марк нес, кроме того, лютню.

— Куда мы забрели — и ума не приложу!!.. — проговорил Мартин. — Давным-давно монастырь должен быть виден!..

— Куда-нибудь придем!.. — спокойно отозвался Марк.

Быкообразный Адольф молчал, как всегда, и только слегка посапывал от своей собственной мощи и грузности.

— Надо было оставаться в замке и переночевать!.. — опять сказал Мартин. — Здесь волков, говорят, непочатый край!

Адольф приподнял палку.

— А дубки?.. — будто чугунный шар по железному кегельбану пустил он.

Как бы в отзыв на слова Мартина, совсем неподалеку послышался тягучий волчий вой.

Солнце ушло за горизонт и сразу все осумрачилось; даль стала застилаться туманом; было душно; усиленно донимали комары.

Сколько ни оглядывался Мартин — даже огонька не мерцало нигде; ночь заходила беззвездная.

Путники спустились в ложок, перевалили еще пару холмов и Мартин, державшийся немного впереди, издал радостное восклицание: неподалеку мерцал огонь.

Студенты ускорили шаги и вскоре различили костер; вокруг него лежали и сидели десятка два людей; позади ко-

стра виднелись несколько шалашей; человек пять доканчивали покрывку их травой и ветками.

Вынеслась из полукруга света и залаяла большая черная собака, но два окрика заставили ее замолчать и вернуться.

— Никак, это наши студенты?.. — проронил Мартин.

— Да это ж товарищи!!.. — долетело от шалашей. Один из студентов надел шляпу на палку, поднял ее и завертел в воздухе.

— Сюда, сюда... здесь рай земной!!.. — пропел звучный тенор.

— К нам, к нам!!.. — закричал другой. — У нас пироги с пулярдками, фалернское двухсотого года из подвалов его святости Климента!.. — Дружный хохот заглушил дальнейшие слова.

Трое путников подошли к табору и их окружили и закидали вопросами товарищи. Мартин сообщил, что они побывали в маленьком монастыре и направлялись в аббатство Климента, но заблудились. Смех опять раскатился по степи.

— И не показывайтесь туда! — закричали кругом. — Это разве прелат — он скуп, как утопленник!.. Знаете, чем он за наши песни и рассказы отблагодарил?

— Чем?.. — поинтересовался Мартин.

— Подарил нам по треценарию¹ на пять обедней!.. Теперь мы спокойны: умрем, так за упокой нас даром обедни отслужат... А накормили так, что собака и та голодной ушла!..

Смех далеко разнесся снова.

— Так куда же нам направиться?.. — недоуменно обратился Марк к своему вожатому, но тому не дали ответить.

— Да валите с нами к бенедиктинцам! — закричали со всех сторон. — Там ребята хорошие. Завтра к обеду поспеем, а оттуда ступайте, куда угодно! Ночуйте с нами... кругом ведь парасангов на десять и жилья нет!..

¹ Право на определенное количество заупокойных по себе обеден.

Предложение было принято без возражений: темень не располагала к путешествию.

У костра потеснились и дали место новым товарищам; все развязали сумы и из них стали переселяться на траву для общего пользования огромные куски жареного мяса и сыра, целые хлебы и даже небольшой бурдюк с вином. Появление его было встречено всеобщим гоготом и ржаньем.

— Привет тебе, о бог веселья,
Ты людям счастье даришь!.. —

запел, простерев к нему руку, тенор.

Все дружно принялись за ужин; говор, остроты, смех не умолкали и припасы таяли быстро. Дошла очередь до вина; у каждого отыскалось в мешке по кружке и к веселому шуму прибавилось чоканье и хоровое пение.

— Тьма-то какая... как в преисподней!.. — проронил один из молчавших соседей Марка, покончивший с едой и удобно устроившийся на боку. — Блуждать теперь где-то там одному... бррр!.. — он передернул плечами.

— Братцы, а ведь капает?.. — спохватился кто-то.

— Да; уж давно!.. — отозвались голоса.

— Расходись по дворцам, молодцы!.. — напыщенно-важно крикнул тенор. — Синьор шталмейстер, бурдюк еще не весь выпит — потрудитесь назначить на ночь почетный караул к нему!

Дождь усилился и студенты, позвав Марка и его спутников, со смехом и шутками рассыпались и попрятались по норам из ветвей; костер мало-помалу стал угасать, говор в шалашах замолк; изредка вырывалось бранное слово и пояснительное добавление к нему — «за шиворот протекло!»

А дождь порол все сильнее и сильнее; налетал ветер, шептались кусты, слышался волчий вой...

Около полудня странствующие студенты показались у ворот аббатства; дежуривший на башне брат ударил в колокол, возвещая прибытие гостей.

Утро было свежее, веселое; с горы, вершину которой занимал монастырь, открывался широкий вид; за неоглядной зеленой поймой кустарников смутным маревом чуть белела далекая Болонья; с севера и со стороны Феррары глядели горы.

Сейчас же за высокими стенами монастыря начинался фруктовый сад, переходивший на солнечной стороне в виноградники; они заливали весь остальной скат горы.

Мартин указал Марку влево, вниз и тот увидал в глубине пропасти незамеченный им другой монастырь, маленький и тесный, весь сбившийся на обнаженной скале, как стадо овец в полдень; белое аббатство как бы парило над ним. По крутому обрыву, к нему изломами сбегала лестница из каменных плит.

— Здесь серебра много, а там ума!.. — проговорил по-немецки Мартин. — В том монастыре библиотека имеется, скриптория!..

Глаза Марка вспыхнули, но ответить он не успел, так как тенор, бывший не только вожаком, но и запевалой, установил ватагу товарищей.

— Синьоры?.. — звонко сказал он. — Кантату в честь святой Девы!

Он взмахнул руками и раздался торжественный гимн. Из окон выглянули несколько монахов; на их лицах разлились улыбки: «школяры» пользовались большим расположением не только у светских лиц, но и в монастырях.

Из калитки сада показался добродушного вида старик-монах в серой рясе; он приложил ко лбу в виде щитка руку, опознал певших и вперевалку направился к ним. Пение кончилось и студенты окружили старика.

— А-а, соловьи наши!!.. — радушно произнес он. — Добро пожаловать! А мы только что вчера вспоминали о вас! Голодные, небось, перемокшие?

— Высохли по дороге, отец экономя!!.. — ответили веселые голоса. — А проголодались как волки!!

— Сейчас все устроим, на всех хватит, на всех Бог подает!

Старик вперекачку заторопился вперед и шумная гурьба молодежи влилась вслед за ним в длинную трапезную; низкие своды ее опирались на два ряда толстых бочонкообразных колонн.

После сытного обеда товарищи Марка отправились спать; Марку не терпелось попасть поскорей в свое святое святых, но был час всеобщего отдыха и он медленно обошел собор, затем сад, присел у обрыва на лавочке и стал рассматривать окрестности. Немного погодя из пропасти показался совсем юный монах с особенным, как показалось Марку, выражением лица. Оба поклонились друг другу; монах сделал еще несколько шагов, оглянулся и остановился.

— Вы кого-нибудь ждете? — осведомился он; голос у него был приятный.

— Нет!.. — ответил, подымаясь, Марк. — Но я хотел бы посмотреть мастерскую?

— А вы художник?!.. — оживленно спросил монах.

— Да.

— Быть может, иллюминатор и скриптор?

— Да.

Монах всплеснул руками и лицо его облилось лихорадочным румянцем.

— Двенадцатый!!!.. — вскрикнул он. — Господи, да вы находка для нас!! Сейчас я вас к настоятелю проведу. Пойдемте! — Он схватил Марка под руку и заспешил с ним обратно по головоломной, крутой лестнице без перил.

Нижний монастырь принадлежал другому, недавно возникшему ордену картезианцев. Марк обратил внимание на необычайный вид строений, казавшихся кубами с надетыми на них коронами; только возвышавшаяся надо всем церковь была стройная и совершенно круглая с колоннадой вокруг.

Монах сообщил Марку, что весь монастырь стоит на остатках древних сооружений, которые их нынешний настоятель, аббат Паоло, возобновил и перестроил. Монах отзывался о нем с величайшим почтением и вместо обычного

титула называл «наш муж Господень».

Лестница кончилась и Марк и его вожатый как бы слетели с воздушного простора в тесное, каменное гнездо. Узкая улочка привела их к колодцу, увенчанному черным крестом; близ него высилась белая церковь; к ней, почти вплотную, примыкало небольшое, но на тысячелетия рассчитанное здание из сизых и красноватых валунов; верхний этаж его опоясывала крытая галерея с тонкими колоннами; из глубины ее глядели четыре больших окна, в нижнем этаже они были длиннее, но гораздо уже. Вход находился посредине стены; его сторожили два льва, грубо высеченные из мрамора и положившие морды на передние лапы. На стене над ними, на полосе извести, золотом была выведена крупная надпись — «Скриптория».

Настоятель жил рядом; монах постучал и вошел в бедно и просто убранную келью и Марк увидел низко склоненную над книгой, коротко стриженную голову в черной круглой шапочке; за правым ухом у нее торчал калам.

Заслышав приближавшиеся шаги, сидевший поднял близорукие глаза и на обритом худощавом лице его появилось вопросительное выражение; ряса на нем была старенькая и потертая.

Вошедшие склонились перед настоятелем и монах представил Марка как человека, ищущего света; в карих глазах седобрового старика замелькали радостные огоньки.

— Приветствую тебя, мудрый юноша!.. — ласково произнес он несколько слабым голосом. — Рад тебя видеть! Все должно быть открыто людям; все, что сами знаем, то и тебе покажем!

Он поднялся со стула из простого, некрашеного дерева и, сопровождаемый монахом и Марком, вышел на улочку; миновав львов, они вступили в здание из гранитных валунов.

Длинную комнату наполняли полусумерки; свет яркими золотыми порогами лежал на каменном полу; слева стояли несколько столов и скамей и висела на крюке черная доска из необделанной аспидной плиты. Угол справа занимали пять глиняных умывальников; вода из них стекала в

желоб, выводивший ее наружу.

— Здесь наша школа... учим всех, кто хочет, грамоте!..

— пояснил настоятель.

Лестница привела их во второй этаж.

В крохотной передней у стены строем вытягивались мягкие черные туфли; оба спутника Марка надели их и он последовал их примеру.

— Здесь святилище, здесь тишина!.. — прошептал настоятель и нажал на массивную, как бы крепостную дверь; Марка поразили стены: даже внутренние доходили толщиной до двух аршин.

Открылась светлая, вся белая комната с голубыми сводами; на них сияли золотые звезды; в углублениях были поделаны полки и на них темнели и желтели огромные, толстые фолианты в переплетах из дуба и пузыря.

— Целых семьдесят пять томов!.. — подняв палец, с нескрываемой гордостью прошептал настоятель и беззвучно заскользил дальше. За второй, такой же несокрушимой, дверью открылось помещение, значительно превышавшее размерами библиотечное и еще более светлое. И в нем свод изображал небо, но разверстое посредине и оттуда глядел и как бы благословлял всех находившихся в ней бело-власый Господь Саваоф.

В скриптории размещалось двенадцать кафедр; на них за большими столами с наклонными крышками сидели монахи, главным образом молодежь, и усердно переписывали развернутые перед ними книги.

Никто не встал при виде вошедшего настоятеля — так полагалось во время работы. Один стол был не занят и Марк вспомнил восклицание встретившего его монаха — «двенадцатый» и понял скрытый смысл его.

Двое писцов работали не каламами, а гусиными перьями — это была новость и Марк с удивлением следил, как разнообразно и послушно ложились друг за другом и красиво круглились ряды букв.

Низенькая дверка вывела на круговую галерею. С нее открылся вид на далекие горы Феррары; справа, на отвесных скалах, властно взлетело к небу аббатство.

Настоятель и его спутники вернулись через скрипторию в библиотеку; старик остановился около ближайшего шкафа и достал из него одну книгу, затем другую и положил их на стол перед Марком.

— Вот это наша работа!.. — сказал он, развернув первую.

На Марка глянула художественно, необычайно четко исполненная рукопись с яркими, радостными заставками, украшениями и заглавными буквами нежнейших голубого, зеленого и красного цветов.

У Марка замерло сердце.

— Весной веет... не правда ли?.. — произнес, любуясь ею, настоятель.

— А вот эта старинная, чужая... — продолжал он, разворачивая другую.

Марк глянул на давно знакомые ему тусклые красную, желтую и зеленую расцветки и опять приковался к первой.

— Какие краски!!.. — воскликнул он. — Откуда они? У нас никогда не получалось таких нежнейших голубых и зеленых цветов!

И Марк оборвался и умолк: слово — «у нас» — могло выдать его тайну, но настоятель не заметил обмолвки.

— Немудрено!.. — отозвался он. — В обоих этих цветах главную роль играет индиго, а достать его почти невозможно: его привозят с самого края земли... есть, как рассказывают некоторые старые моряки, никому не известная, полная всяких чудес, страна — Индия. Ехать туда, говорят, надо два года; путь опасный, страшный — водовороты, бури, звери чудовищные, люди еще их страшнейшие. Я встретил однажды в Генуе смельчака, который только что вернулся оттуда. Смотрю, изумительнейшего небесного цвета у него парус на корабле! Вот от него-то я и добыл маленький ящичек этого драгоценного индиго: храним его, как зеницу ока!..

— А когда оно окончится?.. — спросил Марк.

— Тогда в Индию за ним сами поедем!

— Да, да!!.. — восторженно подхватил монах. — Вы меня пошлете, святой отец, не правда ли?

Старик с ласковой улыбкой потрепал его по плечу.

— Везде побываешь во имя Божье!.. — пророчески проговорил он. — А ты у нас не останешься ли, молодой друг?.. — обратился он к Марку. — Много дела есть в винограднике Господнем!

Щеки Марка зарделись.

— Я должен учиться, святой отец!.. — ответил он. — И меня ждут на родине.

— Учиться?.. — задумчиво проговорил старик. — Ты знаешь главное — грамоту и твой долг других научить ей. Высшее счастье в переписке и в размножении книг: это смысл и цель нашей жизни. Уча, мы приносим пользу пока живы, а книги, написанные нами пройдут через века, просветят тысячи людей! О моих и твоих знаниях скажут в свое время, что они — глупость и темнота и забудут их, а наши скрижали разнесутся по всему миру и останутся. Это неугасимые лампы за наши души!.. Нет лучшего делания перед лицом Божиим, как переписка книг!.. Я расскажу вам случай... — Настоятель опустил на табурет. Марк и монах стояли, прислонясь по обе стороны шкафа, и жадно слушали.

— Жил в давние годы в одном монастыре брат. Был он великий грешник, повинный в тысячах нарушений устава, но его терпели потому, что он был скриптор и любил свое дело. И вот по собственному почину переписал он и украсил огромный том, а вскоре затем умер. Душа его явилась к апостолу Петру и демоны окружили ее и хотели уже тащить в ад, но ангелы принесли книгу, переписанную им. И решено было за каждую букву ее сбрасывать по греху и оказалось, что число букв превысило число грехов на одну... бесы отступили со срамом... Вот, дети мои, как велико дело писца!

Старик сделал движение, чтобы встать; его бережно подхватили две узких и бледных и две мускулистых руки.

— Невольно не могу... поступай, как знаешь!.. — ласково обратился он к Марку. — Значит, за чем-то другим приводил тебя сюда перст Божий!.. Ночуй у нас... брат Михаил поруководит тобой!

Он благословил обоих и ушел работать в свою келью.

Марк, сопровождаемый Михаилом, ознакомился со всем монастырем, побывал на уроке в школе, где учились бородатые люди, прослушал вечерню и засиделся в келье у молодого монаха. В крохотное оконце ее виднелись румяные горы; солнце уже садилось, пышное аббатство казалось пурпурным облаком, застывшим на чистом небе; носились и кричали стрижи.

Марк признался своему новому товарищу, кто он и почему очутился в Италии: после рассказа настоятеля об индиго эта, претившая ему, таинственность являлась ненужной.

— У нас нет тайн!.. — ответил монах. — Что мы сами знаем, то и людям сообщаем. Надо размножать знания — таков завет святого отца настоятеля! Что же ты теперь предпримешь — назад к себе вернешься?

Марк долго молчал, потупив голову.

— Нет... — твердо проговорил он наконец. — Что я принесу сейчас своему монастырю? Ничего! Отец Антуан сказал, что душа сама подскажет мне, что делать. Буду учиться!

— Будь двенадцатым!.. — мягко и просительно произнес Михаил и положил бледную руку на колено соседа. — Нас и было двенадцать, но один брат умер недавно. — Учитель у нас великий — вся жизнь его на пользу людям! Видел, как он бедно живет и одет?.. Знаешь, какое чудо с ним было? — блестя глазами, с возбуждением добавил он. — Однажды засиделся он далеко за полночь у себя, а масла в лампочках не хватило — стали угасать они. И что ж бы ты думал — начала светиться у него рука и все больше и больше — весь стол его осияла! А он и не заметил — продолжал до рассвета писать... Несколько человек из братии это видели!..

Горы уже скрылись; аббатство погасло и напоминало белый корабль с распушенными парусами; долина внизу поглотилась черною пропастью.

— А что он пишет? — осведомился Марк.

— Все, что случается: хронику событий, ученые трактаты, переписывает с нами сказания, разные ветхие хартии.

Сколько открытий он сделал, сколько мыслей и деяний великих людей спас от забвения и тлена! Сидя здесь, на скале, мы, благодаря ему, видим невидимое — прошлую жизнь разных стран и народов, слышим песни и стихи рыцарей, речи святых отшельников. Господи, какое это счастье!!..

Монах прижал к впалой груди обе руки и умолк, устремив взгляд в пространство.

— Однако, время в скрипторию идти?.. — проговорил он, вставая.

— Всегда у вас по ночам пищут?.. — спросил Марк, подымаясь тоже.

— А то как же!.. — воскликнул Михаил. — Ночь самое лучшее время для нашей работы: тишина совсем особенная, звезды горят. Днем в работе восторга нет!

Над лестницей, ведущей в скрипторию, горела повешенная на трех цепочках глиняная трехрогая лампа.

Марк и его спутник надели туфли, миновали чуть освещенную библиотеку и вошли в скрипторию.

На каждом из столов горели по три лампадных бездымных огонька; словно ожерелье из золотых звездочек мерцало кругом стен; неизъяснимая тишина окружала низко нагнувшихся над пергаментом монахов: все были погружены в свое дело.

Марк долго, пока Михаил не тронул его за рукав, наблюдал за писцами; они казались ему виденьем не от мира сего.

Михаил отворил дверь на террасу и вышел наружу.

— Пойдемте на кровлю? — шепотом предложил он Марку.

Молча выбрались они по другой лестнице на ровную площадку, выстланную плитами. Михаил сел боком на невысокую стенку, служившую оградой; Марк поместился против него.

— За звездами отсюда хорошо наблюдать... — проронил Михаил. — Иногда мы собираемся здесь!

Стояла лунная ночь; аббатство и скалы, на которых раскинулось оно, сияли в синеватом свете; длинный ряд окон над самой пропастью блистал яркими огнями; можно бы-

ло распознатьдвигающиеся фигуры людей.

Среди тишины ласточкой пролетел издалека высокий звук — будто струна прозвенела где-то; хор голосов покрыл ее — пели в замке аббатства. Слов разобрать было нельзя, но и Марк, и Михаил узнали знакомую веселую песню странствующих студентов. Грохнул хохот, защелкали дружные, многочисленные аплодисменты.

Марк и Михаил долго и безмолвно вслушивались в ночь; души их были в неведомом...

Монах проводил Марка в свою келью и тот камнем уснул на жестком ложе хозяина; Михаил вернулся к своим товарищам и весь отдался любимому занятию.

До крика петуха звенели струны, пели и плясали в замке тени; до рассвета теплились среди безмолвия в скриптории тридцать три светляка перед склоненными головами безвестных писцов и антиквариев¹.

ГЛАВА XXIII.

В воскресенье Бонавентури вместе со всеми подмастерьями был по обычаю в соборе и слушал мессу; народа было множество; пели все молившиеся и что то стихийное гремело в этом тысячеголовом хоре; звуки двух лютней вплетались в него хрустальными гаммами.

Ян, забравшийся в укромный уголок, подальше от окон, вдруг заметил далеко впереди знакомое голубое платье; молитвенное настроение разом соскочило с него и уже до конца службы он не отводил глаз от склоненной головы Габриэль; рядом с ней мощным монументом возвышался ее отец в белом с малиновым платье и тетка, не достававшая головой даже до плеча его.

¹ Так назывались переписчики произведений древней греческой и римской литературы.

Месса кончилась. Ян вмешался в толпу, притаился у стены близ выхода и стал ждать появления Габриэль — ему хотелось хотя бы мельком повидать ее, побыть с нею рядом.

Скоро показался рыцарь; рядом с ним шла Габриэль. Не дыша, Ян глядел на нее. Она точно почувствовала взгляд и лицо ее повернулось в его сторону. Она узнала Яна; улыбнулась и незаметно кивнула ему головой.

Яну захотелось закричать от восторга; он выскользнул вслед за нею на паперть, но Габриэль более не оглядывалась; Ян проводил ее до угла глазами и, ликуя, напевая и прищелкивая пальцами, пустился в гости к Луиджи.

Неаполитанец поджидал его в трактории и сейчас же увел его в свой излюбленный угол за бочками.

— Ты опять какой-то особенный!.. — сказал Луиджи, приглядевшись к приятелю. — Или еще синяков захотелось?

— Чем особенный?.. — ответил Ян. — А вот новости принес я тебе удивительные. Знаешь, что этой ночью случилось?

— Нет, не знаю. А что именно?

Ян нагнулся к уху Луиджи и шепотом произнес:

— Дьявол унес из епископской тюрьмы всех узников!

— Да неужели?.. — иронически удивился неаполитанец.

— И кто-нибудь этого дьявола видел?

— Четверо человек: двое сторожей и двое монахов! Какая бурная ночь была!.. они от страха пошли вчетвером проверить замки в тюрьме и вдруг из-под земли как взорвется огонь и высоченный демон весь в красном явился! Не успел никто крестного знамения на себя положить — туча бесов накинута на них, швырнула их на пол, двери камер сами распахнулись, цепи со звоном послетели, заключенные повскачили на чертей верхом и унеслись сквозь стены... Страшные колдуны все там сидели!.. Вот какая история!

— Да... — протянул Луиджи. — А не тюремщики ли сами выпустили своих пленников?.. Не этот ли дьявол им помог? — он похлопал себя по зазвеневшему карману.

— Да как же это возможно? Ведь епископская тюрьма во дворе замка, там всегда полно стражи, у ворот тоже. И

никто не видал, как девятнадцать человек ушли? Из них несколько брави было! Особенно, говорят, отличался небольшой чертик вот с тебя ростом, с такой же бородкой...

Луиджи поперхнулся вином.

— Да разве сторожа могли разобрать что-нибудь в темноте?

— Какая там темнота! Все подвалы пуще чем днем осветило. Сторожа говорят, что если бы они встретили этих чертей, сейчас же узнали бы их! Весь город у ворот замка, народу — толпа! Ведь пойми: все замки целы, стены тоже, а заключенных нет. Хочешь, сходим, поглядим?

— Нет, у меня что-то нога болит!.. — ответил Луиджи: рассказ простодушного Яна несколько обеспокоил его. Он смекнул, что не зря и не из пустой прихоти Маркони замаскировал место пролома: событие сваливалось благодаря этому на плечи нечистой силы.

— А из беглецов никого не поймали? — спросил неаполитанец.

— Ищут их сбиры, да ведь где же найти — они, я думаю, давно за сто парасангов отсюда! — Говорят, что его святость обещал сжечь на костре всех тех, кого поймают!

Луиджи выспросил у приятеля все подробности о передаче записки синьорите и в свою очередь кратко поведал о своем посещении Маркони; о получении золотого и обо всем дальнейшем он умолчал.

Ян слушал с жадным вниманием.

— А Маркони молодой?.. — будто между прочим, обронил он.

— Так, средних лет... — ответил Луиджи. — Роза порядочная...

— Да? в самом деле?..

— Да чего же мне врать: уж если я что говорю — значит, сама истина!.. Тут, брат, не любовь, а политика... это уж ты мне верь!.. Вот что, брат... кажется, мне на днях придется на некоторое время из города уехать, так ты с Марком почаще заглядывайте в собор — не будет ли там пометочки от меня!

— А куда ты собираешься?

— Дело наклевывается...

Приятели распили кувшин вина и, отуманенный им и мыслями о синьорите, Ян отправился домой; Луиджи поднялся на третий этаж в свою каморку; ворон, сидевший на спинке стула, с радостным карканьем перелетел к нему на плечо и стал тереться головой о щеку. Луиджи поласкал птицу, накормил ее и погрузился в раздумье — ему начало казаться, что он попал в скверную историю.

Через некоторое время он спустился вниз и пообедал, прислушиваясь к застольным разговорам; велись они о событии, взбудоражившем весь город; толковали шумно и горячо и доходили до таких прикрас, что если бы Луиджи не знал дела, то и не догадался бы, что речь шла именно о том, в котором он только что участвовал.

Наслушавшись вдоволь, Луиджи встал и направился к выходу. Проходя мимо стойки, он услышал легкое «пст»... и оглянулся; мрачный, как всегда, хозяин подмигнул ему единственным глазом.

Луиджи подошел к прилавку и звякнул об него монетой.

— Надо обречься!.. — шепнул кривой, придвигая под видом сдачи деньги обратно. И сейчас же отвернулся и занялся резкой хлеба.

Луиджи дрогнул от неожиданности, но, зная нелюбовь хозяина к объяснениям и разговорам, молча вышел из тратторий.

Совет был дельный: догадливый хозяин видел, что его постоялец вернулся откуда-то в бурную, грозовую ночь весь мокрый до нитки и сопоставил эту ночную отлучку с происшествием у епископа.

Участие хозяина почему-то успокоило неаполитанца: он почувствовал у себя за спиной надежную, давно испытанную опору.

В первой же попавшейся лавочке перрукиери ему быстро смахнули усы и бородку и, преображенный и опять довольный собою, Луиджи отправился пошататься.

Издали, от угла, он посмотрел на дворец епископа, около которого продолжал толпиться народ, и свернул на дру-

гую улицу. Вскоре он заметил, что забрался далеко — перед ним оказался красный дом. Сердце у Луиджи ёкнуло: на среднем окне верхнего этажа висела красная занавеска.

Первым намерением Луиджи было немедленно исчезнуть от этого опасного места, но что-то подшепнуло ему, что этот сигнал имеет важное значение и для него лично. Стоять и раздумывать не приходилось: Луиджи осторожно огляделся, перешел через улицу и стукнул молотком. Дверь словно поджидала его и сейчас же отворилась; тот же густобровый слуга провел неаполитанца наверх к своему господину; он стоял в зале и внимательно рассматривал какую-то мраморную богиню. Услыхав шаги, Маркони оглянулся.

— Кто это?.. — с недоумением произнес он, не узнавая Луиджи. — В чем дело? Ба, да это ты, петушок?!

— Я самый, синьор!.. — ответил с низким поклоном неаполитанец. — Вы вывесили сигнал и я здесь.

— И притом первый!.. — с улыбкой сказал Маркони. — Твое усердие будет оценено по заслугам. А пока синьорита велела тебе передать на память вот это... — он достал из сумочки блеснувшее золотое кольцо с изумрудом и дал его Луиджи; неаполитанец раскланялся и надел его на палец.

— Теперь нам предстоит вот что... — продолжал, опустившись в кресло, Маркони. — Ты уже, конечно, слышал городские толки про наше похождение?

— Как же, синьор... Все свалено на чертей — это самое приятное!

— Да, но я слышал, будто один из сторожей запомнил двоих из нас. Ты, между прочим, хорошо сделал, что обрился. Это предусмотрительно! Так вот... в городе оставаться нашим друзьям очень опасно: черти чертями, а вся полиция на ногах и у ворот усилена стража. Необходимо вывести беглецов из города...

— Это очень трудно, синьор!

— Знаю. И тем не менее — надо. Ты ловкий и сметливый молодец; скольких же человек ты возьмешь на себя?..

Луиджи задумался.

— Двоих, синьор, не больше!..

— Хорошо... — подумав, согласился Маркони. — Но помни, что епископ зол до бешенства и если кого поймают, то за сношение с дьяволом тому не миновать костра!

— Огонь неприятная штука, синьор. Охотников изжарится живьем найдется мало и они дороги!

Маркони достал из сумки вязаный кошелек и бросил Луиджи; тот подхватил его.

— Срок два дня!

— Три, синьор, не меньше!

— Пусть будет по твоему. Бартоломео?.. — обратился Маркони к слуге, стоявшему между каменных статуй. — Условься с Яном, где и в какое время ты сможешь найти его. Твое имя Ян, кажется?

Луиджи закашлялся.

— Да, синьор... Но чаще меня зовут Луиджи!..

— Отлично. Итак, помни: я надеюсь на тебя, как на себя самого. Действуй!

Движением руки Маркони отпустил неаполитанца.

Луиджи вышел озабоченный. На улице подозрительных лиц не было и он, раздумывая, что предпринять, поплутал по закоулкам и вдруг вспомнил о Марке; в голове его появилась мысль попытаться выпроводить из города беглецов под видом студентов, отправляющихся в обход по монастырям.

Луиджи поспешил в общежитие. Как назло, Марка не оказалось и никто не мог сообщить, когда можно было ожидать его возвращения в город. Раздосадованный неаполитанец вернулся в свое убежище и, не желая показываться в трактирии, потребовал вина к себе наверх и стал забавляться с вороном.

ГЛАВА XXIV.

На другой день Луиджи побывал в соборе и сделал в определенном месте условленный призывной знак. Выполнив это, он боковым ходом вышел наружу и только повернул за

угол — крепко столкнулся с машисто шагавшим человеком. Луиджи отлетел от толчка в сторону, выругался и вдруг уцепился за рукав встречного.

— Маркушка, ты?!.. — радостно вскрикнул он. — А я тебя ищу везде!..

— Мы только что вернулись из обхода... — улыбаясь, ответил Марк. — Я в собор шел... посмотреть!..

— И я оттуда же... теперь ко мне пойдем!..

Луиджи оглянулся через плечо и, хотя никого не было, шепотом произнес:

— Очень важное дело есть!

Близ университетской площади они слышали какой-то странный гул и крики.

— Что бы это значило?.. — проговорил неаполитанец.

— А тебе не все равно? — равнодушно отозвался Марк.

— Как все равно?!.. — возразил, начиная воспаляться, Луиджи. — Да ведь там дерутся!!.

— Ну и пускай!..

— Нет, брат, надо взглянуть!.. — Луиджи чуть не бегом бросился в сторону шума; Марк, не торопясь, следовал за ним.

На площади они остановились. Часть ее, ближайшая к университету, кишела народом и происходило нечто невообразимое — над головами мелькали кулаки и палки, как цепи, молотившие кого и по чем попало; стена из нескольких сот человек наседала на другую, куда менее многочисленную; она подавалась назад, слышался рев, вой и дикие возгласы.

— Что такое?!.. — в полном недоумении проговорил Марк.

— Студенты с профессорами своими дерутся!.. — хихикая, пояснил незнакомый пожилой сосед, с интересом следивший за боем. — Ученый спор какой-нибудь разрешают!..

Луиджи весь кипел.

— Вот здорово!.. — так его!.. вали-вали!!.. — то и дело приговаривал он, забыв все и видя только побоище.

Студенты явно одолевали. Но в ту минуту, когда профессора, бакалавры и лиценциаты уже были притиснуты к

самой стене, та часть бойцов, что была загнана внутрь университета, вдруг хлынула обратно, но уже в шлемах, латах и в железных перчатках; за ними выбежали сторожа, кто с метлой, кто со скамьей или палкой, и с яростью обрушились на студентов; опять закипел бой. Передние, поразбив себе кулаки о железо лат и шлемов, отхлынули под градом ударов и черная лавина, усеивая свой путь отступления сшибленными с ног товарищами, стала откатываться от университета. Свалка шла уже около Марка и Луиджи.

— Бей их, бей!!! — вопил последний, суча кулаки неведомо против кого.

Жестокая и столь же неизвестно чья плюха скосила его как косой; окончательно разъяренный неаполитанец вскочил как кошка и дал в ухо ни в чем не повинному зрителю-соседу; тот, сочтя автором удара Марка, вплепил ему кулаком под глаз; кто-то третий засветил ему же с другой стороны. Марк рассвирепел и, не разбирая виновных, принялся крушить налево и направо кого подвернется; драка охватила всю площадь, зрители и бойцы смешались в одну кашу. Еще несколько минут и студенты врассыпную кинулись в бегство; со всех сторон стал доноситься бурный смех — экстаз драки превратился во всеобщее веселье: хохотали победители, хохотали побежденные.

Преследования дальше конца площади не полагалось. Среди нее появилось и чуть заколыхалось на высоком алом древке зелено-красно-белое знамя университета — знак окончания распри. Профессора торжествовали; некоторые, особенно уставшие, тут же снимали с себя тяжелое вооружение и передавали его служителям.

Марк и Луиджи, оба покрасневшие и запыхавшиеся, встретились на окраине площади. У Марка были подбиты оба глаза; Луиджи отделался благополучнее, но тем не менее одна скула у него сильно вспухла.

— Молодцы профессора!! — в полном восторге воскликнул неаполитанец. — Здорово учат... скамейками!!

Марк чувствовал некоторое смущение.

— Из-за чего вся история вышла?.. Что такое случилось?.. — спросил он, недоумевая и ощупывая глаза, на-

чавшие превращаться в щелки.

Луиджи пожал плечами.

— Всякому иногда бывает приятно подраться!.. — ответил он. — Кровь полируется!..

— Да нет!.. — вмешался в разговор какой-то незнакомец, совсем сторонний университету. — Сказывают, правила какие-то новые утверждали!..

На улицах, выходявших на площадь, царило оживление; многих профессоров тесными кольцами стали окружать их возвращавшиеся ученики; некоторых молодежь подхватила на плечи и понесла по улицам; загремел только что народившийся «гаудеамус-игитур».

Марк и его приятель пробрались через толпу зевак и поднялись в его каморку.

— После удовольствия — дело!.. — сказал Луиджи.

За кружками вина он вкратце поведал озадаченному Марку о бывших с ним приключениях и о своем намерении спасти беглецов, выдав их за студентов. О полученных деньгах не упомянул ни словом.

— От тебя нам надо людей, человек пятнадцать!.. — закончил Луиджи. — Открывать им ничего не нужно, а потом те, которых нам поручат, отстанут где-нибудь в пути, а я с вами дальше пройду по монастырям... иногда необходимо помолиться!

— Мы только что вернулись?.. — в раздумье проговорил Марк, покручивая отросшую светлую бородку. — Не знаю, с кем бы сговориться!

— Неужели ты до сих пор дружбы ни с кем ни свел?.. — воскликнул неаполитанец. — Вот северный медведь!

— Да есть двое... попробую с ними потолковать!.. Скажи, а разве здешний епископ плохой человек, что ты против него пошел?

— Сам сатана!.. — воскликнул Луиджи. — Весь город его не терпит. Надо действовать немедленно! И помни — тайна это величайшая. Пронюхает этот бес, без вертела жаркое из нас сделает?! Скажи своим, что хорошо заплатят!

Марк кивнул головой и, раздумывая о слышанном, поспешил в свое общежитие.

До позднего вечера все кабаки были переполнены студенчеством и профессорами, распивавшими вино и занимавшимися друг с другом; раздавались песни и выкрики, здравицы, хохот. А поздно ночью давно уже спавшие обыватели вскакивали и выглядывали из окон: на черном лоне улиц-ущелий пылали красные факелы, виднелись носилки с неподвижно распростертыми телами, перекатами раздавался «гаудеамус» — это толпы студентов разносили по домам своих профессоров.

Пыль и песок нес и крутил смерчами южный ветер по улицам Болоньи на следующий полдень. Площади казались завешенными туманом, все живое попряталось по домам; окна всюду были закрыты и только ватага студентов, закутавшая плащами лица по самые глаза, направлялась, кляня погоду, к восточным воротам. Шло человек около двадцати; у всех были торбы, двое имели лютни, каждый опирался на длинную палку с острым железным наконечником, которую мгновенно можно было превратить в короткое копьё.

Пятеро передовых сразу бросались в глаза особенным цветом волос: это были Марк, два быкообразных усача и еще двое таких же рыжеволосых человек, гораздо поменьше их ростом; Луиджи забрался в самую середину ватаги и то и дело кидал вперед беспокойные взгляды: уже показалась башня Феррарских ворот; сверх обычая они были закрыты и в полутемном пролете их виднелись вооруженные сторожевые.

Завидев приближавшихся, несколько человек выступили им навстречу и алебардами преградили дорогу. Все остановились.

— Мы артисты... — прогудел Мартин. — Что надо?

— А вот мы разберем, кто артист, кто нет!.. — грубо ответил старший из караульных. — Эй, где Виталиус?..

На окрик из башни показался невысокий пожилой человек в коротких коричневых штанах и пестром жилете, поверх которого был надет серый камзол.

У Луиджи перехватило дыхание — он узнал одного из тюремщиков епископа.

Виталиус только мельком взглянул на передовых и маленькие глазки его, с большими коричневыми мешками под ними, пытливо устремились на остальных.

Закрываться плащом значило обратить на себя особенное внимание; Луиджи смекнул это, снял шляпу и начал обмахиваться ею, как веером. Взгляд Виталиуса задержался на миг на его лице и скользнул дальше; радостное чувство всколыхнулось в груди неаполитанца, но тут же погасло: глаза сыщика опять вернулись к нему.

— Кто ты?.. — спросил он Луиджи.

— Артист!.. — ответил тот. — А что, крестили мы с тобой где-нибудь?..

— Глаз-то у тебя почему запух?..

— Сегодня полгорода с синяками ходит: вчера диспут был!..

— Верно!.. — поддержал старший. — Вон они, ученые билеты под глазами у всех наклеены!

Стража захохотала.

— А куда идете?

— Петь по монастырям... — Сперва к его святости епископу в загородный дворец зайдем!

Тюремщик внимательно осмотрел остальных и махнул рукою.

Алебарды опустились: в воротах отворилась калитка и ватага гуськом выбралась за черту города.

Несмотря на жару и пыль, неаполитанцу захотелось кувыркаться, запеть, выкинуть что-нибудь необыкновенное, но сторожевая башня была еще близко и Луиджи преодолел искушение и сделался чрезвычайно важным; только единственный глаз его, горевший огнем, выдавал его переживания.

Благодаря повороту дороги ветер стал дуть путникам в спину; идти сделалось легко.

Луиджи поравнялся с передовыми.

— Зачем ты соврал, что мы идем к епископу?.. — вполголоса спросил Марк.

— Вдохновение, брат!.. — воскликнул неаполитанец. — Без этого пропадешь!

Болонья мало-помалу стала сливаться с далью; пыль над нею стояла облаком.

Под вечер ветер утих. На гребне увала, несколько в стороне от дороги, открылась колоннада и какие-то древние развалины; Луиджи пытливо всмотрелся в них и что-то шепнул Мартину; тот, шедший за жожака, свернул к ним со своими спутниками.

— Здесь заночуем!.. — объявил он во всеуслышание.

Развалины оказались храмом; к нему вела мраморная лестница из семи широких ступеней. Сохранилась большая часть свода и под ним на невысоких постаментах белел полукруг из мраморных статуй; две или три лежали на полу, разбитые на куски; разрушение и запустение глядели со всех сторон.

Несколько человек отправились собирать дрова; неподалеку отыскался ручей.

В самой глубине храма, поодаль от статуй, артисты развели на мраморном полу костер и принялись стряпать ужин из вареных бобов. Эхо отзывалось на каждое движение и слово.

Луиджи несколько раз выходил наружу и вглядывался в начавшую густиться темноту. Скоро прямо против входа в развалины на небе засквозило синеватое сияние: восходил месяц — огромный, круглый, багровый и не светящий; будто пожар вспыхнул где то в черной дали.

Артисты очертили углем место, избранное для ночлега, закрестили его, подмостили под головы мешки и улеглись спать. Немцы-студенты расположились отдельно, около второго бокового выхода, и тихо беседовали.

Месяц, превратившийся опять в серебряный, плыл уже высоко; лучи его проникали в провал на своде и нездешним светом озаряли недвижные статуи; на полу тянулись от них длинные тени; в углу, вповалку, будто куча щенков,

крепко спали в разнообразных позах странствующие студенты и угасавший костер обрызгивал их красными пятнами.

Среди полного безмолвия почудился звяк подковы. Луиджи выскочил из двери, за ним поднялись один за другим немцы.

По дороге мелькали какие-то неясные тени, топот копыт сделался явственней; одна из лошадей засекала ногу и пощелкивание железа по железу выделялось отчетливо. Кучка всадников свернула к развалинам.

— Кто едет?!.. — окликнул Луиджи.

— Соколы!.. — отозвался передний. — Кто спрашивает?

— Два льва!.. — ответил Луиджи; его окружили всадники и стали спешиваться — всего было семь человек.

— Бастиано?!.. — раздался зов одного из приехавших.

К нему, простерев руки, кинулся рижий студент.

— Что такое — это ты?!

— Я, я..

К великому изумлению Адольфа, незнакомый товарищ его сорвал со своей головы огненные волосы и под ними оказались черные, отливавшие при свете месяца синевою; в одно мгновение он отодрал приклеенную бороду; то же проделал и другой рижий; его никто не знал и никто с ним не поздоровался.

Ни во что не посвященный Адольф вытаращил глаза; Мартин и Марк оставались невозмутимыми.

Палавиччини пристегнул к боку привезенную ему шпату и стал благодарить своих спутников.

— А тебе, петушок, особенное спасибо!.. — добавил он, обращаясь к Луиджи. — Если кому-нибудь из вас я могу пригодиться — ищите меня в Риме. Замок Бастиано Палавиччини вам укажет всякий... кроме попов, конечно; господа кардиналы расходятся со мной во взглядах на них. А это возьмите на расходы себе!

Он ощупал рукой седельную сумку подведенного ему статного вороного коня и достал оттуда несколько кошельков с золотом; два из них он сунул Луиджи и по одному дал трем остальным.

— Может, синьор временно нуждается в деньгах?.. — вопросительно добавил Палавиччини, обращаясь к стоявшему поодаль своему товарищу по заключению.

Тот сдержанно поклонился.

— Весьма тронут, синьор!.. — ответил он. — Кроме доброго скакуна, мне ничего не нужно!

— Вы с нами едете?..—спросил Палавиччини, садясь на нестоявшего коня.

Другого, запасного, подвели к незнакомцу.

— Нет, я должен свернуть в сторону Пизы!.. — отозвался он, меряя рукой длину стремян.

— Смотрите, ночью пути опасны для одинокого!..

— Как-нибудь проберусь!.. — с усмешкой сказал неизвестный. — Я верю в свою звезду, синьор!..

— Тогда доброго пути!.. Прощайте!..

Палавиччини махнул всем шляпой, повернул вороного и галопом направился к дороге; кавалькада поскакала за ним.

Незнакомец подтянул подпруги и легко вскочил на седло.

— Мне вас отблагодарить сейчас нечем!.. — произнес он. — Но, быть может, настанет час, и я пригожусь вам!

— А не откроет ли нам синьор своего имени? — осторожно осведомился неаполитанец.

Белые зубы блеснули на лице всадника; он засмеялся.

— Имя мое — ветер!.. — ответил он. — Ну, желаю вам успехов!

Раздался топот копыт и незнакомец быстро стал удаляться и тонуть в синих сумерках.

— Почему они были в париках?!.. — густо вымолвил Адольф.

— Спасались от лап сбиров!.. — коротко отозвался Мартин.

— А-а!..

Адольф успокоился и на этом разговор окончился.

Четверо оставшихся долго смотрели вслед уехавшим. Уже ничего не стало видно вдали и Марк начал подымать-

ся по ступеням к колоннаде; за ним медленно последовали остальные.

— Теперь могу учиться без перерывов!.. — с довольной улыбкой проронил Марк. — А что мы скажем завтра товарищам о пропавших?

— Э!!.. — отозвался Луиджи. — Заявим, что один заболелся и другой увел его на зорьке обратно в город!

— Кто бы такой был этот «ветер»? — вслух подумал Марк.

Ответа не было и не могло быть; чтобы не разбудить спавших, путники на носках вошли во храм и улеглись на прежние места.

Безмолвие и ночь опять зачаровали мир.

ГЛАВА XXV.

Урожай винограда и фруктов в тот год был необычайный: для вина не хватало ни бочек, ни сорокаведерных амфор из глины, врытых в землю многие столетия назад; дороги, ведущие в города, были покрыты вереницами осликов и мулов, нагруженных корзинами с черными и янтарными кистями винограда; около ворот раскинулись целые ярмарки фруктов — внутри городов, на базарные площади, их не пропускали из-за тесноты и по причине множества пчел, провожавших караваны и вившихся на солнцепеке вокруг сладкого, как мед, винограда.

Ватага Мартина пользовалась огромным успехом и сборы ее были таковы, что никто из студентов не мечтал даже о четверти их. Причиной этого был не только обильный всем год, но и удивительная октава Адольфа и бас Мартина, приводившие слушателей в изумление; некоторые во время пения даже заглядывали им в рот, чтобы узнать, откуда берется такая бездонная мощь звуков. Любитель пения, Мартин подобрал по своему вкусу остальных товарищей, среди которых первое место занял весельчак Луиджи, потешавший важных прелатов и аббатов до колик под ложечкой самыми нецензурными, а часто и кощунствен-

ными, остроумными рассказами и песенками.

Немцы-певцы сначала приходили в ужас; итальянцы хохотали и аплодировали как бешеные.

Как ни стремился Марк поскорее вернуться в Болонью и засесть за ученье — их всюду задерживали по несколько дней и даже по неделям и, когда певцы окончательно закинули свои лютни за спины и направились к Болонье, минуло шесть недель.

Приближался праздник патрона города и Болонья и вся обширная округа ее деятельно готовились к джостре.

Вокруг коммунальной, главной площади, имевшей форму овала, врывали в землю короткие столбы и оцепляли ее толстым канатом; в разных концах стучали топоры — на длинных сторонах устраивались помосты, грохотали сбрасываемые с карруц доски.

Дороги, ведущие в город, пестрели народом; шли и ехали на осликах ремесленники и крестьяне; на великолепных грузных конях восседали ярко разодетые рыцари с длинными страусовыми перьями на головах и дамы; отряды слуг везли доспехи; все эти многоцветные реки вливались в распахнутые городские ворота и растекались по улицам; Болонья напоминала шумный и оживленный улей.

Мартин, отойдя несколько парасангов от последнего монастыря, свернул свою ватагу в ближайший овраг и там, в прохладной тени, произвел общий подсчет и раздел добычи. Ее, а главное денег, было столько, что даже выдавший виды Луиджи пришел в восторг.

— И на черта сдалось нам ученье?!.. — закричал он, увидав высыпанную на мешок кучку серебра и даже несколько золотых монет. — Разве это не жизнь! — дыши, наслаждайся! А мы мучаемся — зубрим! Слышите жаворонков?!.. — он воздел руки к небу и, уже искренне считая себя студентом, запел древний гимн богу вина и любви, переделанный впоследствии духовенством в кантату в честь Богородицы. Несколько человек подхватили.

— Честное слово, не знаю, что теперь дальше делать — жениться или в монастырь уйти! Хорошо жить на свете монахам!.. — сказал Луиджи, окончив петь. — Даже обеты

их предоходнейшая статья; мне вчера святой отец приор душу открывал! Назюзился до слезы, почмокал губками, поднял пальчик кверху и говорить: главное на свете, мой друг, слушайся духовных отцов и давай обеты; я скромный человек, а мой обет бедности приносит мне каждый год по сто тысяч дохода, а обет повиновения дал мне почти королевство — на вершок меньше!

Луиджи так ловко изобразил раскисшее от винного блаженства лицо приора, что все захохотали.

Еще задолго до заката солнца партия студентов достигла Болоньи и благодаря многолюдству безо всяких осмотров и препятствий вошла в город и разбрелась по своим углам.

Накануне джостры никакие цеховые работы не производились; все лавки и мастерские были закрыты и принарядившиеся горожане прогуливались со своими дамами по улицам, рассматривали приезжих гостей и вслух разбирали их достоинства и недостатки.

Луиджи решил навестить Яна и передать ему кольцо, но того дома не оказалось; по какому-то наитию неаполитанец направился к замку синьориты и, действительно, в числе зевак увидел своего приятеля, поглядывавшего не столько на приезжих, сколько на окна Габриэль; синьорита не показывалась.

Луиджи взял Яна под локоть; тот оглянулся и озабоченное лицо его просветлело.

— А ведь ты совсем дурак!!.. — проговорил ему на ухо неаполитанец, уводя его дальше... — Ты бы еще в окно к ней сейчас влез? У меня есть тебе подарочек!

— Какой?..

Луиджи снял с пальца кольцо Габриэль и сунул его Яну.

— Это ее благодарность тебе...

Лицо Яна запестрело белыми и красными пятнами.

— Где ты видел ее, когда?!.. — пробормотал он, крепко

сжимая драгоценное кольцо.

Луиджи не успел ответить; на него в упор глянули суровые глаза доверенного слуги Маркони; густые, сросшиеся брови сделали чуть заметное движение и Луиджи сообразил, что слуга должен что-то передать ему. Он сослался на свиданье, будто бы назначенное какой-то красоткой, наскоро простился с Яном и последовал за послым Маркони. Они очутились в шумном, переполненном народом погребке близ Коммунальной площади; видимо, хорошо знакомый хозяин усадил их в отдаленный, полутемный уголок, из которого они могли наблюдать за всем происходившим.

— Имею от синьора поручение к вам!.. — тихо проговорил слуга.

— Очень рад! Конечно, он знает, что синьор Бастиано давно гуляет по Риму?

— Знает...

— А как здоровье остальных?

— Отлично.

— Что значит со мной иметь дело!!.. — самодовольно произнес неаполитанец и постучал в грудь кулаком. — Драгоценнейший талисман ношу! Ну-с, к делу, мой любезный... зачем я понадобился?

Посланный нагнулся в сторону Луиджи.

— Завтра епископ собирается сражаться на джостре; синьоры решили устроить скандал ему... Навербуйте людей и ждите свистка с трибун!.. с деньгами не скупитесь — вот они!.. — И он незаметным движением передвинул по столу к Луиджи тяжелый серый мешочек.

Тот так же ловко прикрыл его ладонью и отправил в карман.

— Ого!.. — проронил неаполитанец. — По весу чувствую, что потеха должна выйти серьезная!

— Таково желание синьора!..

— Хорошо... Но что именно хотел бы ваш господин? Как он смотрит, например, на гнилые яйца?

На хмуром лице посланца появилась усмешка.

— Это зависит от того, как вы смотрите на свою шею? — ответил он. — Синьор полагается на вас!

Собеседники покончили вино и разговор и слуга ушел, а Луиджи долго еще сидел за столиком и соображал, что надо делать.

ГЛАВА XXVI

Еще ранним утром начала шуметь площадь; тысячи народа заполнили все свободные уголки ее; алыми маками казались кастальды, стоявшие вдоль каната и не пропускавшие зрителей на арену: на ней могли находиться только участники джостры.

Площади было не узнать — она казалась сплошным цветником. Окна, балконы, крыши, кампанилья — все было облеплено зрителями, разодетыми в платья ярчайших окрасок; стены домов скрывались под многокрасочными коврами и сукнами; для защиты от солнца над трибунами были натянуты они же. Синее небо было безоблачно.

Состязание должно было начаться в полдень, но уже часам к десяти негде было упасть зерну; гул и говор морским прибоем доплескивались до самых отдаленных улиц города.

На одном из концов площади, на зеленой, врытой в землю мачте недвижно висело бело-зеленое бархатное знамя Болоньи. За ним, ближе к ратуше, разноцветным городком теснились палатки рыцарей, осененные знаменами с гербами; другая часть их была разбита на противоположной стороне поля; между ними суетились слуги и оруженосцы, подготавливавшие все к переодеванию господ в доспехи. Там же важно прогуливались двое докторов в черных плащах и в таких же остроконечных высоких колпаках. Поодаль горою лежали наваленные друг на друга тупые копья; на арене устанавливали квинтану — чучело человека в латах, прочно сидевшее на деревянной подставке; в особую стойку ввинчивали неподвижное, толстое железное кольцо.

Джостры длились по целому дню и зрители в избытке запасались вином и съестными припасами; забравшиеся

спозаранку уже закусывали и прикладывались кто к кружкам, кто попросту к горлышкам кувшинов, громко разбывая в то же время телесные статьи подъезжавших участников.

Празднество должно было начаться с богордо — так назывались односторонние игры, в которых всадники, вооруженные копьем, показывали свое умение владеть конем и оружием; Италия была единственной страной, где параллельно с рыцарями участие в джостре и богордо могли принимать горожане, обладавшие средствами на покупку коня и доспехов.

В полдень на облитой солнцем арене показался весь в желтом, будто золотой, всадник с длинной фанфарой в руке; с нее свисала широкая парча такого же цвета.

Зазвучали переливы сигнала и площадь всколыхнулась и смолкла; еда сразу исчезла по карманам и взгляды тысяч обратились в сторону белой ратуши: ее огибало шествие знамен цехов города; за ним, в одеждах цвета своих знамен, вереницей выезжали молодые всадники. Ни доспехов, ни шлемов на них не было; с правых плеч свисали плащи, державшиеся на застёжке; длинные волосы на открытых головах были схвачены золотыми обручами; у многих из-под них развевались тонкие вуалетки их возлюбленных; в левых руках у каждого находилось по легкому щиту.

Всадники выстроились в одну линию; кони волновались и не стояли, их оглаживали помощники.

Особые судьи освидетельствовали правильность и целостность копий и раздали их участникам богордо.

Опять зазвенела труба и разъезжавший по арене главный распорядитель поднял над головой пурпурного цвета жезл и махнул им; копыта участников опустились наперевес; крайний правый в зеленом платье, с белым плащом за плечом, стронул с места вороного коня и вынесся вперед; пыль всклубилась за ним.

Первым стояло железное чучело; удар зеленого всадника только скользнул по нему, а требовалось опрокинуть его либо сломать при ударе копьё; промахнулся всадник и по кольцу и только удачно взял препятствие — невысокий

барьер.

Зрители молчали; раздалось два-три насмешливых возгласа.

Судья пустил второго — сине-красного на буланом, тяжело коне; словно язык пламени, метнулся за ним плащ; впустую звякнули железо на чучеле и затем кольцо; перед препятствием конь вдруг встал как вкопанный и всадник растопырил руки и под общий смех кувыркнулся через забор.

Третий — молодой и стройный — синий с белым всадник — на белом коне сразу приковал к себе общее внимание: прикрывшись щитом, он карьером налетел на чучело и опрокинул его вместе с подставкой; звук удара разнесся по всей площади; она одобрительно загудела в ответ.

Не уменьшая хода скакуна, синий попал копьём в кольцо; конец его хрястнул и отломился; ездок на полном скаку поднял остаток древка над головой, перескочил через препятствие и свернул под трибуну; аплодисменты и крики приветствовали удалого наездника.

Состязания были повторены дважды и из шестнадцати участников только трое полностью выполнили все задания; в числе счастливых находился и удалец в синем.

Опять пропела фанфара и все всадники выстроились впереди знамен; предстоял самый трудный заключительный номер — надо было на всем скаку воткнуть в арену взятое под мышку толстое боевое копьё и переломить его, удержавшись при этом в седле.

Служители быстро убрали все лишнее и первым выехал зеленый всадник. Он ткнул копьём в землю, пробороzdил ее пыльной лентой и грохнулся бы с коня, если бы вовремя не выпустил из-под плеча рукоятку.

Та же участь выпала на долю сине-красного.

Удача сине-белого вызвала восторженные крики всей площади; четвертый черкнул концом копьё по земле, оно врезалось глубоко в грунт и вдруг словно неведомая сила сорвала всадника с седла и подняла на воздух; он описал дугу и рухнул на землю; конь, звеня стремянами, поскакал в сторону.

Хохот приветствовал падение неудачника.

Еще двое соперников тем же порядком вылетели из седел; двое не удержались и опрокинулись, а затем свалились; несколько человек уронили копья и только те же трое опять оказались победителями.

В честь их загревели фанфары, рога и литавры; под звуки музыки они шагом объехали всю арену. Из толпы летели вверх шляпы, махали руки и цветные головные шарфы; с балконов и из окон сыпался цветочный дождь.

Триумфаторы, радостные и возбужденные, с покрасневшими лицами, кланялись, ловили на лету цветы и совали их куда пришлось — в волосы под обручи, за борт курток, в петли, за пояса, собирали в букеты и кидали их зрителям, туда, где больше аплодировали и больше теснилось хорошеньких женских личик.

Парад кончился; герои богордо слезли с фыркавших и тершихся головами о бабки коней, сдали их подручным, а сами смешались на трибунах с толпою.

Наступила очередь жостры.

На арене показался белоснежный герольд на таком же коне; только буффы на плечах и шляпа у него были пунцовые.

— Благородный рыцарь синьор Пьетро Джиноре вызывает на бой достойных!.. — звонко возгласил герольд и со стороны, противоположной ратуше, засверкали, что зеркала, доспехи богатыря-рыцаря; голову его закрывал тяжкий шлем; с высокого гребня падали на левое плечо длинные павлиньи и страусовые перья. Руки, закованные в железные перчатки, держали древко боевого копья, но с тупой оковой на конце, большой щит с гербом. Громадный, могучий конь по низ груди был покрыт сплошной броней и лишь по черным, мощным ногам можно было судить о его силе и масти; голову коня защищал налобник; между прядавшими ушами огоньком мерцал пучок красных перьев.

У противоположных палаток произошла суматоха — рыцарь запоздал с вооружением и слуги спешно подавали ему то тот, то другой предмет; на голову он надел простеган-

ную на вате черную мягкую «скуфью» — на нее вторую «капироне» и поверх них шлем; оруженосцы быстро и нагло пристегнули его ремнями и пособили рыцарю стать на широкое стремя, а затем и сесть на седло.

— Благородный рыцарь Христофано ди Фатторе принимает вызов... — прокричал герольд и отъехал в сторону.

Соперники, держа стоймя копьа с развевающимися на них флажками, разминутись коротким, тяжелым галопом и отсалютовали друг другу; на концах поля они повернули коней, копьа опустили по-боевому; рыцари укрылись щитами, кони собрались на коротких поводках и вместе со всадниками превратились в сияющие изваяния.

Площадь замерла.

Не успел прозвучать сигнал — на местах, где стояли рыцари, столбами закрутилась пыль и серебряные всадники ураганом понесли друг на друга; на середине арены кони сшиблись грудь в грудь; с одного из рыцарей слетел и покатился по земле шлем; другой повалился от удара копьа на круп коня, но удержался и выпрямился. К обоим бросились оруженосцы осматривать и исправлять повреждения; шлем хранителя поля оказался с глубокой выбоиной и ему надели новый; пена ключьями падала с золотых удиц лошадей; им вытерли рты мокрыми губками.

Бойцы разъехались и снова яростно бросились друг на друга. Судьба была против Фатторе: удар пришелся ему в самую середину груди и он грохнулся на арену; победитель поднял забрало и с открытым лицом поехал к своей палатке; площадь гремела аплодисментами.

Вторая пара бойцов устроила неожиданную потеху для зрителей: при сшибке кони осели на хвосты, а оба всадника одновременно покатались на землю, причем один зацепился громадною зубчатой шпорой за седло и несколько секунд висел вниз головою. Стычка была повторена трижды; щиты звенели как под кузнечными молотками, копьа с треском разлетались на куски, но рыцари держались непоколебимо.

Судьи признали бойцов равносильными и кони, кося кровавыми глазами, унесли их с поля.

При появлении третьей пары кони ее приветствовали друг друга звонким ржанием. И будто по сигналу со всех сторон откликнулись их товарищи и ржание на несколько мгновений заглушило оживленный говор народа.

И эта стычка принесла неожиданность — маленький рыцарь с голубой шалью дамы сердца на шлеме ловко принял на щит только скользнувшее копьё противника, вдвое превышавшего его ростом, метким ударом в голову свалил его на землю и отъехал к палатке. Сбитый сам подняться не мог; его разоблачили и увели под руки.

— Его преосвященство, синьор епископ вызывает достойного соперника... — возгласил герольд и словно солнце засияло на арене: показался закованный в драгоценные золоченые доспехи, весь блистающий рыцарь; лиловые перья на шлеме и такого же цвета длинная мантия, спадавшая с плеч, указывали на важное духовное звание его. Ехал он избыточно, самоуверенно.

На другом конце поля началось некоторое смятение, слышались вскрики и какие-то совершенно необъяснимые, хрюкающие звуки; на арену вынеслась длиннорылая черная свинья и пустилась вскачь на епископа. За ней врассыпную гнались люди. Кто то заулюлюкал.

Площадь загрохотала от хохота.

— Верно!.. достойный соперник!.. — кричали из разных мест. — Ваше преосвященство, не ударьте лицом в грязь!

Опустив в землю копьё, всадник стоял неподвижно.

При помощи кастальдов и оруженосцев непрощенная участница джостры была изгнана с поля.

Герольд повторил вызов, но отклика не было; к нему подскочил не то паж, не то оруженосец небольшого роста и назвал имя противника.

— Синьор Таракано ди Шерстобито принимает бой! — с недоумением выкрикнул герольд.

Показалась странная фигура: на костлявой, высоченной и опоенной пегой кляче сидел не менее ее длинный и худой всадник, весь обмотанный паклей и шерстью; полуразбитый старый шлем держался только на макушке совершенно лысой головы; забрало было поднято и виднелось

дряхлое лицо; в руке у диковинного ездока вместо копья торчал длинный шест.

Одра тащили под уздцы двое людей; он упирался; к нему подскочил тот же оруженосец и сунул ему под хвост колючку репейника; кляча загарцевала, всадник зашатался из стороны в сторону — он был пьян вдребезги. Буря, рушащая здания — вот сравнение с тем, что произошло на площади. Она ревела, хохотала, ругалась; в сторону епископа из разных мест полетели яйца, баклажаны, печеная репа; несколько таких гостинцев попали в латы его.

— Долой епископа!!.. — неистово вопили голоса.

— Да это наш шерстобит, Вальяно!!.. — кричали другие, узнавшие старика. — Лупи, Вальянушка, поддержи!!..

На трибунах между сторонниками епископа и его врагами начались драки; публика стала прыгать и сыпаться через барьеры лож; кастальды мгновенно были смяты и люди, словно рассыпанный горох, покатались по площади; оруженосцы и рыцари похватили копья и оцетинились ими против буянов. Распорядители с криком носились по арене, унимая и прекращая драку. Пьяного шерстобита окружили человек с полсотни и, вместо фанфар, с пением провели его как триумфатора.

Маленький оруженосец суетился как угорелый.

— Исчезай!!.. исчезай теперь! — кидал он то одному, то другому из наиболее ярых задир.

Еще четверть часа — и все утихло; поле очистилось; неизвестный оруженосец канул как в воду.

Джостра пошла своим чередом.

ГЛАВА XXVII.

Много было шумных разговоров и толков в кабачках и повсюду в тот вечер и на другой день!

Выяснилось, что сторонники епископа ожидали, что вызов его будет принят враждебным лагерем и к бою с ним никто не готовился; свинья выбежала не случайно, а была

нарочно выпущена из ближайшего дома; шерстобита спозаранку накачивали вином какие-то молодцы в кабачке, подзадоривали и спорили, что он не посмеет сесть на лошадь.

Епископ уехал бледный от злобы и отдал приказ во что бы то ни стало разыскать оруженосца, несомненно игравшего роль распорядителя в происшедшей истории.

Марк и его новые товарищи-немцы присутствовали на зрелище и сразу узнали в таинственном оруженосце Луиджи. Узнал его и завистливый и мрачный товарищ Яна; он стоял в толпе у самого каната и недобрым взглядом следил за суетой, устроенной неаполитанцем.

Ян, почти не отрываясь, смотрел на ближайшую трибуну; в первом ряду ее в розовом с серебром платье сидела Габриэль Готье. На арену он взглядывал только тогда, когда Габриэль чем-нибудь проявляла радость или особый интерес к происходившему; вместо джостры он видел только что-то сказочное, яркое, пестрое, шевелящееся и в центре всего — ее.

Волшебный сон кончился, публика стала расходиться, солнце было уже на закате; верх кампанилы был как бы охвачен пожаром. Ни видеть, ни разговаривать с кем либо Яну не хотелось; надо было одному пережить все испытанное и он зашел в первый подвернувшийся погребок, забрался в отдаленный угол и спросил вина. На протяжении руки от него помещалась подвыпившая компания из пяти человек, беседовавших между собой.

До Яна вдруг донеслось имя Габриэль; он насторожился, сделал вид, что отвернулся и стал внимательно вслушиваться.

— Да уж я знаю, что говорю, верьте мне!.. — спотыкаясь языком, твердил один. — Тут неспроста дело!.. — он поступал костяшками кулака по столу. — Тут неспроста! Позвольте узнать, почему с тех пор, как приехала эта француженка, у нашего епископа одни неприятности? А? То черти из тюрьмы всех унесли, нынче опять свинья... это как называется? Ведьма, вот как!.. — он снова стукнул кулаком.

— Да нет, не так!.. — бия себя в грудь кулаком, тоненьким дискантом возражал другой. — Ты вздор городишь! Не

ведьма, если сам его святость влюблен в нее. Это раз! А вот что: она невеста синьора Бастиано Палавиччини. Понимаете? — Он поднял вверх палец. — Вот наш и засадил его в тюрьму! А она фюить — и выпустила молодца! По секрету вам открою — пробоина в стене тюрьмы найдена!

Все ахнули.

— Вот так нечистая сила!.. — протянул третий.

У Яна перехватило дыхание. Он отодвинул еще не начатую кружку, встал и удалился из погребка.

Через день город принял обычный вид.

Ян, пасмурный и молчаливый, с узким медным обручем на лбу, не разгибался над работой. Напрасно краснощекая, в черном корсаже и пунцовой юбке Моника несколько раз приближалась к двери в мастерскую и кидала на него взгляды — он не замечал ничего. Перед самым обедом Яну понадобилось выйти в кухню; кроме Моники, никого в ней в эту минуту не было и Ян увидел, что девушка забилась в укрытый от взглядов угол и озабоченно делает ему призывные знаки.

Ян подошел к ней.

— Человек приходил сейчас!.. — быстро зашептала она. — Высокий, белокурый, по-нашему плохо говорит... велел сказать, что Луиджи арестован!

Моника отскочила в сторону и, напевая, принялась развешивать на протянутую веревочку полотенца: из-за двери выглянуло настороженное лицо со сросшимися бровями и сейчас же скрылось.

Ян вернулся в мастерскую и, когда все поднялись по зову хозяйки к обеду, заявил Бонавентури, что есть не хочет и должен уйти по своему делу.

— Беги, беги!.. — благодушно ответил старый мастер и потрепал его по плечу. — В этом вся жизнь — отбегаешь свое время, сядешь дома на лавочке!..

Ян вышел на улицу и торопливо направился к Марку, чтобы узнать, что произошло.

Марк оказался дома; с ним находилась и неразлучная пара — Мартин и Адольф. Первые двое вели разговор; последний лежал на своем тюфяке, положив слоновьи ступни ног на чурбан, заменявший стул, и по обычаю молчал или изредка издавал густой гул, как только что отзвонивший колокол; одобрителный или протестующий характер его зависел от личности собеседника: Мартин в его глазах был непререкаемым оракулом.

Марк познакомил их с Яном. Адольф даже не пошевелился и только одним выпуклым глазом обвел новичка.

Марк сообщил, что знал: Луиджи схватили сбиры вчера под вечер близ Флорентийских ворот; очевидцами были трое студентов из той партии певцов, с которой он совершил такой удачный обход монастырей. Куда отвели пленника — студенты не догадались проследить.

— Дернуло же его дурака валять на джостре!.. — наивно заключил Марк свой рассказ.

— Дурака?.. — переспросил Мартин. — Нет, брат, бери выше: это заговор!.. тут деньгами посыпано!..

— Да неужели?... — изумился Марк. — Против епископа?

— Здесь вечные заговоры против кого-нибудь!.. — ответил Мартин. — Итальянцы без этого дня прожить не могут!

— Но ведь епископ поставлен самим императором?.. — возразил Марк.

— В том-то и загвоздка: поговаривают, будто император никакого права не имеет на это. Слухи идут, будто папа говорит, что власть ставить и утверждать не только епископов и кардиналов, но и королей и даже самого императора принадлежит только наместнику Христову — папе. Сил только пока еще мало у него.

— Как же быть с Луиджи? — вмешался Ян и все смолкли и задумались.

Прежде всего, нужно было узнать место заключения товарища, но сделать это являлось почти невозможным. Между тем, необходимо было торопиться — дело грозило пыткой.

Ян вдруг ударил себя по лбу: вспомнил о трактиршике из «Двух львов»; вспомнились слова неаполитанца о нем и Марку; порешили, что Ян сходит в погребок на разведку; про историю с передачей письма Ян не обмолвился ни словом и поспешил к «Двум львам».

Кривой трактирщик как будто поджидал Яна; он моргнул в направлении погреба и Ян направился туда; посетителей в trattoria было всего человек пять. Хозяин, не торопясь, налил из большого кувшина кружку красного вина, насыпал в крохотную мисочку очищенных грецких орехов и понес их новому гостю.

Ян стоял в полутьме среди бочек.

— Где синьор Мальвио?.. — шепотом спросил он.

— Пока в городской копилке!

— Что теперь делать?

Трактирщик мотнул головою.

— Надо укараулить, куда переведут, а там увидим!.. — ответил он. — Люди уже стерегут... Начеку будьте!.. куда дать знать?

Ян сообщил, где можно найти его и, не прикоснувшись к вину, другим ходом исчез из погребка.

Хозяин проводил его единственным глазом, потом медленно выпил кружку, закусил щепоткой орехов, вернулся за прилавком и стукнул об него посудой.

Темным вечером того же дня, когда Ян уже запирает окно мастерской, около него появился закутанный по глаза в черный плащ неизвестный.

— Увезен в загородное чистилище!.. — тихо проронил он и исчез в темноте.

Сообщение это встряхнуло Яна. Личными переживаниями заниматься было некогда — нужно было спасти Луиджи. Прежде всего заработала мысль — как и когда отлучиться из мастерской, чтобы дать знать своим. Отправляться у Бонавентури Яну не хотелось — он чувствовал, что

старого ювелира провести трудно и решил улизнуть тою же ночью тайком.

Ужин, как нарочно, затянулся долже обычного — судили и рядили о происшедшем на джостре и о таинственном оруженосце. Мрачный подмастерье загадочно улыбался.

Бонавентури поднялся наконец со стула и все разошлись по постелям.

Ян долго прислушивался к дыханию товарищей, затем свесил с кровати ноги, захватил в руки куртку и башмаки, осторожно добрался до лестницы и стал спускаться в непроглядную тьму; громко, на весь низ, крикнула под его ногой ступенька и Ян замер... — царила ненарушимая тишина. Он выждал несколько минут, добрался до кухни и простерев, как слепой, руки сделал еще пару шагов, нащупал стул, сел и быстро натянул платье и обувь.

В углу у печки стояла ореховая дубинка; Ян вспомнил об этом, нашарил ее, потом прокрался в мастерскую, отодвинул засов и вышел на двор; ручки у двери снаружи не было, и Ян плотно прижал створку и пустился в опасный путь.

Комок сухой глины влетел в комнату Марка и больно треснул по голове крепко спавшего Адольфа. Он сразу сел.

— Что, что?.. — прогудел он спросонок. — Кой черт дерется?..

— Где черт?.. — спросил Марк и тоже получил удар в грудь чем-то твердым.

Он метнулся к окну — оно оставлялось ими на ночь открытым: оттуда летели куски земли.

Не было видно ни зги.

— Кто там?.. — окликнул Марк.

— Я!.. — отозвался голос Яна. — Впустите скорей; сбиры!..

Марк бросился впотьмах вниз по лестнице и вернулся с приятелем.

Проснулся и Мартин.

— Дело дрянь!.. — сказал он, выслушав ночного гостя. — Чистилище — это загородный замок епископа; я там бывал — тюрьма в башне, а кругом широкий ров водяной. Силой не вызволишь!..

— Подкупить нельзя ли кого?.. — спросил Марк... — Сейчас деньги есть у меня.

— И у нас!.. — добавил Мартин. — Только вряд ли хватит их?..

— Завтра уже надо в путь!.. — заявил Ян.

— А как ты со своим Бонавентури устроишься?.. Отпустит он тебя?

Лица приятеля Марку видно не было, но в голосе его он уловил что-то новое.

— Плевать!.. — ответил Ян. — Освободим Луиджи, а там котомку на плечи и дальше... свет велик!..

В каморке чуть посветлело и можно стало различить совещавшихся.

— Сбиры, должно быть?.. — тихо проговорил Мартин.

На зрачках у всех наметились светящиеся точки; свет слегка наполнил комнату; Ян осторожно выглянул наружу и увидал пятерых человек, вооруженных копьями; двое несли в руках по большому слюдяному фонарю; отблеск играл на концах копий, на шлемах и кольчугах.

Сбиры прошли, светящиеся точки в глазах погасли.

Ян условился с товарищами о дальнейших действиях и Марк проводил его на улицу; черная ночь опять проглотила молодого подмастерья.

Стараясь тихо ступать, прислушиваясь к каждому звуку, Ян пробирался вдоль стен и через некоторое время заметил, что заблудился. Распознать среди мрака, в теснинах улиц, где он находился, было немыслимо, и на душе у Яна захолонуло... Он принялся гадать и сворачивать то вправо, то влево и вдруг дома расступились и открылась небольшая площадь; на ней пылали факелы, озарявшие две накрененные башни, кучку вооруженных солдат и виселицу; на ней покачивались двое людей со связанными позади руками; один еще дергался и здоровенный палач, весь в кра-

сном, схватил его за ноги и повис на них. Свет достигал до окон домов и во всех них различались лица зрителей, в том числе и детей; мужчины выглядывали в ночных колпаках и раздетые, на женщинах белели кофты и чепчики.

Вне себя от испуга, Ян бросился назад, сделал три-четыре поворота и запутался окончательно; весь облитый холодным потом, он, как по подземельям, пробежал по нескольким улицам и очутился перед городской стеной — узнал ее по зубцам, смутно начеканенным на небе. Еще минут десять быстрого хода и впереди глянул желтый огонек; темной громадой ушла в высь башня с воротами; над проходом горел большой фонарь; смотрел огонек и из оконца башни — там находилось помещение стражи.

Какая это была башня, в какую сторону от нее находился дом Бонавентури — плохо знакомый с городом Ян не мог сообразить. Огоньки и тишина несколько успокоили его и он вознамерился попытаться направиться по улице, упиравшейся в ворота. Но и она завела его в какой то тупик, где Яна чуть не обнаружил патруль, прошедший в десятке шагов от него; Ян заметил из-за угла луч света и успел растянуться у стены дома.

Измученный донельзя Ян добрался до какой-то церкви; она была заперта; он подергал за ручку, затем опустил-ся у стены, чтобы отдохнуть и спешить дальше. Но утомление взяло свое; Ян склонялся все ниже и ниже и наконец лег совершенно; крепкий сон оковал его.

Грубый окрик и пинки ногой пробудили ночного скитальца. Был уже день, припекало солнце; над Яном стоял сторож с парой огромных ключей в руке.

— Чего развалился, как боров? — сердито восклицал старик. — Ишь, какую постель нашел себе! Люди в церковь идут, а он всю дверь перегородил!

Ян вскочил, вспомнил все, что происходило с ним, и пустился бегом; на улицах уже царило оживление, раздавался говор, из распахнутого окна какого-то дома неслось пение женского голоса.

Ян затерялся среди прохожих, расспросил про дорогу и добрался до своего жилища. На сердце у него было неспо-

койно.

Когда он показался в мастерской, она вдруг вся смолкла; ни звука не проронил и даже не глянул на него и Бонавентури, мимо которого он прошел на свой табурет у окна. Ян успел заметить, что отсутствовал только его сосед — подмастерье со сросшимися бровями.

Бонавентури сделал несколько указаний товарищам Яна, затем вышел в кухню и немного погодя Ян услышал зов его.

Ян встал с места и вся мастерская, как один человек, подняла головы и проводила его глазами.

— Зайди-ка сюда?.. — проговорил Бонавентури, пропуская молодого подмастерья на свою половину. Он плотно запер за собою дверь.

Ян впервые очутился в хозяйской спальне; она была большая, полутемная; над двумя деревянными кроватями с горами подушек были устроены выцветшие синие балдахины с позолоченною резьбой на столбах. Около окна сидела и с сердитым видом вязала чулок седая хозяйка; она устремила на Яна негодующий взгляд, а пухлые пальцы ее продолжали проворно бегать и жить самостоятельною жизнью.

— А ну-ка, садись, дружок!.. — проговорил Бонавентури, указывая на свободный стул и грузно опускаясь рядом. — Я тебя очень люблю и ценю: будет из тебя прок, всем это говорю, а вот все же приходится расстаться с тобой!.. Не потому, что ты ночью ушел тайком и дом оставил открытым — мало ли ведь кто мог бы забраться и обокрасть нас?.. ну, да ты это не подумав сделал; ты влюблен, твое дело молодое, все в твои годы сумасбродствуют! Но ты ударился в политику...

— Я?!.. — изумился Ян.

— Да, ты! Ты связался с партией врагов господина епископа, а он сила! Ты участвовал в выпуске разбойников из тюрьмы...

— Я участвовал?.. каких разбойников?!.. — Ян онемел и глядел на старика вытаращив глаза.

— Потом джостра!.. — продолжал ювелир. — Оружено-сец-то оказывается твоим другом и теперь схвачен и сидит

под замком! Это все знаю пока я, да еще один человек... он следил за тобой и сегодня предупредил меня... Человек он скверный, опасный!.. не поручусь, что нынче же не явятся ко мне сбирь и не отведут тебя в тюрьму, а я этого не хочу допустить! Собирай скорей свои вещи и уходи из города... того прохвоста я нарочно по будто бы очень спешному делу услали подальше, чтоб не успел донести на тебя! Вот тебе заработанное... — он достал из кармана и протянул собеседнику кошелек. — Тут немного больше, ну, да когда-нибудь сочтемся: пройдет год-другой, опять буду ждать тебя к себе!..

Ян поцеловал у него руку и старик растрогался.

— Ну, а теперь час добрый... живо укладывайся!..

Бонавентури поднялся со стула.

Старый ювелир вышел и скрылся в мастерской, плотно притворив за собой кухонную дверь. По дороге он оглянулся на занавеску, за которой помещалась кровать служанки: оттуда доносились заглушенные всхлипывания Моника, подслушавшей разговор.

Ян побежал наверх и, когда спускался обратно со своим дорожным мешком в руках, то услышал разговор внизу.

— Гуся-то ты завернула ему?.. — озабоченно говорила старушка Бонавентури.

— За-вер-ну-ула!.. — отвечала Моника. — Хле-еба еще надо!..

— Побелей который, возьми свежего... Да полотенце положи с мыльцем!.. — Ян вошел в кухню. Мешок его набили битком; хозяйка вызвала мужа из мастерской и произошло прощанье. Бонавентури обнял своего бывшего помощника и все трое, желая ему счастливого пути, проводили его до порога кухни.

Ян оглянулся на них в воротах, махнул беретом и скрылся. Толстый Бонавентури стоял, обняв одной рукой за плечи жену, и кивал ему головою; Моника выскочила на улицу и долго глубоко вздыхала и смотрела вслед приворожившему ее сердце подмастерью.

Тронутый, озадаченный и встревоженный, Ян прежде всего побывал в «Двух львах».

Траттория была пуста совершенно; хозяин уселся с гостем в уголке за столом и Ян рассказал все вновь приключившееся. Одноглазый слушал внимательно, ни в какие пояснения не вдавался и, как всегда, был скуп на слова.

— Бонавентури — умный человек!.. — проронил он. — Когда собираются тучи — надо прятаться!..

— Но кто же этот мой враг?.. — спросил Ян.

— Тот, кто завидует!

— Ведь он все наврал про меня!!

— Наврал или нет, а скоро не возвращайся: повесят, потом поди, доказывай, что не виноват! И я скажу: не возвращайся; заberi с собой птицу и ослика синьора Мальвио: с ними легче идти будет!.. Если попытка не удастся — выпустите ворона — он вернется сюда!

Хозяин и Ян вышли на двор и первый указал своему спутнику на черную птицу, сидевшую под навесом на балке; она чистила себе клювом перья на крыле.

— Ворка, Ворка?.. — позвал кривой. Ворон каркнул, перелетел на плечо к позвавшему и потерялся головой об его ухо.

Через несколько минут отъевшийся серый ослик, старый знакомый Яна, был оседлан и стоял с недовольным видом, отвесив нижнюю губу; ворона, чтобы не привлекать внимание прохожих, посадили в ручную корзиночку и привязали к седлу; в одну из переметных сум владетель «Двух львов» на всякий случай сунул маленькую пилку, долото и несколько пучков веревок и бечевков. Ян простился с ним и погнал ослика к ожидавшим товарищам.

ГЛАВА XXVIII.

К вечеру того же дня трое студентов. и Ян были далеко от Болоньи. Ян сначала шел возбужденный и веселый. — «Новую жизнь начинаю», — пояснял он товарищам при-

чину этого, но вскоре притих, осумрачнел и молча подгонял ослика.

Ночь заходила безлунная и надо было торопиться; наконец показались белые развалины храма и Мартин с товарищами свернул к нему.

Гулко прозвучали под сводом шаги; Марк высек огня, Адольф нашарил немного сухой травы и хвороста и развел костер; Ян огляделся, увидал недвижный ряд белых, засыпавших на пьедесталах людей и положил на себя крестное знамение.

Товарищи поужинали и расположились на ночлег как обычно; ослику Ян спутал ноги и пустил пастись; ворона накормили и привязали за ножку тонким шнурком к корзине.

Громкое карканье и хлопанье крыльями разбудили путников еще до рассвета. Было холодно; траву сизым налетом покрывала густая роса.

Ежась и шурясь, четверо товарищей пустились в дальнейший путь. Высоко-высоко над головами их стали переливаться еще смутные лучи солнца; с самой середины неба проглянул веселый васильковый глаз и будто подобранная на ночь тончайшая голубая кисея скользнула по необъятному своду мира вплоть до самой земли: из-за края ее, сверкая, поднялось солнце.

Часа через два хода показался перекресток.

Мартин махнул рукою вправо.

— Нам сюда!.. — заявил он. — К полудню будем у замка епископа.

Точный во всем Мартин не ошибся: солнце было еще далеко от зенита, когда со взгорка, за подступившим к нему густым буковым и дубовым лесом, открылись высокие стены и четвероугольные башни обширного замка. Он стоял на дне низины, был окутан широким водяным рвом и беспросветными дебрями и доступа к нему, кроме дороги, не было.

Надо было как можно скорей сворачивать с нее, чтобы не нарваться на встречу с кем-либо из замковых обитателей; это было выполнено и едва пролазная чаща кустов и

чудовищ-деревьев надежно укрыла путников; охватило сыростью и запахом земли. Мартин, знакомый с местностью, влез на вершину высокого дуба и сразу признал башню, где помещалась тюрьма; заметил он и то, что в ров впадали несколько глубоких оврагов.

Мартин слез со своего наблюдательного поста и повел за собой товарищей: он решил обогнуть замок и выискать против тюрьмы удобное место для дальнейших действий.

Пробираться в дремучем, полутемном лесу оказалось трудным; приходилось обходить сваленные веками и бурями деревья, продираться сквозь кусты, вязнуть чуть не по колено на топких местах. Трава была так высока, что из нее виднелись только головы как бы плывших гуськом людей; донимали крупные комары.

По дну первого оврага, до которого добрались путники, бежал мелкий ручеек; раздвигая нависшие над ним ветки, они спустились по течению, перевалили через второй гребень и оказались в другом провалье; в третьем Мартин остановил товарищей и предоставил им отдыхать на упавшем дереве, а сам отправился на разведку. Идти пришлось недолго — сквозь зелень листвы впереди блеснула широкая гладь воды, покрытая купавками; в ней отражалась серая, угрюмая башня. Мартин осторожно отклонил одну из веток; он не ошибся — перед ним была тюрьма. Два верхних этажа ее имели по три небольших оконца, заделанных железными прутьями; в нижнем не было даже бойниц.

На верхушке башни, на низенькой стенке, боком сидел юный часовой в коротком черном панцире и в круглом шлеме; рукой он слегка опирался на длинный лук. Не то он грезил среди тишины, не то глубоко задумался. За решетками ничего и никого видно не было.

Мартин вернулся к товарищам.

Ян предложил изготовить лестницу и ночью переправить ее через ров, но ни сделать ее, ни воспользоваться ею было нельзя, так как стена башни вставала прямо из воды; Адольф брался попасть в любое окно стрелой с привязанной к ней бечевой, но ни лука, ни топора ни у кого не име-

лось; было неизвестно и главное — в каком этаже находился неаполитанец. К довершению беды, плавать умел только один Ян.

Заговорщики перешли ближе к тому месту, с которого смотрел Мартин; Ян остался наблюдающим; ослика привязали на траве и сели обедать; разговор велся шепотом.

И вдруг трое немцев застыли, не донеся до рта кусков: послышался голос Луиджи, певший неаполитанскую народную песенку.

Ослик поднял голову, ворон беспокоился тоже и неожиданный и никем не предусмотренный неистовый рев огласил лес; к нему присоединилось отчаянное карканье и хлоппанье крыльями; отозвалось и покатилося дальше эхо. Марк вскочил как бешеный и схватил ослика за хвост; рев прекратился.

Из кустов показался Ян и все бросились к нему.

— Луиджи в верхнем этаже!.. — тихо сообщил Ян. — Кажется, в среднем окне.

— А часовой что делает?

— Слушал... а как осел заревел — встал и на другую сторону перешел — должно быть, не разобрал, откуда крик донесся!

Серому виновнику переполоха привязали к хвосту чурку и, стараясь не хрустнуть и не зашуршать, четверо заговорщиков пробрались к спасительной чаще кустов и стали наблюдать за часовым. Он стоял, вытянувшись во весь рост, и все еще прислушивался к безмолвию. А под ним, скрытое под выступом карниза, глядело, прижатое к прутьям, лицо Луиджи; он держался за них обеими руками и всматривался в непроницаемые дебри: видно было, что и его слуха коснулись знакомые звуки.

Сторожевой неподвижно простоял некоторое время, затем нагнулся и дернул рукой за веревку; где-то внизу во дворе прозвучал удар небольшого колокола.

Через несколько минут на верхней площадке башни показался пожилой, чернобородый человек в шлеме, но без доспехов.

— Что случилось?.. — басисто спросил он.

— Осел сейчас кричал на той стороне... — ответил сторожевой.

— А какое тебе дело до него? ты-то ослица, что ли?

Каждое слово их разговора долетало через водную гладь отчетливо.

— Может, напасть кто хочет?

— Так разве с ослами нападают? Эх, ты, голова!.. Заблудилась чья-то скотина, вот и все!..

— И ворон кричал!.. — смущенно добавил молодой.

— Еще того лучше!.. Где же им и кричать, если не в такой трущобе? Мы в кости играем, а ты тревожишь зря! Только сатана здесь сможет что-нибудь сделать, а не птицы: один ров пятнадцать футов глубины имеет! Стой спокойно!.. — чернобородый повернулся и исчез во внутреннем ходе.

Ян сделал знак товарищам и отошел с ними назад.

— Я придумал, что делать!.. — тихо произнес он. — Надо чем-нибудь отвлечь внимание часового на ту сторону башни, а тем временем пустим ворона, он полетит к Луиджи и отнесет ему пилку!..

Мартин отрицательно мотнул рыжею головою.

— Не донесет!.. — возразил он. — Неудобная она, длинная, да и зазвенит о стену. А тонкую бечевку подвязать ему можно!

Заговорщики условились в плане действий и Марк погнал ослика с таким расчетом, чтобы очутиться с ним по другую сторону башни. Мартин и Адольф спешно привязали к шее птицы пучок бечевки и залегли почти у самой воды в ожидании минуты, когда можно будет выпустить пернатого сообщника. Ян разделся, накинул от комаров на голое тело плащ и приготовился плыть.

Снова вынеслась и зазвенела неаполитанская песенка. Опять, будя дикое эхо, откликнулся на нее скрипучий рев ослика: Марк уже успел прибыть с ним на назначенное место.

Часовой сейчас же перешел на противоположную сторону площадки; в ту же минуту, тяжело махая крыльями, из кустов вылетел ворон; белое человеческое тело беззвучно нырнуло в воду и быстро поплыло к башне. Ворон опу-

стился на среднее окно верхнего этажа и спрыгнул во внутренность тюрьмы; Ян пересек ров, прицепился рукой к небольшой выбоине в отвесной стене и стал на шаривать ногами какую-нибудь опору для них. Она нашлась на некоторой высоте в виде выпуклости большого валуна; Ян с усилием занес на него ногу, выискал глазами другую выбоинку, вцепился в нее и застыл, будто распятый, лицом к стене. Он поднял глаза и убедился, что не ошибся: благодаря карнизу, с башни видно его не было. Теперь весь вопрос заключался в том — долго ли он сможет продержаться в таком напряженном положении.

По стене серенькой змеей поползла вниз бечевка; Ян, завидев ее, ловко поймал конец, перехватил его в зубы и хотел уже спускаться со своего мучительно неудобного места, но вспомнил о часовом и снова прильнул к камням. Силы его иссякли — еще минута и он бы шумно сорвался в воду и погубил бы все дело. Он беспомощно оглянулся на товарищей и увидал, что Мартин, прикрывшись отогнутой назад большой веткой, усиленно делает ему призывные знаки рукой.

Донесся новый ослиный крик; Ян соскользнул в ров, нырнул в купавки и облепленная бледно-зелеными водорослями голова его показалась у противоположного берега.

Часовой продолжал стоять к нему задом. Белая спина Яна мелькнула среди травы; он оглянулся и скрылся в кустах.

Марк и Адольф ждали его с пилой, стамеской и толстой веревкой в руках; все было прикручено к доставленному им концу, его задергали и Луиджи, сообразив, что все готово, потянул бечевку к себе.

С волнением следили трое заговорщиков за поволокшимся от них к берегу свертком; он шуршал, качал траву и наконец плюхнулся в воду. Часовой оглянулся, увидал несколько легких кругов на воде, счел их за всплеск утки или рыбы и опять все внимание устремил на штуки, которые устраивал Марк. Оттуда доносился то хриплый вой рыси, то взлетала неведомо кем отломленная и брошенная ветка.

Связка в воде погрузилась на дно; Луиджи почувствовал тяжесть и стал тянуть осторожно и медленно; связка начала наконец подниматься вверх по стене башни и скрылась в окошке; все наблюдавшие за ее путешествием вздохнули с облегчением.

Адольф побежал за Марком — роль его была кончена; ослику опять навязали на хвост тяжесть и пустили его на траву. Теперь оставалось ждать ночи.

На башне сменились часовые; время тянулось медленно; Мартин установил очередь для наблюдения за тюрьмой и свободные, подостлав под себя кто ветки, кто нарван-ной травы, улеглись спать.

Еще до захода солнца в лесу наступила ночь; она делалась все черней и глуше; начинал сеяться дождь; деревья стали казаться ожившими, загадочными существами; иногда тупо доносился стонящий, негромкий вой и присвисты.

— Совы это... — проронил среди общего молчания Марк и простенал по-совиному так, что на дерево над самой головой его опустилась тень и вспыхнули два фосфорные глаза; все сидели, закутавшись в плащи; было так сыро, что рука, прикоснувшаяся хотя бы к соседу, оказывалась мокрой. Ров начал застилаться туманом; языки его вздымались все выше и вскоре непроницаемая белая пелена закрыла лес; на небе очерчивались вершины деревьев да часть башни с силуэтом человека на ней.

Адольф, сидевший в засаде, пришел сообщить, что пленник подает сигнал частыми высеканиями огня; Ян опять быстро скинул с себя платье и с жутким чувством, как в черный, бездонный колодезь, погрузился в воду; водоросли и купавки то и дело прикасались к его телу и он, весь подрагивая, спешил плыть дальше. Руки его натолкнулись на препятствие; Ян ощутил его — перед ним была башня; он ошарил подножье стены и нашел висевшую толстую веревку — Луиджи укрепил ее наверху.

Ян дернул ее несколько раз, затем, придерживаясь за нее одной рукой, стал ждать пленника.

Легкий, чуть уловимый шорох достиг до Яна; по судорожному колебанию веревки он сообразил, что Луиджи уже

спускается и через несколько мгновений подхватил беглеца правой рукой.

— Держись за мое плечо!.. — едва слышно шепнул Ян и осторожно опустил Луиджи в воду; тот дрожал частой, как сыпь, дрожью. Ян поплыл. Неаполитанец хватил ртом воды и задыхающееся «и-и» громко пронеслось над рвом. На берегу захохотал филин; крик его без отзвука потонул в тумане — кричал и хлопал в ладоши Марк.

Часовой громко забормотал «патер-ностер».

Товарищи пловцов ожидали их у самого рва и помогли выбраться на берег.

— Ну, теперь ходу отсюда!.. — проговорил Мартин.

Ощупью, по легкому пофыркиванию, нашли ослика, оседланного еще до наступления темноты.

— Куда же идти?.. — спросил Марк, озираясь по сторонам; ни малейшего просвета в густом молоке не было.

— Пойдем за осликом!.. — отозвался Луиджи, продолжая дрожать.

Переключаться было нельзя, поэтому, чтобы не потерять друг друга, Марк достал еще одну веревку; ее привязали к седлу, все взялись за нее на расстоянии длины руки и Луиджи тихо почмокал. Ослик тронулся неведомо куда; за ним, едва различая своих соседей, послушной вереницей следовали люди. Идти было невероятно трудно; то и дело напарывались на сучья, падали, ослик несколько раз проваливался в невидные трясины по брюхо и Мартин со своим другом Адольфом подхватывали его за подпруги и вытаскивали, как какую-нибудь репу.

Все шли, прикрывая одною рукою бесполезные глаза; караван несколько раз останавливался для передышки и снова пускался тонуть в тумане.

Марк заметил, что под ногами у него бежит вода.

— Мы вверх по ручейку идем!.. — проговорил он.

— Это хорошо... значит, замок остался позади!.. — отозвался Мартин. — Овраг куда-нибудь выведет!

Слова его оказались верными — через некоторое время ветви стали хлестать путников меньше — ослик, стало быть, попал на какую-то тропку. Она продолжала взбираться все

в гору; туман редел; начали проступать очертанья деревьев. Еще немного — и лес и туман остались за плечами шедших; под черным небом кругом разостлался черный простор; кое-где мелкими желтыми искрами обозначились звезды.

— Дорога!.. — сказал Мартин, почувствовав под ногами камни.

— А ведь она та самая, по которой мы шли днем!.. — произнес Марк. Он остановился; то же сделали и остальные.

Замок и лес, из которого они только что выбрались, были не видны; вместо них белело громадное озеро со вздыбленными и недвижными волнами.

— Скоро начнет светать!.. — заметил Мартин. — Надо уходить скорее!

Только что путники двинулись дальше, слева впереди показалось красное, дымное облако; под ним виднелась озаренная множеством факелов длинная вереница вооруженных всадников, поблескивали доспехи; посередине ехал рыцарь в епископской мантии.

Мартин схватил ослика под уздцы и кинулся в сторону; за ним метнулись и остальные; все припали к земле.

Отряд проследовал шагах в ста от беглецов и стек вниз к замку.

Мартин выждал некоторое время, чтобы не наткнуться в темноте на отсталых, и поднялся на ноги.

— Теперь скорее!.. — проговорил он; Луиджи захлестал ослика и все поспешили дальше. Мартин знал тропку, сокращавшую путь на Лукку, и вскоре после восхода солнца свернул на нее с проезжей дороги. Ненадолго путников вновь обступил густой лес; через какой-нибудь час он сменился травяной заболоченной равниной.

Марк, шедший позади всех, часто оглядывался: как раз в ту пору должны были хватиться в тюрьме пленника; Мартин, продолжавший оставаться вожаком, казался невозмутимо-спокойным, так же как и его друг Адольф. Горячие лучи солнца отогрели наконец неаполитанца; он оживился и принялся болтать, перемежая болтовню радостными вос-

клицаниями и смехом; он даже сплясал на ходу подобие сарабанды.

— А я ведь все время ждал вас!.. — сказал он между прочим. — Верил, что не бросите! Потому и пел, чтобы подать весть, где я! Меня еще вчера взяли б на пытку, если бы эта лиловая балда не запоздала! Ну и купанье же было дявольское — так и казалось, что черти сейчас схватят за ноги и уволочут на дно!.. А холодище какой, брр!!.. Молодчина, Янушка!.. — и он затормошил приятеля, потом отскочил и запел во всю силу легких.

— Не вопи!.. — ответил Ян. — Погоня ведь будет за нами!

— Э!.. — беспечно возразил Луиджи. — За нами на Болонью да на Пистойю бросятся, а мы вон куда — на Лукку взяли!

— По всем дорогам поскачут!.. — проронил Мартин. — Людей хватит!

Все оглянулись, но на пустынном горизонте ничего не виднелось: впереди и по бокам сияли бесчисленные озерки, зеленел и частью уже желтел камыш — скрыться было бы решительно негде. Тропка иногда выбегала на гать из хвороста и неукрепленных бревен и она колыхалась под ногами.

В полдень Мартин сделал привал для обеда и через четверть часа заторопил всех дальше: с минуты на минуту могли появиться преследователи. Луиджи притих, наморщил лоб и то и дело стал оборачиваться...

— Вот что?.. — заявил он. — Как только кто завидит погоню — сейчас же все назад возвращайтесь, будто к епископскому замку направляетесь, а я в болото залезу.

Путники сделали не более сотни шагов и Марк издал легкое восклицание; вдали, на дороге, точно горсть муравьев, наместились черные точки; они катились с небольшого взгорка.

Луиджи мгновенно скрылся за спинами товарищей, присел и ужом скользнул в осоку и низкий кустарник, подхлывший в том месте к самой тропе; шурша им, он стал пробираться в глубину болота. Мартин сразу заворотил ослика и все медленно направились навстречу неизвестным.

Мартин вынул свою лютню.

Всадники быстро приближались; их было десять человек, вооруженных копьями; из-за спин выглядывали оконечья луков. О сопротивлении нечего было и думать.

— Кантату пресвятой Деве!.. — невозмутимо распорядился Мартин.

Марк взял аккорд, загрели басы, мощно зарокотала октава; их повел сочный, высокий баритон. Хор получился необыкновенный.

Всадники были уже совсем близко; Мартин отогнал ослика с середины узкой дороги и остановил товарищей.

Передний затянул повод и взмыленный вороной конь его стал как вкопанный; подскакали и перегородили дорогу и остальные; запаренные кони тяжело водили мокрыми боками.

— Кто такие, куда идете?!.. — охриплым голосом резко крикнул передний.

— Артисты из Болонского университета!.. — ответил Мартин. — Идем в замок епископа.

— Откуда?

— Из Пистойи!

— Не встречали ли кого-нибудь по дороге?

— Как будто нет... Впрочем, вчера под вечер две крестьянки-старухи проходили!

Преследователи переглянулись.

— Я так и думал!.. — сказал предводитель. — Это болонских рук дело!

— Не болонских!.. — убежденно возразил поравнявшийся с ним всадник. — В камеру сегодня мы впятером ведь вошли — на наших глазах тот человек вороном скинулся и в окно улетел! Разве такого башня удержит? Только лошадей зря перемучили!

— А зачем же веревка тогда была спущена?.. — ответил предводитель.

— А нарочно, чтобы глаза всем отвести!..

Предводитель привстал на стременах и, прикрыв ладню глаза, осмотрел даль — она была пустыня.

— Что ж... — prorонил он, — поворачивай коней!.. Счаст-

ливого вам пути!..

Путники приподняли колпаки и шляпы и вооруженный отряд тронулся обратно легкою рысью.

Чтобы не навлечь на себя подозрений, Мартин и Адольф наломали из гати и из ближайших кустов веток и развели костер; все с наслаждением растянулись вокруг него; до того велика была усталость, что, кроме Адольфа, никто даже не прикоснулся к еде. Мартин и Марк неотступно наблюдали за все уменьшавшимися всадниками и за местом, где прятался неаполитанец.

Прошло с добрый час; епископские люди скрылись совершенно, время было выручать Луиджи. Ослик был снова оседлан, Адольфа и Яна, успевших крепко заснуть, растолкали и маленький караван отправился обратно.

— Э-э-й!!.. — окликнул Мартин.

В ответ послышалась возня в кустах, они стали шататься, раздвигаться и у самых корней их зачернело страшное эфиопское лицо.

— Бросьте веревку!.. — задыхаясь, сказал голос Луиджи. — Утопаю.... трясина!..

Марк поспешил к ослику, вытащил из мешка веревку и кинул конец неаполитанцу. Тот с трудом высвободил руку и ухватился за него. Адольф перенял у Марка другой конец, взял веревку себе на плечо, нагнулся и, словно бык, попер почти засосанного трясинной товарища, вырывая телом его с корнями кусты; глянцеви́тая торфяная грязь облепляла его от волос на голове до пяток и только лоб белел, будто перевязанный тряпкою.

Раздался всеобщий смех. Даже ничем не возмутимый Адольф разинул огромную пасть и грохотал подземным грохотом.

— Дьяволы!.. — с сердцем произнес обессиленный Луиджи.

Еще пущий смех встретил это слово.

— Черти!!.. — уже с улыбкой добавил он, несколько отдышавшись.

Ему сообщили, что преследователи вернулись обратно; окончательно воспрянувший духом Луиджи поднялся на

ноги, отыскал неподалеку большую лужу, разделся догола и принялся черпать воду шляпой и мыться, потом вытряхнул платье и накинуд на себя плащ Марка.

Вновь спасенному дали отдохнуть, ослика оседлали, накинудли поверх сум для просушки одежду Луиджи и караван тронулся в сторону еще далекой Лукки. И только что он вытянулся по тропе, его нагнала низко летевшая большая черная птица.

— Воронок!.. — закричал Луиджи и поднял обе руки над головой.

Птица с радостным карканьем опустилаcь ему на плечо.

ГЛАВА XXIX.

Еще два дня благополучного странствования и тропа привела путников к маленькому, взобравшемуся на холм городку, защитившемуся невысокими кирпичными стенами и частыми башнями: это была Лукка; на просторном выгоне около нее раскинулась шумная и пестрая ярмарка; далеко разносилось ржание лошадей, крики ослов и гомон людей; среди площади, образовавшейся между карруцами, на высоком шесте чернела широкополая шляпа с длинным орлиным пером — знак того, что торг состоит под покровительством какого-то синьора; иногда вместо нее вешалась боевая рукавица.

Продирание ночью в дремучем лесу прошло для путников небезнаказанно и к ним сейчас же стали привязываться, предлагая свои услуги, странствующие портные и владельцы передвижных лавочек готового платья.

— Синьоры?.. — кричали хозяева и приказчики, заманивая прохожих к себе и даже хватая их за руки. — Штаны, колеты, куртки, береты — всякого цвета!

— Не штаны, а радуга!.. — зазывали другие, раскидывая товар на руках, а то и прямо на земле.

— К нам пожалуйте — зашьем, починим, латки положим, в полчаса — творим чудеса — делаем из старого новое!

— А ведь и впрямь нам надо починиться?.. — сказал Луиджи. — Мы совсем в оборванцев превратились!

Предложение было разумное и путники отдались во власть двум приглянувшимся подмастерьям; те отвели их в палатку, около которой, сидя прямо на земле, проворно работали иглами несколько человек. Действительно, в какие-нибудь полчаса все было готово и даже разутюжено.

— Ей Богу, франты!.. — сказал Луиджи, облачившись и охорашиваясь.

В таверне, куда товарищи зашли посидеть и выпить вина, они узнали, что в городе сегодня предстоит свадьба богатого синьора Гвиниджи и что приезд невесты ожидается с минуты на минуту; путники порешили отдохнуть как следует и остались ночевать в городке.

На башне зазвонили в колокол и все, коротавшие время в кабачках, высыпали наружу: со стороны поля приближался длинный и многоцветный поезд невесты.

Она ехала верхом в розовом платье; четверо рослых слуг несли над ней балдахин такого же цвета, предохранявший ее от солнца, впереди в две шеренги шли трубачи и барабанщики; позади следовали фамильные знамена нескольких поколений; многочисленная свита замыкалась вооруженным отрядом.

Из ворот города навстречу поезду показался, весь в бледно-зеленом бархате, рыцарь; на левой руке его золотилась длинная перчатка, на ней сидел сокол с алым колпачком на голове.

За рыцарем выехали и полукругом расположились близ ворот его пышно разодетые родственники и близкие.

На башне сверкали трубы ожидавших сигнала музыкантов; заходившее солнце обливало их косыми лучами. Снизу подали знак и с башни раздались звуки встречи; откликнулись приближавшиеся трубы и барабаны; сбежавшиеся отовсюду толпы народа разразились приветственными криками. Два шествия слились в одно и стали втягиваться в город. Из усеянных зрителями окон на невесту и жениха посыпались цветы.

Начало темнеть и городок превратился во что-то сказочное: на крышах, на стенах, из окон, отовсюду выставились зажженные факелы и казалось, что гигантским костром запылал весь город; на черном небе заалело зарево, стало светло как днем; улицы запрудили нарядно одетые обыватели. Из дома Гвиниджи разносилось пение, звуки рогов и флейт.

Луиджи потолкался с товарищами в толпе за полночь и затем вернулся с ними в кабачок, где был оставлен ослик и все уснули как убитые.

Еще день пути и равнинная местность начала холмиться; вдали наметились горы. Дорога сделалась оживленнее и лучше, то и дело стали попадаться встречные — все указывало на близость большого города.

Ранним утром путники завидели суровые башни и стены многолюдной, богатой Пизы.

— Вот где можно дела делать!.. — прищелкнув языком, сказал Луиджи и кивнул в сторону города. — Главное торжище мощами на весь мир, можно сказать!

— Надобно будет и нам купить!.. — отозвался Марк.

— Зачем?.. — изумился Луиджи. — Да мы их теперь везде наберем сколько угодно! Отсюда их целыми кораблями увозят!

— А как отличают мощи от простых костей?.. — спросил Марк.

— По степени глупости покупателя!.. — заявил Луиджи.

Базар в Пизе, как и во многих других городах, находился не в городе, а снаружи его, под стеной у ворот. Путники пробрались среди толпы продавцов и покупателей к башне, миновали проезд под нею и попали на тесную и извилистую многолюдную улицу. Прежде всего они отыскивали тратторию, заняли для себя комнату, устроили ослика и Луиджи повел своих товарищей на знаменитый мост Меццо, перекинутый через широкую, синюю ленту Арно.

Вдоль моста двумя бесконечными рядами тянулись столы, лари, передвижные и деревянные лавочки с навесами; пространство между ними заполняла густая и необычайно пестрая толпа в одеждах разных народностей: были здесь юркие греки, смуглые сирийцы и арабы в белых чалмах, фригийцы в красном, светловолосые немцы, и подвижные французы, и долговязые медлители-бритты. Весь этот разноплеменный люд, как пчелы вокруг сотов, теснился вокруг продавцов и почтительно приценивался к грудам лежавших и висевших почернелых и желтых костей, каких-то перьев, полотняных грязных тряпок и всевозможной дряни. У сходов с моста помещались несколько лавок уличных писцов, являвшихся в то же время чем-то вроде бродячих нотариусов, у которых заключали всякие письменные договоры и сделки.

— Перья из крыл архангела Гавриила!.. — воскликнул один из продавцов, махая над головой белым пером. — Помогают при трудных родах, хороши для деторождения!..

— Часть паруса с лодки апостола Петра!.. — возглашал другой, показывая кусок рваного донельзя брезента. — Предохраняет от кораблекрушения!..

К нему разом потянулись несколько жилистых, грубых рук.

— Чепчики с младенцев, избитых проклятым Иродом!.. — выкрикивали дальше. — Ума придают детям.

— Частицы шкуры святого осла, на котором въезжал в Иерусалим Спаситель... прыть увеличивают при беге!

— Кусок колесницы Ильи пророка!.. отводит громовые удары!

— Мощи младенца, замученного Иродом!..

Какая-то пожилая женщина набожно приложила к чему то иссохшему, как вяленая рыба, и потом потрогала пальцем.

— Почему?.. — басисто спросила она.

— Три золотых. За благочестие твое за два отдам!

— А почему головки у младенца нет?

— У царя Ирода осталась.

— А ручки и ножки где же?

— Палачами отрублены! Ты думаешь, в святые-то легко попасть? Можешь и с ножками получить — на два золотых дороже!

Женщина отошла, подумала, потом вернулась.

— Заверни младенчика-то!.. — сказала. — Один золотой даю, больше нету!

Продавец махнул рукой, накинул на «мощи» тряпку и подал покупательнице.

— Кошку сушеную купила!.. — шепнул Луиджи на ухо Марку. — Я сам тут пару таких же продал!

Спутники Луиджи, еще не видавшие подобных зрелищ, шли растерянные и ошеломленные; даже у невозмутимого Адольфа расширились глаза и в них светилось почтение и недоумение: драгоценная святость возвышалась кругом целыми ворохами. Один Луиджи шел с самым равнодушным видом.

Марк уже полез было в карман, чтобы купить что-то необыкновенно полезное, но Луиджи тронул его за плечо, издал многозначительное «пст» и качнул головою; Марк спрятал деньги обратно.

С моста Луиджи провел товарищей к собору; на широкой паперти его и по сторонам главного входа сидели за столиками упитанные каноники; от одного к другому из них переходили кучки богато одетых иностранцев или приезжих из далеких местностей Италии. Все набожно прикладывались к святыням, затем начинали торговаться.

— Тут продаются мощи первый сорт: свистнешь, так не залают! — пояснил Луиджи. — Публика сюда идет самая удойная!

Каноник, мимо которого они проходили, позвонил в маленький колокольчик.

— Пеленки Христа... — мягким распевом произнес он.

— Частица жезла Аарона!.. — проворковал сосед его.

— Кости святых мучеников, погибших при Нероне!.. — предложил третий.

Закупки производились в огромных размерах и заказы принимались и записывались канониками как самый обыкновенный товар.

Луиджи, не пропуская ни одного столика, прикладывался к каждой реликвии, его примеру следовали Ян и Марк; последний имел подавленный и недоумевающий вид; Мартин шел словно каменный, не прикасаясь ни к чему; Адольф делал то же.

— Не жизнь, а помидоры!.. — шепнул Луиджи Марку, кивая на упитанных каноников. — Изумрудами не так выгодно торговать, как гнилыми костями!

— Зачем ты целовал все это?.. — сурово обратился к нему Мартин, когда они отошли на некоторое расстояние от собора. — Ведь там наполовину нечеловеческих костей напихано — я сам конские видел!..

— Псст!.. не богохульствуй!.. — убежденно ответил неаполитанец. — Только черту известно — конские они или только такими тебе кажутся — бес ведь силен! А во-вторых, и среди них может попасться что-нибудь порядочное! Поцелуй — ничего не стоит, а душе — глядишь — польза!

Мрачная Пиза с ее жадными обитателями, у которых, как стало казаться Марку, у всех карманы были набиты костями мертвецов, спутникам Луиджи не понравилась; везде, даже в тавернах, разговоры велись главным образом о мощах, о сделках и о проделках с ними.

Уже с полудня по улицам то и дело стали попадаться пьяные; Марка поразило не только количество их, но и число каноников среди них; некоторые валялись по улицам или, шатаясь, шли в обнимку со своими покупателями и горланили кощунственные или языческие песни о похождениях Венеры и Зевса.

В одном из кабачков, куда зашли посидеть и закусить путники, им с трудом отыскалось место за большим столом; рядом с ними оказался долговязый патер с грубым лицом, рубленным одними прямыми чертами; длинный нос его совершенно неожиданно задирался на самом конце вверх. Маленькие глазки его владельца часто помаргивали и поблескивали.

С ним спорили двое — один генуэзец в обычной для этого города черной одежде, другой пестрый венецианец.

— А ей-ей, дорого хочешь!.. — говорил длиннолицый и бледный гемузец с тонкими змеями бровей. — Ведь кости у тебя совсем неизвестного мученика!

— А тебе бы за эту цену полфунта апостола Петра, что ли, отпустить?.. — с иронией пробасил патер. — Шалишь!.. Нигде дешевле моего не получишь! И ты напрасно скупись, — обратился он к венецианцу, — всего одну лодыжку святого взял: на одной лодыжке далеко не уедешь!..

Путники заночевали в Пизе и с первыми лучами солнца покинули базар мертвецов.

За восточными воротами начиналась дорога на Флоренцию; по обе стороны ее узкими полосами тянулись кладбища древнеримских времен.

Путники шли, точно в аллее из памятников — башен, саркофагов, часовен и земляных насыпей; все было полуразрушено, заросло кустами и деревьями; давно опустошенные усыпальницы глядели черными впадинами входов; Ян несколько раз останавливался и разглядывал художественные скульптурные украшения на них; могилы бедных людей — маленькие, чуть заметные холмики либо неглубокие провалы — ютились повсюду; над ними трудилось множество гробокопателей, добывавших полуистлевшие кости и глиняные статуэтки разной величины. Аллея тянулась с четверть стадии; дальше памятники исчезали и только несколько курганчиков сменили их. Над ними тоже работали десятки людей.

Луиджи, успевший устроить в Пизе какой-то оборот с мощами одного из сорока тысяч младенцев, избитых Иродом, беззаботно распевал песни; Марк и Мартин обменивались впечатлениями и мыслями. Мартин с негодованием говорил, что духовенство толкает людей в объятия дьявола, а не Бога.

Ухо Луиджи уловило фразу: — «надо быть честным» — и он повернул к Мартину лицо.

— А что такое значит «быть честным»?.. — с любопытством осведомился он.

— Значит — не обманывать... — ответил Мартин.

— Это кто же так учит?

— Евангелие.

Луиджи покачал головою.

— Вот потому-то папы и запретили читать его!.. — убежденно сказал он. — Прочли — и черт знает что в башках у вас поделалось! Вся жизнь, братишки, обман! Только мертвые могут обойтись без него. Твоя «честность» просто глупость!

— Нет, Мартин прав... — вмешался Марк. — Не делай людям того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе!

— Это еще откуда? Из Торы, что ли?.. — воскликнул Луиджи. — Всего на три дня я расстался с вами, а до чего вы поглупели без меня!..

— Ведь ты совсем язычник!.. — заметил Мартин.

— Врешь — католик, вот крест! — он вытащил из-за воротника шнурок и маленький крестик, — и верую, как и все! А вот вас двоих следовало бы подвесить за хвост да поджарить с полчаса!

— А вот этого хочешь?.. — пророкотал Адольф, показывая кулачище.

— Кушайте сами, моя умница! — откликнулся неаполитанец, запел и стал погонять ослика, замедлившего шаг.

ГЛАВА XXX.

Ровная, много веков выстоявшая дорога была очень оживлена; местность кругом нее раскидывалась холмистая, поля чередовались с густыми лесами; то здесь, то там виднелись деревни, укрепленные замки и небольшие городки, обнесенные стенами; иногда приближаясь, иногда совсем вдали синела Арно. Путь несколько раз пересекали впадавшие в нее речки; над ними выгибались арки мостов.

Путники шли не спеша и объедались чуть не даром продававшимся виноградом; Адольф поглощал его такое количество, что Луиджи уверял, что если он шлепнется, то с ним случится то же, что с арбузом.

На третьи сутки в легкой фате тумана залиловели впереди горы Флоренции и перед вечером путники достигли до городских ворот. Опять вырос перед ними лес из башен синьоров и множества церквей; опять раскинулся лабиринт темных и узких улиц.

Первое, что бросилось в глаза, была особенная одежда обитателей города — на всех были надеты зеленые, красные или коричневые и белые плащи с капюшонами и шапочки-колпаки с околышами тех же цветов, с медалями на них.

На площади путники остановились в изумлении: посредине ее, сыпля искрами, горели два костра и на них жгли цельные куски сукон разных окрасок; груда их лежала в ожиданий очереди; это под наблюдением старшин цеха уничтожали забракованный ими товар: Флоренция славилась лучшими в мире сукнами, бархатом, скульпторами и ювелирами и строго блюла за доброкачественностью своих производств. Близ одного из костров тесною кучей стояли оборванные и отошальные люди без колпаков и скованные цепями — то были рабы, выведенные на продажу. Покупатели приценивались, ощупывали и рассматривали их как скот¹.

¹ Католическая церковь находила, что крещение не освобождает от рабства (папа Целестин V, епископ флорентийский Антоний.) Наказания рабов жесточайшие: за воровство и покушение на бегство — сожжение; за покушение на убийство волочили по земле к месту преступления, там отрубали преступнику правую руку и вновь волочили на площадь, где вырезывали из спины и рук 4 куска мяса; затем четвертовали. Купля-продажа людей пала в Европе в конце XVII в., последняя нотариальная запись о продаже людей имеется от 1677 (Генуэзский архив.) Наибольшее количество рабов поставлялось с западных побережий Средиземного моря, а позднее — с побережий черноморских. С конца XIV в. — наибольшее количество рабов было из русских и славян.

Дешевле всего ценились татары и татарки; самые дорогие — были русские, причем женщины ценились выше мужчин. Сохранилось письмо знатной флорентийки Строщи, в котором она пишет, что русские рабыни выдаются своей красотой, сложением и сметливостью.

Площадь окружали различные лавки; около ювелирных мастерских и перрукьеров на длинных скамьях сидели и беседовали люди; отовсюду слышался говор и восклицания. Иногда в роскошных паланкинах по четверо дюжих рабов проносили знатных дам, выглядывавших из-за раздвинутых занавесок. Ближайшая кампанилья рассыпала высоко в воздухе серебро — зазвонила к Аве-Мария; отозвались десятки колоколен — «пчелы запели над городом», как говорили тогда.

Путники находились в это время на мосту через Арно. Закатывалось солнце; часть гор, кольцом окружающих Флоренцию, и вершин кампанилл казались нарумяненными. Широкая река сделалась густо-синевой, как сапфир; вместо берегов тянулись сплошные линии трех- и четырехэтажных белых, розовых, красных и коричневых домов, обрывавшихся прямо в воду; у некоторых окон чернели привязанные лодки; последние лучи делали картину еще ярче и разнообразнее.

— Совсем Венеция!.. — воскликнул Луиджи. — Ну где у вас, пивные бочки, такая красота найдется?!

Путники остановились у края моста, чтобы посмотреть на необыкновенный вид и на бронзовую древнюю статую Марса.

Перил на мосту не имелось; Ян зазевался на статую и вдруг взмахнул руками, вскрикнул и исчез в одно мгновение. Марк, Луиджи и Мартин и еще несколько прохожих бросились на противоположный бок моста и увидели, что течение подхватило Яна и быстро несет по направлению к домам. Луиджи, а за ним и Марк, сшибая с ног встречных, пустились бежать за лодкой.

— Любопытно, как теперь эта каналья выберется?.. — проговорил какой-то всадник, проезжавший мимо и оставивший вороного коня.

Голова Яна маячила далеко; он, видимо, стремился выбиться из быстрины и это ему удалось: его понесло под са-

Татары считались наиболее преданными своим господам. Часто тело рабов было испещрено таврами их господ.

мыми окнами домов. Из нижнего этажа одного выкинули конец веревки, но она осталась за его спиною; из окон посыпались еще концы и даже буйки — явно было, что случаи падения с моста не редкость.

Уже терявший силы и наглотавшийся воды Ян ухватился наконец за веревку; его заворотило и трое женщин и двое мужчин принялись вытаскивать его.

Ян пособлял сколько мог ногами и через несколько минут уцепился за подоконник и исчез в доме.

Мартин и Адольф погнали ослика вслед за убежавшими товарищами и свернули в улицу, залегавшую позади набережной из домов.

В каком именно из них Ян нашел приют, определить было трудно, и оба немца остановились на изломе и стали ожидать появления своих.

Из одного из домов доносился шум и хохот; немного погодя из него высыпала кучка мужчин и женщин; среди них, оставляя за собой лужи, шел мокрый Ян; колпак его унесло водой, спутанные волосы прядями висели в разные стороны; рядом с ним выступал и радостно разглагольствовал Луиджи.

Провожавшие остановились и начали прощаться и приглашать своего нежданного гостя опять посетить их, но уже через дверь.

Ян благодарил, как умел; за него рассыпался неаполитанец.

Провожаемые веселыми пожеланиями, трое путников присоединились к ожидавшим товарищам и уже без всяких приключений достигли до ближайшей траттории.

Посетителей в ней было немного; Ян отправился переодеваться в отведенную им комнату, а остальные расположились своим кружком около стола.

— Ну, друзья?.. — сказал Мартин. — Пособили мы вам чем могли, проводили до безопасных мест, пора нам и во-свояси!..

Все замолкли.

— А ты куда пойдешь?.. — обратился он к Марку.

Луиджи насторожился.

— Глупо теперь возвращаться в Болонью!.. — вмешался он, не дав Марку ответить. — Думаете, стража у ворот и сыщики не заметили ваших диковинных морд? Будьте покойны — только покажетесь — вас туда же запрут, где и я сидел!

Явился переоблачившийся во все сухое Ян и стал на сторону Луиджи.

— Чего ради рисковать?.. — убеждал тот. — Отложите на год свой университет и только! Не прикованы ведь вы к этой собаке — Болонье?.. Учиться везде можно. Здесь что угодно найдете — город знаменитый!

— А какой лучше — Флоренция или Неаполь?.. — спросил Марк.

— Да понятно, Неаполь — равного ему в мире нет!..

— Так почему же нам прямо в него не идти?

— Эка хватил: да до него пол-Италии надо отплясать! Куда нам торопиться — доберемся полегонечку! В Риме бываем... туда люди из-за тысяч парасангов пробираются, чтобы святым апостолам поклониться, а вы, черти несчастные, и думать забыли о них?

Все, кроме Мартина, согласились с доводами неаполитанца; упорный немец стоял на том, что он должен учиться, а не шататься по всему миру.

— Милый, чудовище мое?.. — уже криком кричал Луиджи. — Да шлянье это — то же ученье, даже выше его — разница только та, что ты штаны протираешь, а я пятки! На одном месте сидеть — глупостью обрастешь! Притом ты музыку сочиняешь, а Неаполь город певцов и музыкантов!

Последний довод заставил, наконец, Мартина сдаться и товарищи порешили задержаться на некоторое время во Флоренции и идти дальше всем вместе. Душою товарищества сделался Луиджи.

Судьба вбросила Яна в окно к художнику Бенвенуто Кастро, и по мысли Луиджи путники решили отблагодарить

его квинтетом. Под вечер второго дня они выстроились против его дома, прозвенела лютня и отовсюду стали высовываться любопытные. Из окна Кастро выглянули три женских лица, позади них показались двое мужчин — хозяин дома — человек среднего роста с небольшой бородкой и другой громадный, лохматый, с длинной бородищей. Второй был тоже художник, Джиовани Киджи.

Внезапным громом грянуло мощное — «Тебе Бога хвалим», сложенное по-новому Мартином; словно гроза разразилась над улицей; звуки перешли в торжественный гимн и стихли с далеким рокотом.

Восторгу слушателей не было конца, ими унизились все окна; внизу толпа заполнила всякое свободное пространство.

Певцы исполнили еще несколько кантат и песен и выбежавшие наружу Кастро и Киджи повлекли их в дом. Толпа долго не расходилась, все ожидая, не споют ли еще что-либо удивительные певцы.

Хозяйки уже хлопотали на кухне — самой большой комнате в доме, в те времена почти всегда исполнявшей обязанности столовой.

Спасительницами Яна оказались две совсем юные свеженькие девушки — сестры Кастро и жена его, статная молодая женщина с лицом Юноны.

Яна не вел, а влек под руку долговязый Киджи.

— Наш брат, художник!!.. — утробно вопил он, указывая головой, рукой и глазами на Яна. — А эти господа все артисты!!.. Но до чего хорошо поют — как в раю — дом даже трясся! — «Тебе Бога хвалим», — фальшиво загредел он, воздев одну руку и достав ею до потолка... — Тоже можем постоять за себя, а?!.. — он захохотал и принялся распикивать всех по табуретам.

Марк подошел к окну и выглянул из него; совсем близко стремительно неслась многоводная река; видны были арки моста, прохожие и проезжие, дома набережной, башни за ними. Надо всем бледно голубело вечернее небо.

За ужином царили веселье и смех. Всех потешали Луиджи и лохматый Киджи. Последний был совершенно ли-

шен способности соизмерять свой голос с размерами помещения и не говорил, а азартно орал либо грохотал, словно ожившая бочка; поминутно он вскакивал, чокался, давил ноги соседям и так пособлял своему неугомонному языку руками, глазами и плечами, что даже вертлявый неаполитанец казался рядом с ним мумией фараона.

Вино лилось рекою. Под чоканье стаканов прогремело «Гаудеамус», потом перешли к другим песням; высокий баритон Марка и подземная октава Адольфа имели неописуемый успех. Киджи тоже пел, но, так как не знал ни слов, ни напевов и не имел слуха, то рывкал невпопад и тотчас же принимался мурлыкать, пока ему не начинало казаться, что наступило время опять «подпустить голоса».

В окно глядела уже ночь; доплыл удар колокола, послышался другой, более отдаленный, чуть слышно долетел третий...

— Приказ гасить огни!.. — проговорил Марк. — Нам время уходить!...

— К черту огни и приказы!!! — возопил Киджи. — Да здравствует свобода!..

— Да ведь улицы запрут?.. — вмешался Мартин.

— К черту улицы!.. по воде поедем!!! — заорал опять Киджи. — Пей до зари и наплевать на все!

Пирушка длилась далеко за полночь. Пили, пели, плясали, хозяин бил в бубен. Маленький Луиджи станцевал в паре с длинным Киджи фанданго, Ян пустился впрыскалку, Киджи хохотал, неистово топал и потрясал спадавшей ему на плечи черною гривой.

Дамы наконец ушли спать; шумно собрались по домам и гости.

Лодка, причаленная на длинной веревке, была подтянута под самое окно и вся компания грузно перебралась в нее; лодка закачалась, как в бурю.

— Осторожнее, осторожнее!!! — слышались сверху знакомые женские голоса; все подняли глаза и увидели своих дам, следивших за их посадкой с высоты третьего этажа.

Им в ответ снизу замахали шляпы и береты. Луиджи запел серенаду в честь дам и лодка понеслась по течению. Светил месяц, простор реки расстился зачарованный и пустынный; башни, церкви, дворцы цепенели в глубоком сне..

Уже лодка слилась с синею мутью, а дамы все стояли у окна; среди безмолвия чуть звенел тенор Луиджи; наконец замер и он и только долго еще старательно бухал совсем вдали бубен.

На другой день Ян и Луиджи, согласно данному ими обещанию, отправились в мастерскую Кастро и Киджи, помещавшуюся на краю города во дворе монастыря Св. Кре-ста, в обширном сарае. Около него валялись глыбы белого мрамора; изнутри доносился частый стук молотков. Широ-кая дверь стояла распахнутой и Луиджи заглянул в нее.

На лице его появилась приятная, или, как он говорил, «высокопоставленная» улыбка.

— Господам художникам — привет!!.. — произнес он, под-няв шляпу, и наотмашь черкнул краем ее по полу.

— А!.. А!.. — взревела навстречу ему утроба Киджи. — Драгоценные певцы!

— Добро пожаловать!.. — отозвался другой, мягкий го-лос и из-за камней появились в белых передниках Кастро и Киджи; мастерская у них была общая, в ней работали человек десять помощников, заготавливавших вчерне заказы.

Гостей сейчас же повели осматривать мастерскую. При ней имелось особое отделение для уже готовых произве-дений. Особенное внимание уделял Киджи работам своего друга и почти не задерживался около своих.

— Смотри, какая красота?.. — вопил он, указывая на верхнюю крышку саркофага, исполненную для какой-то важной дамы. — Ведь живая лежит, отдохнуть прилегла! Гениальная вещь!!..

— Ну уж ты... наговоришь!.. — с улыбкой возражал Кастро. — Вы лучше посмотрите на его работы!.. — он указал на огромную каменную чашу-купель, ножка которой состояла из трех уродливых карл, державших ее на согнутых спинах. — Джиованни — фантаст; сколько у него проникновения в загробный мир, а я только бытовик!..

Ян заметил кучу зеленоватой глины, лежавшую на полу около невысокого столика, уставленного статуэтками разных величин и изображавших всевозможных страшил, зверей и демонов.

— Из нее мы сперва модели лепим, — воплощаем замыслы!.. — пояснил Киджи. — А потом уже по ним высекаем из камня. Ну-ка, попробуй, слепи что-нибудь ?

— Да я глину и в руках никогда не держал!.. — возразил Ян.

— Так поддержи — это же не крыса, не укусить! Валяй, не бойся! Ты ведь такой же художник, только по серебру, а мы по камню!

Ян, а за ним и Луиджи взяли по комку свежей глины и через несколько минут в руках у Яна она превратилась в голову бородатого человека, в которой можно было уловить некоторое сходство с Киджи.

Киджи заревел в полном восторге.

— Великолепно!.. талант, гений, гений — честное слово!.. Бросай к чертям свое ювелирство — ты прирожденный скульптор!.. — вопил он, показывая статуэтку и наступая всем по очереди на ноги. — Вон у соловья ни хрена не выходит, а у тебя — живой человек!.. Ей-Богу, иди к нам! Место тебе отведем даром!

— Полно смеяться... — смущенно отнекивался Ян. — Я же ведь понятия ни о чем не имею!

— Вздор: в три с половиной минуты узнаешь!.. Все тебе объясним!..

— И впрямь, попробуй себя?.. — вмешался Кастро. — Искра Божия в тебе явная!

— Валяй, чем ты рискуешь? — поддержал Луиджи. — Глупее ведь ты уже все равно не сделаешься!

Ян сдался и четверо новых приятелей отправились в ближайший кабачок, где собирались художники, запивать вином свой союз.

Марк с остальными двумя товарищами вышел утром на улицу и только что они попали на площадь — увидели приближавшуюся процессию: двое каких-то людей вели под уздцы маленького ослика; на спине его, лицом к хвосту сидел связанный человек средних лет; за ним шумно гомонила толпа; некоторые улюлюкали и насмехались, другие свистали и указывали пальцами на героя шествия. Его подвезли к низенькому эшафоту и прикрутили веревкой к столбу: наказанный был торговец, замеченный в обвешивании покупателей.

Кто-то из толпы швырнул в него куриным яйцом и угодил в лоб; по лицу привязанного потек желток и зрители разразились хохотом.

Трое товарищей посмотрели на обычное в те времена зрелище и тронулись к собору. Марк вдруг ахнул и, расталкивая толпу, бросился к проходившему невдалеке человеку в черном плаще с выразительным, вдумчивым лицом.

— Синьор Карнаро?! — воскликнул он.

Встречный оглянулся, узнал Марка и улыбка осветила глаза его.

— Вот где пришлось встретиться!.. — произнес он, здороваясь.

— Я вас искал в Болонье!.. — сказал Марк, — я там артистом был!

— Почему же «был», а не есть?.. — спросил Карнаро.

Марк немного замаялся.

— Да так... история одна случилась, нас несколько человек ушли. Вот они тоже со мною!.. — добавил он, указывая на своих спутников.

— Что ж, учиться нужно желать, а можно везде!.. — ответил Карнаро, кивнув на поклон Мартину и Адольфу.

— Мы этого и хотим!.. — заявил Марк. — Вы ведь собирались в Болонье быть?

— Судьба выше наших желаний!.. — с усмешкой заметил Карнаро. — Я тоже должен был уйти из Болоньи; теперь здесь имею учеников!

— Школа у вас, да?

Карнаро улыбнулся горячности собеседника.

— Если хочешь, назови так!

— Где же вы учите?

— Где придется. В непогоду под мостом через речонку, в стадии отсюда; в хорошие дни в овраге или на горах: неподалеку имеется давно заброшенный и забытый театр древних времен.

— А нам вы позволите послушать вас?

— Очень рад!.. Только завтра я уйду на неделю — если хотите, отправимся, чтобы не терять времени, вместе?

Предложение философа было принято восторженно; друзья проводили своего нового учителя до дома и поспешили в trattoria, чтобы собраться в путь и предупредить о своей отлучке Яна и Луиджи.

ГЛАВА XXXI.

Как только открылись на другой день ворота Св. Петра, первыми вышли из них на простор полей Карнаро и трое немцев; впереди перебирал ножками ослик, на время предоставленный Луиджи товарищам. Сам он остался в городе вместе с Яном, увлекшимся новыми знакомыми,

Утро было свежее, бодрящее; радуя глаз, кругом мягко выгибались невысокие разноцветные горы. Марк с жадным вниманием допытывался от Карнаро ответа на свои мысли, которых много прошло в голове его со дня ухода из монастыря. Коснулась, между прочим, речь и Пизы с ее базаром мощей. Марк с болью переживал внезапно обнаружившийся обман и надругательство над тем, к чему привык с детства относиться с глубокой верой и уважением.

У Мартина, наоборот, прорывалось озлобление и негодование.

— Все это плоды невежества!.. — ответил Карнаро. — Но волноваться не надо: все проходит в мире... спящие еще спят, но они проснутся!

— Какие спящие?..—спросил Марк.

— Папа с его советниками!.. — был ответ. — Что бы вы ни видели — помните, что все в мире — и солнце и свет — произошли из тьмы и хаоса!

В разговорах время неслось незаметно и, после обеда и отдыха в одной из придорожных тракторий, путники пустились дальше. Погода стала меняться; небо медленно заволакивалось тучами и, когда на известковых горах впереди завиделся монастырь Св. Лоренцо, стала нависать уже ночь. Сделалось душно, чувствовалось, что вот-вот пойдет дождь, но его все не было; тишина и оцепенение овладели миром.

Путники свернули к монастырю и по каменистым осыпям, сменившим дорогу, стали пробираться на огонек, приветливо мигавший из тьмы. Вскоре вырисовалась башня; на ней, высоко над проездом, горел фонарь-маяк для путешественников.

Карнаро постучал в ворота; послышались торопливые шаги и чей-то возбужденный голос спросил: «Кто там?»

— Карнаро... — отозвался философ. — Свои!...

— А скажите: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»!

Карнаро повторил; зазвякали железные запоры и калитка чуть приотворилась; в потемках забелела ряса монаха.

— Запоздали мы!.. — сказал, поздоровавшись, Карнаро. — Хотим от дождя у вас укрыться!

— Пожалуйста!.. — ответил привратник. — Худая ночь заходит!

Низенький и длинный дом гостиницы находился у стены, у самых ворот, и был совершенно пуст. Фонарь над входом в него освещал небольшую веранду, опирающуюся на четыре колонны; за ними чернела открытая дверь.

Путникам отвели комнату и Карнаро попросил брата-гостиника сообщить приору Дамиану о его приходе.

Начали помаргивать беззвучные, слабые молнии — казалось, будто где-то далеко великан то открывает, то закрывает глаза с огромными ресницами.

Дверь распахнулась и быстрой неровной походкой вошел бледный монах средних лет с истощенным и нервным лицом. Он дружески поздоровался с Карнаро и последний представил ему своих учеников.

— Кающиеся? — спросил Дамиан и, не дав Карнаро времени ответить, продолжал говорить. — Это хорошо!.. смердит земля от грехов наших! — Видели, как демоны собирались к нам на стены?.. их целая рать залегла кругом монастыря среди камней!

— Нет, не видали!.. — отозвался философ.

— Они прячутся... в полночь бой будет!.. Хорошо, что вы успели прийти!.. Идемте в мою келью!

Все вышли из гостиницы.

Молнии вспыхивали уже ярче и длительней; при синем свете их с горы открывалась необозримая даль. Небо обдавалось фосфорическим огнем и такие же огоньки отражались в глазах приора.

Марк чувствовал озноб: ему стала чудиться близость зловещих сил; какие-то птицы, светя глазами, со стонами беззвучно метались над головами путников. Мартин шагал, сдвинув брови, готовый на все; на лице Адольфа была написана растерянность и самый неприкрашенный страх; на стенах ослепительно белыми изваяниями вырезывались фигуры сторожевых монахов с сиявшими высокими крестами в руках.

Дамиан впустил своих гостей в полукруглый и сводчатый обширный зал, освещенный множеством масляных стальных ламп; линия каменных скамей изгибалась вдоль стен. На середине одной из них была устроена Голгофа: на громадном черном кресте, поникнув мертвой головою, висел пригвожденный Спаситель, резаный из дерева и раскрашенный; крупные капли крови на лице его, казалось, еще стекали из под терний венца.

Перед ним прыгала и бесновалась обнаженная до пояса, окровавленная толпа людей; в руках у каждого было по

пуку розог или по ременной плети, и кто с визгом, кто с пением псалмов с размаха яростно сек самого себя через плечо; удары наносились с бешеной быстротою; глаза у всех были остановившиеся, невидящие, страшные. Нет-нет и то один, то другой из самобичевавшихся прекращал стеганье и, оставляя за собой кровавые пятна, выбирался, шатаясь, из толпы и в изнеможении валился на лавку; стены за ними были измазаны как бы пурпуром. Некоторые, будто мешки, скатывались со скамей и лежали в беспамятстве, но это не привлекало ничьего внимания.

Эхо звучно повторяло и усиливало все звуки.

— Три тысячи ударов равны году покаяния... — проговорил Дамиан. — Очистившись, легче бороться с дьяволами!

Держась стены, он и следовавшие за ним путники обогнули зал и через низенькую дверь попали на четвероугольную крытую галерею, арки которой опирались на множество колонн самого разнообразного вида; некоторые имели каменные узлы посередине, другие свивались из змей и растений. Галерея окаймляла небольшое кладбище; при блеске зарниц отчетливо виднелись памятники и казалось, будто жильцы могил выглядывают из за камней и саркофагов и снова прячутся за них.

Многочисленные двери вели из галереи в кельи; все они были открыты настежь, каждый уголок ярко освещали лампы, восковые свечи и факелы.

С ударом полуночного колокола раздалось пение «Матер Деи» и из церкви показался, блистая огоньками длинных свечей, крестный ход; среди хорутвей несли на носилках раскрашенную статую Мадонны в белом платье; она казалась живою.

Другая часть монахов кучками разбилась по галереям внутреннего двора и с пением молитв ожидала нападения. Голоса стали звучать надрывнее, все напряженно глядели во тьму, то и дело сменявшуюся синим полымем. И вдруг один из монахов побелел как мука и подался назад.

— Вот они, вот!... — завопил он, тыча свечой в черное пространство перед собой.

— Идут!.. вижу рожи их!!.. — неистово закричал другой и толпа разом обезумела. Замахали, избивая воздух, кресты, свечи, маленькие статуэтки Христа; стоявший впереди всех низенький монах с искаженным яростью лицом совал свечей в пустоту перед собой и визжал: — Глаза им выжигайте, глаза!!..

Толпа с истукпенным ревом подалась вперед, затем почему-то шарахнулась назад и закипела свалка. Не разбирая ничего и никого, бойцы опрокидывались через памятники и катались между могилами; на них валились другие, все давили друг друга, били, душили, рвали за волосы.

— На помощь!!.. одолевают!!.. — прохрипел надорванный голос из-под груды барахтавшихся тел и, словно по колдовству, на зов этот из залы, склонив хоругви как копьа, выступила подмога — крестный ход.

Вся в блеске зарниц, сквозь дым и огонь факелов, в воздухе показалась Мадонна и устремилась в самую гущу свалки; белые рясы сомкнулись кругом нее и через несколько минут радостное, победное «Те Деум» огласило окрестности; зазвонили колокола. С поля битвы, усеянного обломками крестов, свеч и статуэток, подымались поверженные бойцы; некоторые лежали в беспамятстве. Будто пласт снега, распростерлись победители перед Мадонной; неземная, прозрачная, вся сияя, она возносилась над миром.

Садик густо пах резедой и розами.

Сторожевые видели со стен, как бесчисленные демоны, принявшие в бою вид монахов, перекинулись черными птицами и с воем унеслись из монастыря.

Два запоздалых угольщика, спускавшиеся с гор позади монастырских стен, слышали вопли, видели двигавшийся свет и в страхе крестились и спешили подгонять своих осликов.

Дождя не выпало не единой капли.

На другое утро приор, чувствовавший себя больным, прислал к Карнаро исхудалого аскета-библиотекаря со жгу-

чими, впалыми глазами и тот повел философа и его учеников в каморку при ризнице, где уютилась библиотека. Она была невелика, но не она привлекала внимание философа, груды греческих пергаментных рукописей, заполнявших все полки.

В ризнице у стены находился длинный стол и на нем работали двое молодых послушников: один мочил в глиняной миске с водой древние пергаментные рукописи, а второй окончательно счищал все написанное на них мелким песком, опять мыл и развешивал для просушки на веревочке; в оконце, затянутое паутиной и пылью, едва брезжил желтый свет.

Карнаро принялся перелистывать книги; глаза его разгорелись.

— И зачем тебе эта языческая дрянь нужна? — хрипло произнес библиотекарь, глядя на увлекшегося философа. — Все, что не божественное, следует сжечь! Оттого дьявольская сила и делает нападения на монастырь, что проклятые книги здесь хранятся! Этой ночью демон здесь на окне сидел и хохотал — вот они его видели! — Он кивнул на молодых послушников.

— Уступите мне эти рукописи, святой отец? — сказал Карнаро. — Купить я не могу — таких денег нет у меня, а дайте на время — я их перепишу и верну вам?

— Да на это десять лет потребуется!.. — возразил библиотекарь. — А нам сейчас палимпсесты нужны; важнейшую книгу переписываем: рассуждение о том, где находился Бог и ангелы до сотворения мира. И на очереди другая — мог ли Бог сотворить вещи лучше, чем он это сделал? Вот это истинная польза для души!

— Я пока могу предложить вам пару палимпсестов. А к тому времени, когда у вас их израсходуют, я верну греческие рукописи!

Монах подумал.

— Хорошо!.. — согласился он. — По совести говоря, кабы не отец приор, я бы всю эту греческую нечисть на болото свез!.. Наплевать, что пергамент дорог: пусть горит все, что в дьявольских лапах было! Бери!.. — решительно добавил

он и подвинул к философу несколько стопок рукописей. — Только для тебя это делаю; смотри — через полгода все назад привези! Умный ты человек, а чудака!..

Осматривать в монастыре больше было нечего; Карнаро забрал свои драгоценности и, простившись с больным, пустился с учениками дальше.

Все они были заинтересованы непонятными рукописями и философ пояснил, что они вышли из-под стиля величайших людей древности — Эсхила, Софокла, Аристотеля и других и что их необходимо беречь и спасать, так как их везде усиленно очищают из-за бешеной цены на пергамент.

Неделя путешествия с Карнаро мелькнула для его учеников как один день.

Не терял зря времени и Ян и, поощряемый новыми друзьями, усердно работал в их мастерской. Лепка шла удачно — маленькие бюсты, выходившие из его рук, делались все ближе к оригиналам и что важнее — в них были схвачены те неуловимые черточки, которые дают жизнь и мысль куску мертвой глины.

Днем работа, вечером пирушки и песни в трактирии, а порой и буйства — вот тот мир, который всецело охватил Яна.

Марк был поражен, когда, посетив с товарищами мастерскую, сразу признал в свежеслепленной фигурке свое собственное изображение. Лохматый Киджи тыкал пальцем то в нее, то в Марка и клялся всеми святыми, что из Яна выйдет самый великий скульптор во Флоренции; Ян, еще не вполне привыкший к неистовому во всем новому другу, смущенно улыбался.

В мастерской показались двое новых лиц и Киджи, стоявший с тяжелым молотком в волосатой руке, с засученными рукавами, поспешил к ним на встречу. Оба были в траурных плащах, в густо-пурпурных и белых шапочках; из-

под плащей чернели концы шпаг. Лица у обоих посетителей были надменные; особенно неприятное было у пожилого с длинными ушами, оттопыренными, как у летучей мыши, и бритыми, обвислыми щеками и веками; из-под них глядели полузакрытые, тусклые, мертвые глаза.

Пришедшие едва прикоснулись кончиками пальцев к головным уборам.

— Ну, как идут у вас дела, мой милый художник?.. — феррарским говором осведомился старший. — Готов ли мой заказ?

— Вчера кончил, синьор!.. — ответил Киджи.

Он сделал несколько шагов по направлению к чему-то большому, бесформенному, наглухо закутанному холщовым покрывалом и разом скинул его. Среди мастерской забелела сидящая в кресле мраморная молодая женщина с молитвенно устремленными вверх глазами.

Несколько минут все молча смотрели на статую.

— Похожа... — проронил старший. — Удачно!.. Сколько же я вам должен за нее ?

— Мы условились в ста золотых флоринах!.. — сказал Киджи.

— Разве?.. А мне помнится, в пятидесяти?

Киджи насупил кусты бровей.

— Синьору изменяет память!.. — возразил он. — Речь шла о сотне золотых— ни больше, ни меньше!

— О пятидесяти!.. — упорно и выразительно повторил пожилой. — Флорентийцы любят запрашивать!

— А феррарцы любят скупиться!

— Мы не скупимся, а зря денег не бросаем! Такую уйму золота вам платить еще рано; советую отдать за пятьдесят — ведь никто другой этой статуи не купит!

Смутное лицо Киджи посерело.

— Когда так, то не купите ее и вы!.. — грубо произнес он. — За это я вам ручаюсь!

— Напрасно! Через месяц или два сами придете предлагать ее.... не сомневайтесь!.. — с усмешкой ответил феррарец.

— Что?!.. — вдруг заорал Киджи и схватил с глыбы положенный им каменотесный молоток. — Ты, свиной окорок, думаешь, что я когда-нибудь буду с моей статуей напращиваться? Тебе достанется она? — Он размахнулся и, не успели окружавшие удержать его, грянул статую по голове; она разлетелась на куски.

— Получай, получай ее, на!!.. — бешено кричал художник, круша статую. — А теперь вон, к чертовой бабушке, поганое рыло, пока я не сделал фрикасе из твоих свинячьих ушей!

Мартин и Адольф ухватили взбешенного художника под руки.

Феррарцы вытащили шпаги.

Из мастерской с молотами в руках бежали помощники и с угрожающим видом столпились против прижавшихся к стене заказчиков.

— Уходите, синьоры, вас никто не тронет! Но впредь помните лучше свои слова!.. — сказал Кастро, успокаивая приятеля.

Феррарцы воспользовались минутой и удалились; поток ругательств Киджи провожал их.

— Вот дьявол!!.. — бледный от негодования, проговорил младший, садясь на великолепного буланого коня.

— Я ему покажу, как разбивать статую моей жены!.. — злобно пообещал другой и оба всадника, сопровождаемые четырьмя слугами, звонко поскакали в глубь города.

На другой день мастерскую посетил Карнаро со своими учениками,

Осколки статуи были убраны, но Киджи, бушевавший всю ночь в трагтории после истории с феррарцами, был мрачен как туча, помахивал по-козлиному бородой и, молча и не глядя ни на кого, свирепо громил мрамор для нового саркофага.

Карнаро внимательно всматривался в работы художников и Яна, затем поблагодарил любезного Кастро, все время сопровождавшего его, и вышел на улицу.

Марк сейчас же забросал Карнаро вопросами.

— Ян очень талантлив!.. — ответил художник. — Но подражать своим учителям он не должен!

— Почему? Разве они плохи?

— Нет... И в них имеется огонек! Но все искусства теперь в глубочайшем упадке! Вам разве не бросалось до сих пор в глаза, что всюду одичали даже дворцы, что изображения людей стали гораздо уродливей их самих; тысячу лет назад все было наоборот! Значит, надо учиться у древних, а не у современников. А мы пережигаем мраморные статуи на известь!..

— Это правда!.. — произнес чей-то голос. — Совсем недавно у нас в Пизе до тысячи языческих статуй были разбиты монахами!

— Где же надо учиться скульпторам?— спросил Марк.

— Только в Риме!.. — сказал Карнаро. — Он и мертвый велик!

Городские ворота незаметно остались позади и ученики и учитель очутились в поле. Хлеб был уже давно сжат и свезен; далеко, далеко простиралось желтое жнивье. Карнаро свернул напрямик в сторону и почти сейчас же открылся неглубокий овраг с одиноким черным камнем на дне — креслом философа; все тесно — кто сидя, кто лежа — расположились перед ним полукругом.

— Учитель... — сказал один из учеников. — Вы обещали побеседовать с нами о пути к истинному знанию?..

— Да!.. — ответил Карнаро. — Но прежде, чем говорить о знаниях, надо упомянуть о заблуждениях. Мы живем среди дремучего леса из них; они выросли из нас самих и потому мы их не замечаем. Начну с главного заблуждения человека — будто бы он царь вселенной и будто все в мире создано и предназначено для него. Это гордый самообман! Человек — песчинка на берегу моря и только! Вот первое, что вы все должны понять и усвоить! Тогда перед вами сама собой откроется вторая ступенька познания — что человек может гордиться только своими делами, а никак не тем, что он ходит на двух ногах и может одевать их в сукно и бархат! Я вас зову к неверию...

— Как?!.. — с испугом воскликнул голос. — Не верить в Бога?!..

— Божественных начал я не касаюсь, они превыше нас и наших знаний!.. — возразил Карнаро. — Я зову вас не верить не в Божье слово, а в человеческое; не верить ничему, что вышло и выходит из-под калама и из головы человека! Пусть это будет сам великий Птоломей или блаженный Августин — не верьте им на слово, а рассуждайте сами. И если ум ваш согласится с ними — принимайте их положения, нет — отрицайте и ищите дальше. Есть вопросы никем не разрешимые и не потому, что они мудры, а потому, что они глупы. К сожалению, этого не видят и сотни людей ломают головы над ерундой вроде того — почему Ева была сотворена из ребра Адама? Решений может быть несколько тысяч. И если я решу так — «потому, что накануне шел дождь», то этот ответ будет нисколько не глупее всех остальных!..

Среди напряженно слушавших учеников раздался смешок.

— Значит, прежде чем рассуждать, оцените — стоит ли дело труда или нет? Не занимайтесь Сизифовым трудом; высоко цените слово — это крылья, возносящие вас к солнцу вечного, истинного! Помните глубочайшее откровение святого апостола Иоанна — «в начале бе слово и слово бе Бог и Бог бе слово...»

ГЛАВА XXXII.

Беседа Карнаро, шедшая так вразрез с веком, произвела глубокое впечатление на Марка и Мартина. Впервые услышали они не только о возможности сомнений в установившихся авторитетах, но даже о необходимости проверки их. Привыкшему к безусловной вере во все написанное, Марку эта смелая речь казалась жуткой и несколько кощунственной; упорный и прямой Мартин, склонный к сомнению и проверке всего умом, а не сердцем, как Марк, ощущал радость, вызывавшую у него в душе.

Толпа слушателей философа, войдя в город, рассыпалась по разным направлениям и Марк и Мартин оказались вдвоем у древней широкой и низкой баптистерии Св. Джиованни, патрона Флоренции, в которой на Пасхе, сразу в один день, крестили всех детей, родившихся в течение года.

Неподалеку от входа в нее толпились несколько десятков прохожих; на свободном пространстве между ними четверо человек дрались на шпагах; два цветных и два черных плаща валялись на земле неподалеку от них; бой кипел горячий и не прошло и минуты, как вскрикнул и повалился один из бойцов; за ним навзничь опрокинулся другой; владельцы цветных плащей накинули их на свои плечи, вытерли шпаги и, не торопясь, стали удаляться с площади. Их никто не преследовал.

Часть зрителей бросилась помогать упавшим, другие, стоя в стороне, толковали о причине ссоры и обсуждали качество ударов.

Один из бойцов был убит, второй ранен в живот и по одежде его медленно текла кровь.

— Я знаю, почему я ранен!.. — слабым голосом проговорил он. — Вчера я поел скромного!..

В тот же день вернулся Луиджи, исчезавший куда-то по своим делам, и в числе новостей привез весть, что из Болоньи, с паломниками из местной знати, отправился с семьей в Рим и рыцарь Готье — там должна была состояться свадьба Габриэль.

Ян, при котором в трагтории сообщили это, изменился в лице; веселое и бодрое настроение, державшееся у него все последние дни, разом исчезло. Он посидел немного с собравшимися товарищами, затем отговорился головной болью и удалился.

Луиджи сообразил, что не следовало говорить при Яне о Габриэль, и хлопнул себя по лбу.

— Осел я!.. — воскликнул он.

— Неужели, синьор?.. — серьезно спросил при общем смехе Киджи. — Как, значит, мы в вас ошиблись!

На другой день Ян показался в мастерской на несколько минут и исчез неизвестно куда. На третий он не пришел совершенно. Луиджи отправился на разведку и наконец разыскал его в одном из погребков мертвенно пьяным. К вечеру он протрезвился и мрачный, с измятым лицом, лежал на постели и молча слушал ругательства, которыми осыпал его неаполитанец.

— Завтра я ухожу... — вдруг проговорил Ян.

— Куда?.. — изумился Луиджи.

— В Рим.

— Послушай, брат, поговорим до конца?.. — Луиджи присел на край кровати приятеля. — Ты веришь, что я желаю тебе добра?

Ян кивнул головою.

— Так поверь и тому, что всю эту твою канитель надо бросить! Ну скажи, пожалуйста, есть ли хоть капля здравого смысла в том, что ты няньчишься с какой-то любовью, да еще к кому — к важной синьорите. Что в ней особенного? Макароны, подумаешь, какие! Выдадут ее за тебя за муж? Нет, будь я трижды проклят!

— Я этого и не ищу... — проговорил Ян.

— Так чорта ли тогда тебе надобно? Девчонок и прехорошеньких кругом тысячи: тискай их, где можешь, и кончено! Живи и не куксись — в этом, брат, вся соль жизни! А уж пьянствовать, как какому-то мужику, тебе стыдно!

— Это все верно!.. — отозвался Ян. — Только я все-таки в Рим уйду.

— Зачем?

— Так... — Ян уперся взглядом в стену. — Надоело здесь все.

— А скульптура твоя?

Ян пренебрежительно махнул рукою.

Не успел Луиджи ответить — дверь в каморку, где шел разговор, запахнулась и вбежал в белом переднике один из помощников Кастро.

— Синьор Киджи ранен!.. — запыхавшись, произнес он.

Луиджи подскочил как на пружине, Ян поднялся и сел.

— Кем, где?.. — спросил неаполитанец.

— На улице. Трое каких-то неизвестных набросились на него сзади, ударили в спину кинжалом и убежали!

— Жив?

— Да!

Луиджи забрал все нужное для перевязки и бросился с Яном вслед за вестником.

Когда они явились во взбудораженную мастерскую, Киджи был уже раздет и лежал на земле, на брезенте, стонал и ругался. Луиджи в качестве доктора осмотрел его рану и убедился, что кинжал только скользнул по ребрам и просек тело до кости.

— Опасность есть, но я здесь!.. — важно объявил он окружавшим. — Я отвечаю, что через несколько дней поставлю больного на ноги!

Неаполитанец быстро, умелой рукой обмыл рану и принялся делать перевязку.

Вечером, после происшествия с Киджи, Луиджи позвал троих товарищей и зашел вместе с ними в погребок. Как обычно, потребовали вина и неаполитанец рассказал тайну Яна. Надо было что то предпринять, чтобы удержать его от нелепых выходок.

— Обалдел парень!.. — проговорил Мартин. — Эка лезут в голову людям разные глупости!

— Он непременно уйдет, а одного его отпустить нельзя!..—сказал Марк и Луиджи поддержал его.

— Что ж?.. мы ведь не собирались зимовать во Флоренции?.. — добавил Мартин. — Так, ведь, Адольф?

— Так!.. — пророкотала октава.

— В пути его пообдует немного!.. — заметил Луиджи. — Глядишь, и образумится человек! Ах, черт его побери, трубадур еще какой выискался?!

Через неделю после этого разговора из ворот Флоренции показался навьюченный серый ослик, а за ним целая толпа народа: болонских гостей, так неожиданно собравшихся уходить от них, провожали Кастро с семьей, выздоравливавший и по-прежнему лохматый Киджи, философ Карнаро и многие другие.

В парасанге от города был сделан привал и из-под плащей художников появились пузатые кувшины и корзинка со стаканами. Вино было налито.

— За наше будущее светило и за моего милого доктора!!.. — зычно протрубил Киджи по крайней мере на пол-парасанга. — Счастливого пути и возвращения!!

Все зачокались и выпили.

— А я пью за счастье всех уходящих!.. — сказал Карнаро. — Верю в то, что, быть может, кто-то из вас уносит с собой флорентийское зерно и взрастит его в душе своей. Еввива!! — крикнул он и залпом осушил стакан.

Луиджи сорвал с себя шляпу и махнул ею.

— За вас всех!!.. — возгласил он. — Еввива!!

— Еввива!!.. — раздались дружные крики и, под перекрестный пожелания счастья и маханье шляпами и руками, маленький караван тронулся дальше.

Несколько раз путники оборачивались и видели, что новые друзья стоят на прежнем месте и смотрят им вслед. Перевал дороги скрыл их и только серый лес из башен долго еще виднелся путешественникам.

Вино и теплые проводы, устроенные флорентийцами, привели всех в благодушное и шутливое настроение. Луиджи обнял шедшего с ним рядом Марка.

— Эх ты, ротозей!.. — сказал он ему. — Такая хорошенькая рожица с тебя глаз не сводила, а ты философские мыльные пузыри пускал?

— Кто, какая рожица?.. — удивленно спросил Марк.

— Да старшая сестра Кастро, та, что с пушком на верхней губке! Вспомнишь про этот пушок — так даже с курткой судороги делаются!

Марк смутился.

— Поди ты со своими глупостями!.. — ответил он. — Уж попадет тебе когда-нибудь за твои шашни!...

Луиджи засмеялся и запел, прищелкивая пальцами.

— А ты помнишь, что здесь очень опасно?.. — обратился к нему Мартин. — Кастро предупреждал, что ухо надо остро держать!

— Нигде, брат, губ распускать нельзя! — воскликнул неаполитанец. — Главное — надо знать кому, и когда молиться! Святой Юлиан посылает хороший ночлег и охраняет в пути. А вот если погода испортится да болота начнутся — тогда не знаю, какого святого призывать! Завидовать нам будет некому: путь неблизкий!

— А дорогу ты хорошо знаешь?.. — спросил Марк.

— Все дороги ведут в Рим!.. — важно заявил неаполитанец. Он выпустил из корзины своего ворона и стал забавляться со смышленной птицей. Она то летала над караваном, то садилась на плечо к своему хозяину.

— Раз она спасла меня!.. — промолвил он. — И еще какую-то роль сыграет в моей жизни, помяните мое слово!..

— Пророк еще какой нашелся!.. — пробурчал Мартин.

Под вечер путники завернули в одно из нескольких попадавшихся им имений; не то замок, не то дворец в нем лежал в развалинах; несколько низких, видимо, наскоро сколоченных, строений-овчарен было разбросано среди невылазно-грязного, обширного двора; слышался густой овечий запах; навстречу с яростным лаем кинулись громадные лохматые собаки. Отбиваясь палками, путники добрались до дома, переделанного из остатков башни; из открытой двери выглянула черная курчавая голова, затем другая, потом показался плотный пожилой человек угрюмого вида.

— Отогнать собак!!.. — вдруг разъярившись, свирепо крикнул он и из-за спины его вынырнули несколько рабов с перевязанными веревочками длинными волосами и набро-

сились на собак, хлеща их длинными бичами. Псы с визгом кинулись в стороны и замолкли.

— Мы певцы... — произнес, снимая шляпу, Луиджи. — Не позволите ли переночевать у вас?

Управитель зажевал губами, рассматривая гостей.

— Можно... — разрешил он наконец. — Сведите под виллу их!

Двое рабов поспешили исполнить приказ и путники тронулись за ними. Отведенное им место для ночлега оказалось двумя очень большими сводчатыми подвалами, где, по всей видимости, когда-то помещалась кухня. В одном находился стол и пара длинных скамеек. В углу из крупных булыжин был устроен очаг; стены около него блестели от копоти, как каменный уголь. Рабы развели огонь, принесли несколько охапок соломы и в осветившемся подвале сделалось уютно. Путники уже стали раздеваться и устраиваться на ночь, когда на лестнице показался высокий светлорусый человек, несший только что освежеванного молодого барана; вошедший положил тушку на стол и ломаным языком сказал, что это дар гостям от управителя.

Луиджи, уже разлегшийся было на соломе, вскочил и вместе с принесшим принялся пристраивать барана к треноге для жарения.

— Не немец ли ты?.. — обратился к нему Марк.

— Нет, господин! — ответил присланный. — Я из Киева...

Ян быстро оглянулся.

— Ты наш, славянин?!.. — воскликнул он.

Раб вскинулся, услышав родную речь.

— Господин из нашей страны, с Днепра?!.. — радость и изумление написались на лице его.

— Почти!.. — ответил Ян. — Давно ли ты здесь, как ты попал в рабство, как тебя зовут?

— Ярославом. Жив ли наш ласковый князь, Владимир-господин?

— Жив и славен по всему миру!

— А я ничего не знаю про нашу светлую родину! Как там хорошо, господин, какое небо у нас, Днепр какой синий, сосны не в обхват! — Он завесил лицо широким рука-

вом своей грязной холщовой хламиды и беззвучно заплакал.

— Где же тебя схватили?

— В ладьях на Цареград мы шли... греки обманом завлекли нас, опоили зельем и продали на рынке!.. Десять лет уже, как я не видел родины!..

— О чем стрекочут эти сороки?.. — любопытствовал Луиджи.

Немцы пожали плечами.

— Странно — мужчина с бородой, а плачет!.. — заметил Мартин.

— А выкупиться тебе нельзя?.. — продолжал свой разговор Ян. — Сколько за тебя хотят?

Ярослав покачал головою.

— Наш господин никогда не продаст нас, рабы очень дешевы!.. — ответил он. — Мы все осуждены умереть от лихорадки в здешних болотах!

— А если бежать?.. — вполголоса вымолвил Ян.

— На мне тавро, господин! Никто не поможет мне!.. — Он распахнул хламиду и скинул ее с плеча — спина его вся была покрыта сине-багровыми полосами. — Вот мой побег! — пояснил он, показывая их и руки, потертые, видимо, недавно снятыми кандалами почти до кости.

Когда баран был готов, Ян отрезал большой кусок жаркого и дал его земляку; тот с жадностью голодной собаки проглотил его и Ян только тут рассмотрел, какой исхудалый его собеседник и как горят у него глаза.

Долго ворочался на постели Ян в ту ночь и думал о Ярославе и сотнях тысяч несчастных, томящихся в рабстве по всему свету.

Ранним утром другого дня путники слышали сквозь сон шум и блеяние множества овец, но подыматься было лень и, когда наконец встали, на дворе было уже тихо и мертво; не замечалось даже собак и караван выбрался на дорогу.

Было довольно свежо, хотя день сиял яркий.

Солнце чуть передвинулось за полдень, когда путники слышали за собой топот нескольких лошадей и из-за изгиба дороги показались трое верховых; впереди них, неуверенно мотаясь из стороны в сторону, бежали две соба-

ки. Догнав караван, всадники сдержали коней.

— Не видали ли вы беглого раба?.. — спросил старший из погони; он быстро оглядел путников и убедился, что того, кого они ищут, нет. — Высокий он, светло-русый?

— Не встречали!.. — ответил Луиджи.

— И не перегонял вас такой?

— Нет, никто не перегонял. Да что он, пеший или конный?

— Пеший.

— Так что же — собаки с вами — ищите!.. — сказал Луиджи.

— Да вот не идут что-то!.. — ответил старшой. — Сначала, было, ходко взялись, а потом хоть ты что!..

Собаки, действительно, равнодушно лежали по бокам дороги и жарко дышали, вывалив красные языки.

— Не идут собаки — значить нет его здесь!.. — сухо произнес Ян.

— Да куды ж он бросился тогда?.. — спросил старшой. — Не во Флоренцию же побежал?

— Да, в подесты¹ его там не выберут!.. — глубокомысленно заметил Луиджи.

— Он, должно быть, как в тот раз, где-нибудь около дома на болотах отсиживается, пока хлеб не выйдет!.. — решил всадник. — Ну, будьте здоровы!..

Погоня повернула коней и шагом поехала восвояси. Двинулся дальше и караван.

Минуло несколько часов и шедшие по совершенно пустынной дороге путники вдруг услышали за своими спинами негромкий крик. Все оглянулись и увидали, что из кустов выбирается какой-то лохматый, весь облепленный грязью человек. Ян сразу признал в нем Ярослава.

Караван остановился; раб подбежал к Яну, упал на колени и обнял его ноги.

— Господин?.. — надорванным голосом произнес он. — Убей меня, но не гони!... я бежал из виллы!

¹ Правитель города, обязательно приглашается из другого города на определенный срок.

Товарищи Яна окружили их; лица у всех, кроме Марка, посумрачнели: за укрывательство беглого раба возмездие ожидало жесточайшее.

— Да как ты ухитрился уйти?!.. — спросил Ян.

— Я пробежал немного по дороге, потом свернул на болота и ими все время шел за вами; несколько раз озера переплывал — след собаки и потеряли! Я не собирался бежать, а повидал тебя, услышал нашу речь — так и потянуло! Вышел от вас вчера на двор, остановился, гляжу на звезды, слышу — журавли кличут, летят... Этого уж я не мог стерпеть!

— Что ж нам теперь с ним делать?.. — обратился Ян к общему суду.

— Да какое нам до него дело?.. — отозвался Мартин. — Пусть идет, куда хочет!

Марк отрицательно качнул головою.

— Нет!.. — возразил он. — Если мы прогоним его, он погибнет в болотах либо убьют его! А он человек!

— Важное кушанье, что и говорить!.. — процедил сквозь зубы Луиджи. — Но все-таки, черт с ним, пусть с нами тащится! Что нам — дороги, что ли, жалко? Чуть что — опять в болота нырнет!

Ян решительно поддержал его; Мартин более не возражал.

Беглеца накормили, всякий уделил ему что мог из одежды и осчастливленный, взволнованный Ярослав пошел в новый жизненный путь со своими избавителями.

Часов в пять дня справа заблестело небольшое озеро. С довольно высокого западного берега его смотрелось в водную гладь необыкновенное белое здание, приковавшее к себе внимание всех, кроме Луиджи.

Казалось, оно все состояло из длинной колоннады, сквозь которую голубело небо. К озеру широкими, длинными ступенями нисходила величавая лестница; кругом раскиды-

вался густой, то багровый, то золотистый лес.

— Вилла Поппей, жены Нерона!.. — сказал Луиджи. Все столпились и стали разглядывать здание. Ослик воспользовался случаем и принялся щипать траву.

— Здесь мы и заночуем!.. — добавил неаполитанец.

— Здесь?.. Где жил Нерон?!.. — с суеверным чувством переспросил Марк.

— Мало ли где он жил!.. — возразил Луиджи. — Теперь вилла давным-давно разорена и разрушена. Туда и не заглядывает никто!

— Кем разорена ?

— Да мало ли чьи полчища тут тысячи лет шлелись?.. Говорят, Тотилла какой-то окончательно доконал ее! Видите, какой дворец будет у нас: недаром я всегда молюсь в пути святому Юлиану — запомните этого святого!

Караван свернул по тропке, едва намечавшейся среди густой поросли дубняка; она сменилась многовековым лесом; показалась развалившаяся кирпичная стена, служившая когда-то оградой. От ворот уцелело только два могучих, покосившихся каменных столба; за ними опять тянулся лес, росший на вымощенной площади — на бывшем дворе; желтым ковром его усеивали опавшие листья; с мягким шелестом они медленно стекали с деревьев.

Показались новые развалины; по сохранившимся аркам и переходам можно было распознать висячие сады; за ними открылась мраморная колоннада с высокой двухэтажной серединой.

Стены и колонны были увиты курчавым вечнозеленым плющом и пламенным виноградом.

Путники остановились.

— Куда же идти? — спросил Ян, взяв ослика за повод.

— Я тоже не бывал здесь, не знаю!.. — ответил Луиджи.
— Вали прямо!

Двери не было. Ослик зашуршал грудой опавших листьев, целым сугробом наметенных у входа, и мозаичный пол золотистыми и розовыми кругами разбежался под их ногами; мрамор высоких стен был не тронут ни людьми, ни временем. Каких-либо вещей не имелось и признака. На

расписанном потолке в красноватых силуэтах была изображена охота богини Дианы. Караван втянулся в следующую дверь, и шедший впереди Ян вдруг остановил ослика и попятился; оцепенели и остальные: со всех сторон из-за внутренних колонн показались вооруженные люди в черных плащах и шляпах. Их высыпало так много, что о сопротивлении нечего было и думать.

— Это вы, молодцы, к кому же пожаловали?.. — насмешливо осведомился один из незнакомцев, подходя ближе. — Дубины к черту!!.. — вдруг прикрикнул он, заметив, что Адольф уже собрался расшибить его в лепешку.

Мартин и Марк обезоружили Адольфа; все побросали палки на пол.

— Мы странствующие певцы, синьор!.. — еще не оправившись от испуга, произнес Луиджи. — Мы хотели переночевать здесь!

— И переночуете!.. траттория здесь великолепная!.. — под общий смех отозвался незнакомец. — Отведите их вниз и запирайте!..

Несколько человек сперва разгрузили корзины ослика, затем то же проделали с карманами пленников и гурьбой повели их куда-то по темной лестнице.

Мартин спускался рядом с Луиджи.

— Помолился святому Юлиану!.. — сердито буркнул Мартин. — Очень он помогает в пути!

Луиджи не отозвался.

Путников заперли в каком-то подземелье. Высечь огня было нечем и все, опасаясь провалиться в тартарары, тесно разместились на полу у входа, где кому привелось. Никто не двигался.

— Есть здесь кто-нибудь, кроме нас?.. — громко спросил после долгого молчания Марк.

Отзыва не было.

— Мы одни!. — послышался в некотором отдалении голос Мартина. — Иди сюда!

Марк поднялся, вытянул впотьмах вперед руки и, нащупывая ногой землю перед собою, стал продвигаться на голос. Перекликнулись и Ян с Луиджи и с Ярославом и тоже,

простерев вперед руки, нашли друг друга.

— Что с нами сделают?.. — сказал Ян и опять ниоткуда не было ответа.

Прошло с час времени и в коридоре слышался глухой шум и голоса; яркий свет нескольких факелов ослепил пленных: они, скучившись в разных позах, сидели на полу в низкой, но большой комнате, уставленной вдоль стен множеством резных лавок и табуретов. В дверях стоял высокий, чернобородый человек с орлиным носом и блестящими глазами. Из-за спины его выглядывали несколько любопытствующих.

Луиджи лицо его показалось знакомым.

— Что за народ?.. — голосом, привыкшим повелевать, спросил незнакомец.

Все поднялись на ноги.

— Ваши знакомые, синьор Ветер!.. — отозвался Луиджи; он отстранил соседа, за которого в первое мгновение отшатнулся, и выступил вперед.

— Святой Джованни?!.. — воскликнул незнакомец. — Да это ты, петушок?.. и рыжие усы здесь? Куда вы направлялись?

— В Рим, синьор... покаяться в грехах хотим!

В смиренно опущенных глазах и на внезапно сделавшемся постным лице неаполитанца отразилось столько лукавства и юмора, что собеседник его расхохотался.

— Дело доброе!.. — заявил он. — Помяните и меня грешного в своих святых молитвах!

— Непременно, синьор!.. — подхватил Луиджи. — К сожалению, мессу за ваше здоровье нам придется попросить отслужить бесплатную!..

— Почему?

— Потому что свидание с вами так нам дорого, что вряд ли во всех наших карманах отыщется теперь хоть один кватрони!

Незнакомец засмеялся снова.

— Все вернуть!.. — приказал он своим людям. — Наложите им в корзины всякой всячины, об остальном я сам позабочусь. Ну, марш все за мною!

И он вышел в коридор, затем поднялся наверх; за ним вперемешку повалили путники и их стража.

В одной из отдаленных комнат оказалось несколько длинных столов и скамеек.

— Наша столовая!.. — проговорил чернобородый. — Если хотите, здесь на ночь устраивайтесь — нет — вниз идите — там целый лабиринт и там теплее!..

— Мы к холоду привыкли!.. — сказал Луиджи. — Разрешите остаться наверху?

— Как знаете!..

Стало сильно темнеть и по углам столовой зажгли четыре факела; столы быстро покрылись всякою снедью, откуда-то прикатили целую бочку вина и началось шумное пиршество.

— Кто эти люди — как ты думаешь?.. — потихоньку спросил Марк у Луиджи, сидевшего с ним рядом.

Тот удивленно глянул на него.

— Да неужели сам не видишь?.. ангелы с небес! А зовут их разбойниками!

После ужина началось пение и многочисленный хор долго оглашал древние стены; Ян и Ярослав, незамеченные никем, вышли из-за стола и попали на открытую, широкую и тоже мраморную веранду. Из черно-синего неба прямо на них глянул узкий серп месяца; мигали несколько звезд. Нет-нет и безмолвный лес, вторя вилле, вдруг раздражался бурными криками, хохотом и пением.

Ян и его товарищ долго стояли и слушали ночь. На белых плитах пола лежали от них две слабые тени. Лица обоих были подняты к небу — оттуда доносилось курлыканье журавлей.

В полдень другого дня путники остановились близ дороги для обеда уже далеко от волшебной виллы и сделали обрадовавшее их открытие: кроме многочисленных съестных припасов в одной из сум оказался тяжелый узел, за-

ключавший в себе дар предводителя разбойников — двести золотых монет.

Луиджи желтой струей высыпал их перед товарищами на плоский камень.

— Что, рыжеусый кит — какому святому надо молиться в пути?!.. — торжествующе воскликнул он.

ГЛАВА XXXIII.

Незаметно минули еще две недели — и однажды утром с горы перед путниками вдруг развернулась панорама громадного города, привольно раскинувшегося на семи холмах; весь его серую лентою обвивали крепостные стены и частые башни.

— Рим!.. — коротко проговорил Луиджи.

Путники опустили на колени, сняли шляпы и благоговейно стали читать молитву.

Двумя крутыми изломами синел рассекающий город Тибр; среди самой широкой части его виднелся остров Тиберия, весь взъерошенный мрачными высокими башнями и замками; несколько каменных мостов желтыми арками перекидывались с берега на берег; всюду, куда ни хватал глаз, высились мертвые, неимоверные громады сооружений.

Дорога сбегала в низину и стала виться среди языческого кладбища, тоже вытянутого вдоль нее, как и около Флоренции, только памятники были внушительнее и больше числом; попадались целые замки и башни, охранявшие вечный сон знатных матрон и патрициев.

Вскоре впереди забелела стена; между двумя близко поставленными башнями виднелись открытые ворота.

— Триумфальные ворота!.. — объявил Луиджи.

Насколько просторным казался Рим издалека, настолько же тесными и мрачными оказались вблизи его кривые и полутемные улицы.

То и дело попадались то башни, то целые крепостцы магнатов, перемежавшиеся с грязными лачугами бедноты, раз-

валинами дворцов, круглыми языческими, полуразрушенными храмами. Во всю ширину первой же попавшейся площади лежала, обросшая травой и кустами, опрокинутая колонна, разбившаяся на три куска. Встречных было немного; все шли вооруженные, под плащами многих поблескивали кольчуги.

Знакомая Луиджи трагтория находилась в закоулках близ замка Кресцентиев и неаполитанец направился туда. Только что путники свернули в ее сторону — слышался далекий и беспорядочно-частый звон колокола; так же беспокойно зазвучал другой, третий... тревожный звон распространился по всему городу. Показались бегущие люди; из домов выскакивали, на ходу прилепляя шпаги и кинжалы, обыватели. Все мчались по одному и тому же направлению, к базилике Св. Петра на Ватиканской горе; двери домов стали быстро запираются; окна усеялись женскими любопытными лицами.

— Что случилось?.. где?.. — обратился Луиджи к одному из бежавших мимо людей.

— Папу отравили!.. — кинул тот в ответ.

Взволнованный Луиджи выискал глазами еще не запертую дверь, поручил кому-то на время ослика и выскочил опять на улицу.— За мной!.. —крикнул он таким голосом, что все пятеро товарищей его, не спрашивая и не понимая ничего, пустились за ним бегом.

Скоро показалась лесистая гора; на широком уступе ее белела базилика Св. Петра; к ней прижимался древний потемнелый замок, служивший папам дворцом; к нему черным горохом катились со всех сторон пешеходы, неслись, не разбирая пути, всадники.

Вместе с толпой путники ворвались во внутренние покои дворца; им навстречу выбегали люди, тащившие серебряную посуду, ткани, ковры; в первой комнате обдирали стены, ломали шкапы, срывали украшения. Казалось, сотни озверелых разбойников завладели дворцом.

В соседней большой и высокой зале, на возвышении, покрытом красным сукном, в белой сутане и с тройной тиарой на голове лежал с посинелым лицом папа; неплот-

но прикрытые, словно прищуренные, тусклые глаза его наблюдали за творившимся.

Кругом бесновались безумные. На мертвого никто не обращал никакого внимания; люди взламывали шкафы, сундуки, рвали с дверей, с окон занавески и портьеры, дрались и катались по полу, вырывая друг у друга награбленное. В свалке принимали участие не только простые граждане, но и множество нобилей.

— Что такое творится?!.. — в изумлении проговорил Марк.

— Не зевайте!.. — отрывисто приказал Луиджи. — Тащите все, что попадется!

Он кинулся к одному из драгоценных шкафов, но тот оказался уже опустошенным и только прикрытым полуразбитой дверцей.

Луиджи запустил руку в соседний и вдруг почувствовал, что локоть его сжали железные тиски. Он оглянулся и увидал всегда безмолвного Адольфа. Лицо богатыря побледнело, под втянувшимися глазами проступила синева.

— Брось!.. — прогудела октава. — Не смей!

— Это еще почему?!.. — возмутился Луиджи. — Да здесь так всегда поступают с папами и епископами — грабят их дворцы в день смерти.

— Не смей!.. — повторил Адольф, не выпуская руки неаполитанца. — Он глядит, — будет несчастье!.. — в голосе его прозвучало что-то такое, что пробудило в неаполитанце суеверное чувство.

— Да пусти руку-то, черт, сломаешь ведь!!.. — сердито воскликнул он, косясь на мертвого. — Тут и брать-то нечего — одна дрянь осталась!..

Товарищи Луиджи набожно приложились к туфле папы и, не взяв ничего, пробились наружу; площадь св. Петра, бывшая когда-то знаменитым садом Нерона, казалась шумным базаром: везде несли перекинутые через плечо шали, ткани, узлы, из которых торчала всякая всячина; раздавался оживленный говор и смех — римляне справляли свой праздник и легко менявший свое настроение Луиджи почувствовал недовольство собой за глупую, по его мнению,

уступчивость, заставившую их остаться в такой удачный день с пустыми руками.

— В пап верят тем больше, чем дальше от них!.. — сказал он. — А в Риме они — тьфу... — он плюнул, — вот они что! Недавно их сразу было три... один другого хуже! Будь я трижды анафема, если еще хоть раз в жизни послушаюсь рыжих!

Путники отыскиали дом, где был оставлен ослик и благополучно добрались с ним до траттории.

Рим — полумертвый, пустынный — подавлял своей необъятностью, величием и числом заколоченных дворцов, цирков и бань, рассчитанных на десятки и сотни тысяч посетителей. Всюду из христианства выглядывало язычество; бесчисленные храмы богов увенчались крестами или стояли заколоченными; гору цезарей — Паладин — покрывали мраморные громады-дворцы, возводившиеся на ней чуть ли не каждым императором. Без дверей, без окон, без жителей они медленно разрушались и жутко веяло от безмолвных стен, видевших тысячи убийств, оргий и злоеющих безумцев, правивших миром.

Внутри многих дворцов еще стояли в нишах статуи, можно было найти всевозможные предметы, но разве изредка мелькала там человеческая тень: Паладинский холм, весь изверченный подземными ходами, считался особенно страшным и нечистым местом.

Так же пустынен и мертв был самый центр города с его форумами, монастырем весталок, триумфальными арками, колоннами и Колизеем — этим чудовищным каменным гнездом с тысячами окон, между которыми в нишах стояли, воплощенные в мрамор, знаменитые люди.

Вечером одному проходить в тех местах было небезопасно: в заброшенных зданиях, в подземельях ютились разбойники и вертепы жриц любви; развалины по ночам мигали огоньками, в них слышались крики либо пение —

сбирры туда по ночам не показывались, а днем все опять было мертво и безмолвно. Многие площади и улицы заболотились.

Площадь главного форума покрывали глубокие ямы, сделанные кладоискателями; необозримым полем ромашек белели поверженные статуи и осколки. Тот, кому требовалась известь, приезжал на форум, разбивал Венер и Цезарей и пережигал их; плиты и кирпичи выламывались из никем не охранявшихся зданий для новых жалких построек.

Между статуями и под триумфальными арками паслись коровы и свиньи. Марк долго не мог отвести взгляда от пастуха в красном колпаке, опершегося задом о колонну Траяна и высвистывавшего что-то печальное на дудочке из коры.

Ошеломленные, отупевшие от непостижимого их уму разнообразия и неизмеримости города, путники бродили под руководством Луиджи то по мертвым, то по населенным улицам. Но и обитаемые места были пустынные; то и дело встречались пожарища: остатков их никто не убирал и многие из них заросли кустами и даже деревьями; из желтой листвы то здесь, то там торчали обгорелые головешки и целые балки¹.

¹ Античный Рим заключал в своих стенах более произведений искусства, чем все вместе взятые — нынешние столицы мира.

В нем было: 2000 дворцов и 4000 монументов в честь великих римлян. В средние века — все это представляло груды развалин.

По переписи времен Феодосия, Рим заключал в себе: 1780 дворцов богатей и знати.

Число домов во всех 14 кварталах было 48.382.

В термах Каракаллы насчитывалось свыше 1600 мраморных скамеек; в Диоклетиановых — свыше 3000. Балки для терм и дворцов лились из меди.

Доступ был даровой для всех.

Театры — необыкновенно пышные — имели 3000 танцовщиц и столько же певцов.

Окружность города равнялась 21 миле.

Население свыше 1 миллиона.

В IV в. по Р. Х. в Риме еще находилось:

Наблюдательный Марк заметил, что двери в зажиточные дома стояли закрытыми и открывались людьми в наско-ро накинутых кольчугах; приветливости на лицах встреч-ных не было никакой.

У громаднейших и тоже мертвых терм Траяна путники встретили многочисленную погребальную процессию, на-правлявшуюся к Тибуртинским воротам; ее сопровождало духовенство. Восемь рослых рабов несли на плечах длин-ные носилки; на них чуть поколыхивался толстяк-покой-ник, прикрытый темно-вишневым покрывалом с золотой бахромой; из-под дубового венка, надвинутого на лоб, тол-стою шишкой торчал нос. За телом шла кучка плакаль-щиц, одетых во все белое; по сторонам шествия кривлялись какие-то ряженые с масками на лицах; один был одет чер-тиком с длинным хвостом. Провожавшие громко разгова-ривали, шутили и пересмеивались с замаскированными.

— О Боже мой!!! — всплескивая руками, восклицал один из них, изображавший умершего и тоже имевший дубовый

423 храма.

154 статуи богов из золота и слоновой кости.

2 колосса.

22 больших конных группы.

3785 медных статуй императоров и великих людей и 74 из слоновой кости; мраморные были бесчисленны.

1352 фонтана и бассейна.

28 библиотек.

867 общественных бань. В современной Европе самое большое ко-личество их в Вене, именно—58.

Самый большой театр Рима был рассчитан на 22.888 зрителей.

Самый большой цирк, Максимус — 385.000.

Количество жителей в Риме было:

1) При Траяне..... 1.500.000 чел.

2) В V веке..... 500.000 чел.

3) После Готских войн 5.000 чел.

4) В 546 г., после ухода Тотиллы, Рим простоял сорок дней со-вершенно пустым.

венка на голове — жена моя, да сколько же ты натратила денег на мои похороны? Горе мне, горе!!.. Ведь всю эту орду на поминки звать придется... все сожрут! — И он залился притворным плачем.

— Чего, нюня реवेशь? — обратилась к нему одна из ма-сок.

— Да рано умер я: не всех знакомых успел обжулить!

Провожатые хохотали.

— Смеетесь?!.. — с трагическим пафосом возопил третий. — Человека в ад чертям на суп несут, а вы потешаетесь?!..

К нему подскочил чертенок.

— Что ты врешь на чертей, глупец?!.. — заверещал он. — Да разве такую гнусную скотину, как эта, станут есть черти? В помойную яму вывалим!..

Началась шуточная перебранка, в которую вступили остальные переряженные. Мертвому перебрали все косточки, вспомнили все его грехи, обиды, всякое лживое слово. Над ним острили, издевались; вдова и дети покойного шли молча, низко опустив головы и закрыв лица. Хохотали не только провожавшие, но и толстый патер, шедший вперекачку и уперев в живот руку с распятием.

— Ловко, ловко!! — шлепал он толстыми, гладко обри-тыми губами.

Шествие скрылось за поворотом.

— Что это было?.. — с недоумением проговорил Мар-тин, глядя ему вслед.

— Как что — обыкновенные похороны!.. — ответил Луиджи. — Должно быть, порядочный гусь был покойник!.. Здесь так повелось, что все, кто имеет счета с умершим, нанимают актеров и те разделявают его, как шкуру на барабане!

— Это постыдно!.. — возразил Мартин.

— Наоборот, очень умно!.. — убежденно отозвался неаполитанец. — С иного черта, бывает, никаким родом денег не получишь, а заболит покрепче — всех скорей ублаговорить спешит! А если хороший человек умрет — друзья тоже актеров нанимают: очень трогательные сценки в ли-

цах разыгрывают!

Форум Траяна с его фонтаном-потоком, бурно низвергающимся из полуобрушенной стены, с несущимися среди пены и брызг мраморными конями и небожителями в колесницах, поразил путников и надолго приковал к себе их внимание.

Мимо колонны Марка Аврелия, по Фламиниевой улице они возвратились, не чуя ног под собой, в тратторию.

— Как же в таком городе разыскать кого-нибудь?.. — будто так себе, вскользь спросил Ян.

Луиджи смекнул, что крылось за этим вопросом.

— Нельзя только влезть на луну — остальное все можно!.. — отозвался он.

ГЛАВА XXXIV.

Прошло с месяц, пока наконец путники освоились с великим городом и каждый нашел себе занятие по сердцу.

У Яна пробудился интерес к работам древних мастеров и он нередко часами простаивал перед статуями, уцелевшими, несмотря на века разгрома, еще во множестве. Глаз художника сразу, без слов, определил, в чем заключается истинная красота и искусство и имя которых — жизнь; с таким же глубоким вниманием разглядывал он в лавках ювелиров древние камеи и изделия из драгоценных металлов, столь бесконечно совершенные, что у Яна порой замирал дух и в сердце прокрадывалось тоскливое сомнение в себе — первый признак таланта!

Пока Ян осматривал и изучал разные древности, буквально валявшиеся под ногами на всяком шагу, новый друг его Ярослав подолгу просиживал или бродил по Колизею и пустующим циркам; затаив дыхание, стоял в тюрьмах рабов и христиан, где за железными решетками они ожидали выпуска на арену; заглядывал в темные лазы, из которых выпускали зверей.

Место цезарей — нечто вроде небольшого бастиона или выступа, — приковывало к себе его особенное внимание. Он почти въявь видел владык мира, проходящих из дворцов по подземным ходам и, при помощи подъемной машины, в золотых креслах сразу возносившихся над сотнями тысяч людей. Падение со стены камня иногда нарушало тишину, отзывалось эхо и видения Ярослава исчезали. Он вытирал рукой испарину со лба, запрокидывал голову и в синеве неба смутно начинали проступать Днепр и Киев с его многочисленными церквями¹.

— А у нас ни зверей, ни цирков таких нет!.. — пробуждалась в нем мысль и свежесть и бодрость овеивали его душу. Ему хотелось петь — в мозгу жаворонками начинали роиться и звучать родные песни.

Марк с головой погрузился в изучение древних рукописей. С жадностью набросился он на попавшегося ему первым Вергилия, столь популярного в средних веках², потом наткнулся на речи Цицерона, на Саллюстия и других еще более знаменитых историков и философов древности.

Ярослав видел прошлое; перед глазами Марка разверзалась бездна будущего, черная, но вся наполненная ярко сверкающими звездами и неотразимо, безвозвратно тянувшая его в себя все глубже. Радостное, смятенное чувство порой преисполняло его душу. И когда он вспоминал собственное прошлое — чувствовал себя летящим все выше и сверху вниз глядящим на землю.

Искрометный циник Луиджи пользовался жизнью во всю ширь беззаботной, азартной натуры. Целыми сутками он пропадал неизвестно где, не раз являлся битым, но жизнерадостным.

— Ах, как хорошо жить! — говаривал он. — Шут вас знает, что вы за выродки! Попал я в компанию, нечего сказать!

Мартина книги не интересовали. Грубый и непреклонно упорный, он был одарен тонкой музыкальностью и слу-

¹ Дитмар Мезебургский насчитывает их в эту эпоху до 700.

² Четвертая эклога его считалась пророчествами, относящимися к христианству.

хом. Небо его мало интересовало и он усердно посещал церкви Рима и жадно ловил и запоминал мелодии песнопений¹.

Незыблемый в дружбе и вере Адольф бродил вместе с ним; способностью погружаться в отвлеченные рассуждения он не был одарен совершенно; самый сильный, он был и самым суеверным.

Однажды Ян, выйдя из Колизея, остановился у фонтана гладиаторов, в котором они обмывались после боя, и заметил дымок, вившийся из величавых развалин Золотого дворца Нерона. День стоял солнечный, но было холодно и Ян отправился погреться и посмотреть, что там происходит.

Он поднялся на холм; несколько человек заступами сбивали от стен мраморные облицовочные плиты; куски их сыпались на землю, затем их складывали в кучи; чуть поодаль бледно горел костер, сверху него что-то белело. Ян подошел ближе и увидел, что на дровах лежит статуя, в рост человека, богини Венеры древнегреческой работы; около нее, на мраморных кудрях громадной головы Юпитера, сидел сгорбленный дряхлый старик и постукивал железною палкой то по плечам, то по бокам богини. Раскаленный мрамор мягко осыпался и только одна голова оставалась еще нетронутой.

Из языков огня глядело чуть улыбающееся лицо такой изумительной красоты, что на сердце у Яна захолонуло.

— Дед, что ты делаешь?! — не удержался и воскликнул он.

Старик повернул в его сторону воспаленные, как бы свежерезанные глаза.

— Известку жгу, иль не видишь ?.. — прошамкал он и ткнул палкой прямо в лоб статуи; он сполз вместе с глазом; еще удар и прекрасное видение исчезло, божество превратилось в куски бурой извести.

¹ Ноты были изобретены в конце XI века монахом Гвидо Аретинским.

— Э-эх!.. — с горем проговорил Ян. — Что ты наделал? Лучше бы продал кому-нибудь!

— Кому продать-то?.. — удивился старик. — Да тут даром бери сколько хочешь... эвона сколько этого добра: на пять-сот лет всем хватит!

В груди мрамора, нанесенного к костру, Ян завидел маленькую статуэтку, изображавшую женщину с поникшей головой, в строгой, длинной одежде; работа была тонкая и изящная. Он поднял фигурку и ему почудилось, что она сделана с Габриэль — до того велико было сходство.

— Можно ее взять?..—обратился он к старику.

— А возьми!. — равнодушно отозвался тот. — Внучке играть я ее хотел снести, да ничего, другую найду — тут этих самых пуп¹ без конца-краю!

Ян поблагодарил и, прижимая к себе под плащом холодную статуэтку, направился мимо развалин Колосса по совершенно безлюдной и заболотившейся улице Сенаторов. Близ одного из поворотов из развалин выглянула голова старухи; на ней был накинут черный, рваный платок; по сторонам морщинистого лица свисали две растрепанные седые пряди.

— Эй, господин?.. — окликнула она вполголоса.

Ян остановился. Старуха подошла ближе.

— Может, ищите парочку себе?.. — вкрадчиво спросила она. — Я вам найду какую угодно по вашему вкусу?

Ян отрицательно мотнул головой.

— Ну, так я погадаю вам?.. Вы влюблены, господин, у-у!.. вижу я все, что с вами будет!..

— Что будет?.. — глухо отозвался Ян.

— Пойдем ко мне?.. — пригласила старуха. — На улице нехорошо! В воду буду глядеть, все узнаешь... пойдем, пойдем!!.. — И, маня Яна крючковатым пальцем, она стала скрываться за остатками стен.

Ян последовал за нею; сердце его часто забилося.

¹ Статуэтки императрицы Пoppеи служили игрушками и кратко назывались пупами; отсюда произошло французское *la poupée*.

Старуха достигла до черного провала в подвал, оглянулась, еще раз поманила и исчезла.

Ян увидел каменную лестницу; он сошел по ней и после яркого солнечного дня утонул в потьмах.

Старуха ждала его у низенькой, уже распахнутой двери; оттуда брезжил свет — в углу на очаге горел огонь; над Яном низко нависал свод подвала. Весь он был завален каким-то тряпьем, испорченными вещами и щепками для топки; тут же валялись древние, из золоченой бронзы, длинные семи-свечники и всякие неизвестные Яну предметы; на стенах висели пуки сушеных трав; из дальнего угла выглянули два любопытных чумазых личика девочек-подростков и сейчас же спрятались за кучами хлама.

Старуха подкатила к огню чурбан.

— Садись!.. — пригласила она, указывая на него рукою. — Ладонь левую дай?..

Ян повиновался; старуха вперила черные глаза в линии на ней и закачала головой.

— У-у... счастливый ты!.., богатый будешь!.. долго жить будешь!.. золотой надо на руку положить, все ясней будет!

— Золотого у меня с собой нет!.. — ответил Ян.

— Серебро клади!..

Ян достал случайно оказавшуюся у него в кармане маленькую монетку.

— Скупой ты!.. — проронила старуха, схватив ее, как коршун. — Мало серебра, правды не вижу!..

— Скажи?..—выговорил Ян. — Можешь ли ты приворожить человека?..

— Чтобы полюбила тебя твоя зазноба?.. знаю, все умею!.. Только дорого это стоит!

— Я заплачу!..

Что-то блеснуло в глазах колдуньи.

— Вот что... — проговорила она. — Заплатишь хорошо — сделаю хорошо; духов подземных вызову, наша будет красавица! Здесь нельзя — надо на крови стоять человеческой!..

— Как, зарезать кого-нибудь нужно? — весь похолодев, воскликнул Ян.

— Зачем? Ночью в Колизей приди, на арену... вся она — кровь человеческая: золота больше с собой возьми! И чтоб ни одна душа не знала, куда идешь и зачем! Можно и патера найти — он в церкви в полночь черную мессу отслужит — Христа проклянет и причастие ногами растопчет?.. Тогда все на свете знать будешь!

— Нет!.. — в ужасе произнес Ян.— Только не это! А в Колизей приду...

— Когда?..

— Завтра...

— Буду ждать!.. Приходи перед самой полуночью. Если кто-нибудь окликнет тебя в Колизее, отвечай — «по приказу пославшей».

Старуха проводила Яна до улицы и, кинув ему — «так смотри же, ждать буду!» — исчезла, как провалилась.

Взбудораженный Ян вернулся домой и, памятуя слова колдуньи, ни словом не обмолвился о своей встрече; чтобы скрыть свое возбуждение от сожителей, он преувеличенно восторгался своей статуэткой.

На другой день Ян достал из узелка, где хранилась его доля денег, один золотой, затем подумал немного и вынул еще один: он был несколько расчетлив. Чтобы не подвергнуться расспросам товарищей, он решил уйти еще днем и где-нибудь в кабачке близ Мамертинской тюрьмы подождать наступления ночи и тогда пробраться в Колизей. Мысль об опасности свидания с ведьмой в голову ему не приходила — страх перед появлением духов подавлял все мысли. Часа в четыре на следующий день он сунул за пазуху приобретенный им и освященный на церковном алтаре кинжал и вышел как бы пройтись по улицам. Миновав два-три перекрестка и убедившись, что знакомых кругом нет, он прибавил шага и через недолгое время уже сидел в просторном кабачке за кружкой вина. Кабачок был небольшой; против входа в него темнели два яруса бочек; от стены до стены вытягивались два длинные стола со скамейками около них; посетителей было всего человек пять и все они держались тесною кучкой.

Ян прислушался к разговору: он велся о Колизее и примыкавшей к нему местности.

— Не дай Бог там ночью проходить!.. — сказал один из собеседников. — Нынче утром у самого входа зарезанного человека нашли!

— Это что!.. — возразил другой. — В Риме за ночь мало ли людей режут? А вот ночью львы, говорят, в Колизее ревели — это уж похуже будет!

— Как львы?.. — усомнился третий. — Ведь там нет ничего и никого?

— Тени их ревели!.. — убежденно ответил сообщавший эту новость. — Быть чему-то недоброму: их всегда перед бедой слышат!..

Жуть сжала сердце Яна.

— А что это за черные мессы такие бывают? — осведомился третий. — Несколько раз я о них слышал!

— Тссс... не поминай их!! — произнес первый. — Это обедни дьяволу. Кто хочет клад найти богатый — тому без них не обойтись!

— Много здесь всего позарыто!.. — со вздохом зависти сказал третий. — Не знаешь только где.

— И зная, без нечистой силы не достанешь! — подхватил второй. — На Ватиканском обелиске золотой шар стоит — весь самыми редкими на свете драгоценными камнями усеян — все мы его видим, а достать не можем!

— А правда, что в нем пепел какого-то Юлия Цезаря положен?

— Говорят так.

— А кто он такой был?

— Цезарь и Цезарь, а больше кто ж его знает?..

Беседа незнакомцев затянулась надолго.

Что-то слегка толкнуло Яна под столом и на колени к нему мягко вскочил и замурлыкал черный кот.

Ян вздрогнул от неожиданности..

— Не время ли идти?.. — подумал он. — Не напоминание ли этот кот?..

Он выглянул за дверь на звезды — было еще рано — около одиннадцати часов.

Бесконечностью протянулось еще с полчаса и Ян поднялся, расплатился с полусонным хозяином и вышел на улицу.

Стояла светлая ночь; черные, спящие дома озирали полный месяц; шаги Яна защелкали по всему безмолвному переулку. Он пошел осторожнее и с покатоности холма увидел серебрившуюся, как широкая река, площадь; будто из воды вставали чудовищные серые стены Колизея, отбрасывавшие огромную черную тень. Нигде не виднелось ни души.

У фонтана гладиаторов Ян остановился и стал всматриваться во мрак, заполнявший широкий вход; ничто в нем не заворохнулось. Ян высвободил из-за пазухи кинжал, взял его в руку, скрытую плащом и решительным шагом двинулся вперед; страх, шевелившийся все время где-то в душе, исчез — теперь действовал только рок и Ян всецело отдался ему.

В проходе, вопреки ожиданию, никто Яна не окликнул. Он пересек темный широкий коридор; впереди тускло засияла, освещенная месяцем, громадная овальная арена с высоко устроенными, безопасными местами для зрителей. Мертвенно светилась ложа цезарей. Прямо против нее, из стены, черным пятном глядела дверь — ведущая, как Ян уже знал, в тюрьмы для христиан; справа от ложи глядело другое отверстие — более низкое — оттуда им навстречу выходили звери. Близ нее, на песке арены-пустыни, словно прилегли для прыжка львы, лежало несколько больших камней.

Не видя никого, Ян неуверенно направился к ним. Один из камней вдруг ожил — с него поднялась старуха-колдунья.

— Вовремя пришел, молодец!.. — проговорила она. — Час близок! Встретил тебя кто-нибудь?

— Нет... — ответил Ян.

Старуха нагнулась и взяла с земли стоявший у ног ее небольшой горшок.

— Здесь вода с черной мессы!.. — сказала она. — Поди на середину поля, принеси горсть песка... левой рукой бери!..

Ян исполнил приказание; старуха стала бормотать непонятные заклинания.

— Сыпь!.. — велела она; Ян сделал это и увидел, что вода в горшке замутилась, закипела и превратилась в кровь.

— Золото принес?.. — хрипло спросила старуха.

— Да.

— Ну, садись сюда!.. — она указала на соседний камень. — Думай о том, что хочешь узнать! — Она села против него, поставила себе на колени горшок и нагнулась над ним. Космы ее свесились.

— На корабле ты стоишь... — проговорила она. — Едешь ты куда-то далеко... и еще трое человек с тобой... все мужчины!.. Друга похоронишь и дальше поедешь; вдвоем поедешь. Вижу тебя в городе чужом... богатый ты, золота вокруг тебя много... Женишься в своем городе, жена молодая, красивая... троих детей вижу, но не весь ты будешь дома: часть души здесь оставишь, много раз вспоминать будешь!

— А она?.. — осыпавшись мелкою дрожью, неопределенно спросил Ян.

— Туча ее покрывает... — медленно выговорила старуха. — Черная туча, молнии там блестят!

Она прислушалась и покосилась на звериную дверь.

— Ты приворожить ее мне обещала?... — изменившимся голосом сказал Ян.

— Ох, трудно теперь это!.. — старуха покачала головой. Будет она на пиру и не вернется с него!..

Лицо Яна казалось блее мрамора. Он встал.

— Значит, конец, ничего нельзя?.. — выговорил он.

Ведьма обежала беспокойным взглядом арену и задержалась им на зверином ходе: в темной глубине как будто что-то шевельнулось. Старуха схватила Яна за руку.

— погоди... попробуем!.. — скороговоркой заявила она. — Садись сюда!.. — Она поместила его так, что черная дыра оказалась за спиной у него.

— Гляди на ложу цезарей! Что бы ни увидел и ни услышал — не оборачивайся, не отводи глаз!..

В проходе явственно обрисовалась человеческая фигура.

Старуха начертила пентаграмму вокруг застывшего Яна и, не спуская с него взгляда, медленно начала пятиться назад. И так же медленно неизвестный стал отделяться от стены и приближаться к Яну.

Над ложей закурился легкий, прозрачный дымок; он делался все длиннее, в нем наметилось что-то живое... показался сидящий плотный человек в лавровом венке. Сверкающие, вперенные в Яна глаза его все увеличивались, делались огненными. И вдруг что-то толкнуло Яна в затылок, он посунулся головою вперед и мягким мешком повалился на песок: незнакомец ударил его по голове каменотесным молотком.

ГЛАВА XXXV.

— А ведь Ян не ночевал дома... — сказал Ярослав,глянув утром на несмятую постель товарища.

Все удивились, а Луиджи обеспокоился.

— Где же это он мог запропасться?.. — произнес он. — Дама сердца у него в фантазии, а Рим ночью — штука плохая!..

Марк обратил внимание на статуэтку, принесенную Яном накануне.

— Ян увлекся стариной... — проговорил он. — Не вышло ли у него истории из-за какой-нибудь находки?

— Может быть!.. — полусогласился Луиджи. — А откуда он ее принес?

— Из Золотого дворца!.. — отозвался Ярослав.

— Сходим туда!.. — решил Луиджи. — Человеку свойственны всякие глупости, не только таскание из земли божков!

Товарищи разделились на две партии; Мартин со своим неизменным Адольфом отправился обследовать форум; остальные пошли к дворцу Нерона; местом общей встречи

назначили Колизей¹, о котором особенно часто поминал пропавший.

Как сквозь сон, смутно, Ян почувствовал, что его обшаривают чьи-то руки, что под плечи его подхватили веревочной лямкой и волокут по земле... дальше сознание оборвалось.

Когда он приоткрыл глаза — над ним выгибался тяжелый, черный свод обширного подземелья; он сделал усилие вспомнить, где он и почему попал в это место, но память не подсказывала ничего; голова болела до крика. Ян прикоснулся рукой к затылку — он был весь в густом клею и распухший. Подняться на ноги не хватило сил и Ян опять прилег лицом на ледяной кирпич, случайно послуживший ему изголовьем. Висели сумерки, откуда-то сквозь решетку из толстых железных прутьев, заменявшую стену, брезжил свет.

Ян собрался с силами и повернулся набок; за решеткой расстиралось озеро, белели стены... Колизей?.. пронеслась мысль. Ян разом вспомнил все происшедшее и сообразил, что чуть не сделался жертвой убийц: его сочли мертвым и оттащили в тюрьму христиан. Он хотел встать и скорей уйти из страшного места, но вдруг растянулся плашмя и, весь похолодев, застыл как камень: мимо решетки медленно прошли двое неизвестных людей.

Долго и напряженно вслушивался Ян в тишину, затем подполз к самой решетке и сделал попытку подняться; встать он смог только на колени.

Тени ночи ушли из Колизея; серебристое озеро превратилось в желтый песок; начинало голубеть небо, среди

¹ В 1332 г. в Колизее был устроен бой быков. Бились с быками самые известные рыцари — вооруженные только копьями и пешие. Было убито 11 быков, а рыцарей было ранено 9 и убито 18.

него, словно выточенный изо льда, стоял месяц — скоро должно было взойти солнце.

Ян лег и полузабытье овладело им; когда он очнулся вторично — был уже день. Несмотря на бесконечную слабость, Ян заставил себя встать, отворил дверцу в решетке и, держась за стенку, добрался до бастиона цезарей; арена, ярусы скамей для зрителей — все было бледно, безлюдно и мертвенно. Самым страшным местом казался темный проход в главном коридоре, который выводил на площадь, но и он был пуст.

Ян выбрался наружу и, шатаясь, направился к фонтану гладиаторов. В водоеме его скопилась дождевая вода; Ян принялся жадно черпать ее ладонью и пить, затем оторвал рукав от рубашки, намочил его и начал прикладывать к затылку; запекшаяся кровь покрывала его как корою. За этим занятием и застали его товарищи.

Ян рассказал, как все произошло, но ни словом не упомянул об истинной цели своего ночного похождения.

Все ахали и корили Яна за легкомыслие. Один Луиджи засунул руки в карманы, молчал и посвистывал, искоса поглядывая на разбитую голову приятеля.

Отдых и вода подбодрили Яна; поддерживаемый с двух сторон товарищами, он вернулся в свое жилище.

Удар в голову, каким-то чудом не уложивший Яна на месте, не прошел для него бесследно: дней десять его томили неотступные головные боли и для исцеления их ему посоветовали отслужить мессу на мощах апостола Павла.

Храм апостола находился далеко за стеной Рима и ранним утром ближайшего погожего дня Ян и его товарищи отправились в путь.

Надо было пересечь весь город. Перевалив за Авентинский холм, по улице св. Приска они добрались до крепостной стены и внимание их приковалось к каменной пирамиде, возвышавшейся рядом с воротами.

— Усыпальница сотника Кая Кестио!.. — сообщил Луиджи.

Дорога вела прямо на юг, на Остию; она вилась среди однообразной, безлесной равнины; слева в легком тумане вставали далекие хребты Апеннинских гор; с них сходила к Риму бесконечная лента из колонн и арок акведука, нешего городу свежую горную воду.

Поле казалось изрытым и исковерканным: всюду виднелись ямы и кучи мусора, заросшие бурьяном — здесь искони добывался камень для городских построек; местность эта с глубокой древности считалась небезопасной, так как бесчисленные подземные катакомбы служили отличным приютом для разбойников.

С бугров видна была соседняя Аппиева дорога; ее сопровождал город из мощных намогильных памятников древнего мира. И повсюду было почти полное безлюдье, если не считать вереницу паломников, тянувшуюся к гробу апостола.

— Вот мы и добрались!.. — сказал Луиджи, указывая рукою вправо: там бурело длинное, ничем не приметное здание, увенчанное крестом.

Войдя вовнутрь путники с изумлением огляделись. Широкая аллее из величественных мраморных колонн подвела к снежно-белому и единственному алтарю; на высоко вознесенном над ним балдахине сиял ковчег с останками апостола. И алтарь, и балдахин, и ковчег — все было из серебра. Пол покрывал яркий ковер мозаики. Своды отсутствовали — их заменял резной дубовый потолок. Простота, величие и красота сразу овеивали душу всякого человека, вступившего в храм.

Путники в благоговейном порыве повалились ниц.

Много людей принесли вместе с ними свои печали и горести к подножию гроба апостола... Здесь уже не было места подделкам и обманам — все это житейское, недоброе отпало, осталось там, за какой-то безбрежью; здесь в непосредственной близости апостола душа раскрывалась, как цветок при солнце, и лучи его растопляли все злое, все накопленное неправдами и болью; суровые лица просвет-

лялись улыбками, обливались сладкими, позабытыми, но всеильными слезами счастья и самой пламенной, не рас-суждающей веры.

Все это пережили путники, все, кроме Луиджи. Этот кланялся в землю, крестился и в то же время думал о раз-ных разностях. Впечатлением, произведенным храмом на его товарищей, он был очень доволен и чувствовал себя чуть ли не строителем его; поэтому он горделиво посмат-ривал на множество чужеземцев, никак не могших, по его мнению, создать что либо подобное. Кстати сказать, он и не подозревал, что храм св. Павла являлся делом рук древ-них язычников и только недавно был возобновлен на сред-ства паломников.

Ян как упал пластом, так и лежал, не подымая головы. Но слова молитвы не вязались... не было ни подъема, ни примирения...

После мессы друзья решили побывать в катакомбах, но для этого надо было иметь с собой свечи. Около низень-кого здания близ церкви стояли с детьми на руках две мо-лодые женщины и Мартин спросил — не свечная ли это лавка.

Ему ответили, что это баптистерия, а свечи продаются за столиком около паперти.

— А вы крестить, что ли, собираетесь? — осведомился любопытный неаполитанец, кивнув на детей.

— Нет, господин, они уже крещенные!.. перекрещивать их принесли!

— Как перекрещивать?.. — изумился Мартин.

— А так... имечки дали им неподходящие... не в пору пришли, значит: кричат день и ночь!

— Да разве возможное это дело?!

— А как же — все так делают!.. — был ответ.

Луиджи запасся пучком свечек и, предупредив, чтобы спутники шли осторожнее, направился напрямик по полю; несколько раз встречались ямы, или, вернее, провалы, ка-завшиеся совсем неглубокими, но, раздвинув голые прутья кустов и всмотревшись вниз, можно было убедиться в про-тивном.

— Это отдушины!..—пояснил Луиджи — их для воздуха делали!

— А как же мы спустимся?.. — поинтересовался Марк: — стенки совсем отвесные!

— В иных имеются лесенки!.. — ответил неаполитанец. — Не помню только хорошо, где именно!

После довольно долгих поисков Луиджи завидел несколько высоких груд мелкого камня, скученных в одном месте; гребни их выглядывали из поросли акаций.

— Не там ли? — произнес он.

Догадка оказалась верной: среди воронок из отвалов известняка имелось отверстие аршина в полтора шириною; в подземные сумерки уводила вырубленная в стене узенькая и почти отвесная лестница. Ян обчистился от репейников, пригладил волосы, как для свидания с важным лицом, и спустился первым.

— Слезайте!.. — долетел его зов снизу.

Нашаривая ногами ступеньки, цепляясь руками за каждый выступ, путники добрались до Яна, уже успевшего высечь огня и зажечь свечу; все позаимствовали у него огонек и катакомба осветилась. Они стояли в небольшом гроте; вверху, будто ряды разрытых и опрокинутых ям, висели своды и бурые каменные выступы; по сторонам вставали неровные, избитые стены известняка; их рассекали до самого потолка три узких щели — пройти в них мог только один человек и, разве боком, двое.

— Берегитесь, отставать нельзя!.. — заявил Луиджи. — Катакомб этих здесь тысячи, они от Тибра подо всем Римом идут. Заплутаешься — с голоду помрешь и не сыщешь никто; будем свечками отметки на правой стене делать!

Шесть желтых светляков, тесно держась друг друга, двинулись в густую мглу. Впереди медленно шел Луиджи, иногда он останавливался, подносил к стене свечку и язычок копоти отпечатлевался на ней. То же делали и его товарищи.

Справа и слева начали попадаться высеченные в стенах подобия лежанок.

— На них размещались покойники!.. — пояснил Луиджи.

Катакомба несколько расширилась; часто стали встречаться перекрестки и Луиджи тщательно рассматривал какие-то значки — кресты, кружки, черточки: все это были пометы, сделанные еще в давние времена.

Изредка сверху, с высоты небольшой колокольни, проглядывало отверстие, темно-синим пятном обозначалось небо; под землей было тепло, местами немного душно.

Стены вдруг раздались в стороны и путники вступили в небольшую высокую пещеру; на серых стенах ее красной и черной красками были сделаны надписи и рисунки, изображавшие рыб — символ христианства первых веков. В одной из стен, на высоте обыкновенного стола, было высечено углубление — престол, по догадке Луиджи; на нем лежали принесенные каким-то богомольцем ветки сосны и лавра.

— Здесь собирались христиане на тайные богослужения!.. — сказал неаполитанец.

Опять благоговейное чувство охватило всех.

В безмолвии, стараясь тихо ступать, путники направились дальше. Луиджи вел, видимо, по хорошо известной ему тропе в паутине подземелий; спустя некоторое время на каменных ложах, в небольших нишах, показалось что-то продолговатое; то были цельные, почернелые останки людей и груды рассыпавшихся костей — все иссохшее, слипшееся, одеревенелое.

— Бери себе кто что хочет!.. — вполголоса распорядился Луиджи. — Тут все настоящее! — И он принялся набивать карманы частями тел. Осторожно, с благоговением стали то же делать и его спутники; с места, где находился Адольф, послышался слабый треск — он отломил легко подавшауюся кисть руки мертвеца.

Опять потянулись опустошенные подземные коридоры; кое-где на полу и на ложах смерти сиротели забытые косточки. Раза два попались бедные, простые гробницы, сделанные из бурых плит и покрытые такими же крышками. Адольф и Мартин подняли одну из них и глазам всех пред-

стала темная, студенистая жижа, из которой торчали остатки одежды и желтые кости полуобнаженного скелета.

Со вздохами облегчения выбрались путники из жилища смерти на свежий воздух, под ясное небо. Неподалеку стояла телега, запряженная мулом, и какой-то человек то спускал в яму на длинной веревке пустой мешок, то вытягивал его обратно, но уже наполненный человеческими костями, и шумно вываливал их в каруцу; путники приближились; к ногам Луиджи скатился и треснулся о землю череп. Неаполитанец поднял его.

— Куда повезешь?.. — спросил Луиджи.

— К Тибру!.. — отозвался рабочий. — Целная лодка большая мощей заказана... куда-то далеко пойдут!

Он стал на ось, с трудом поднял новый мешок и вытряхнул его; кости и черепа опять посыпались на телегу и мимо нее.

— А почему на Аппиевой дороге не берешь, там больше?.. — сказал Луиджи.

— Гонять оттуда стали!.. — ответил рабочий. — Монахи-жадюги как есть везде всем позавладели!..

— Кем-то они были... — проронил Ян, глядя на черепа. — Быть может, Бог весть какие знатные и богатые люди?

— Где же!.. — пренебрежительно возразил рабочий. — Богатые-то вон где — под мавзолеями лежат, а здесь все наш брат — простонародье по брошенным каменоломням напихан! Вот она, судьба-то: живых по щекам колотили, а после смерти в землю им накланяются! Эдак лет через пятьдесят и мою пяточку, может быть, и богачи целовать будут?.. — он хитро подмигнул и поспешил спускать мешок в отверстие: оттуда долетел глухой окрик его товарищей.

Зима пронеслась незаметно. На окраинах и кругом Рима в феврале обметался снегом цвет миндаль; за ним розово-красным дождем обрызнуло персиковые деревья — зелень еще не показалась. Пасха в том году пришлось в мар-

те и сады встретили ее в подвенечных уборах; с домов и стен всюду повисли лиловые гроздья глициний. Земля готовилась к светлому празднику.

В самом Риме было по-прежнему мрачно. Его продолжали раздирать распри партий, беспрестанно дравшихся одни за германского императора, другие за папу, а то и за нескольких пап сразу; вернее говоря, за этими высокими заслонами патриции обдeldывали свои личные дела. В их буйные драки и сражения втягивались целые улицы.

На пасхальной неделе Луиджи принес какую-то новость и по секрету от Яна сообщил ее другим товарищам; все дали молчаливое согласие.

Ян не замечал этих переговоров: он с увлечением отдался искусству и всюду, где мог, снимал рисунки с древнегреческих и египетских произведений.

Однажды под вечер он вышел из ворот дворца Колоннов, куда, благодаря знакомству с одним из местных известных ювелиров, получил доступ для осмотра и срисовки художественных сокровищ.

Солнце было еще далеко от заката, но Яну не работало: с утра в душе у него проснулось какое-то непонятное, щемящее чувство.

Со стороны недалекого Квиринальского холма доносился веселый перезвон — таким обыкновенно встречали приближение поезда жениха либо невесты, и Яна безотчетно потянуло в ту сторону. Через несколько минут до слуха его донесся приветственный гул толпы. Улицу у укрепленного дворца тесно запруживал народ; окна всюду были распахнуты и заполнены зрителями и участниками торжества; на стенах развевались знамена. Невеста, в платье из сияющей серебряной парчи, опиралась на плечо рыцаря, державшего ей золотое стремя, и сходила с седла.

Из дворца раздалось пение — знакомый хор грянул встречную кантату; Ян глянул на окно, увидел лица товарищей и почувствовал, что у него застывают руки и ноги — невеста была Габриэль Готье!

Под руку с рыцарем она сделала несколько шагов к осененному двумя знаменами входу и вдруг произошло смятение: часть толпы, теснившейся кругом новобрачных, внезапно оказалась в масках; блеснули кинжалы и шпаги и рыцаря отшвырнули от его дамы; ее подхватили несколько рук и перекинули через седло ближайшего всадника. Раздались крики, визг; началась драка. Ян сообразил, что произошло нападение и бросился наперерез всаднику. Лошадь сшибла его с ног; Ян вскочил и кинулся на похитителя; его встретили острия шпаг пеших людей. Кто-то с силой рванул Яна в сторону и удар, предназначенный для него, только распорол бок его куртки и угодил в спасавшего его человека. Раздался стон и к ногам Яна повалился Луиджи. Все перемешалось в общую кашу и свалку; всадник, бешено махая шпагой, успел пробиться с добычей через толпу; за ним, опрокидывая кого попало, вынеслись еще несколько конных; позади, работая шпагами, отступали охранявшие их пешие.

На ближайшей церкви на весь город загудел набат.

Улица спадала под гору. На глазах толпы конь, уносивший Габриэль, споткнулся о камни и рухнул на всем скаку, придавив ее собою. Всадник успел соскочить; вытащить и успеть передать пленницу другому возможности не было и он пустился бежать в соседнюю улицу. Следовавшие за ним сообщники рассыпались и исчезли в разных направлениях.

Отовсюду бежали на помощь люди; улицы квартала спешно замыкались цепями.

Море людей окружило упавшего коня: он ржал и пытался подняться, но не мог — передняя нога у него оказалась сломанной; Габриэль высвободили из-под него; цветы померанца на голове ее и узкая золотая коронка были смяты и окровавлены. Габриэль посадили на землю; крупные капли крови росили из раскроенного лба на платье... словно выточенное нежное лицо быстро бледнело — она была уже мертвой.

У дворца Палавиччини оказалось пятеро убитых и множество раненых; первым, по обычаю, набили рты зем-

лею...¹ Весь квартал пришел в ярость; всюду засверкало оружие и толпа с воплями — «Смерть Кресcentиям!» — повалила к их кварталу, расположенному у башни св. Архангела.

Луиджи перевязали тут же на улице; у него были насквозь проколоты грудь и легкое. После перевязки товарищи перенесли его к себе на носилках.

Всю ночь Рим не спал. На темном небе стояло багровое зарево; то здесь, то там начинал гудеть набат; по темным улицам, размыкая и разбивая цепи и освещая путь себе факелами, с криком бежали наспех одетые и вооруженные люди, с грохотом проносились конные отряды: сражались друг с другом не только Палавиччини с Кресcentиями, но и целые кварталы: воздух Рима так был пропитан гремучими газами, что ссора, вспыхнувшая где-либо в городе между двумя семьями патрициев, мгновенно охватывала злобой и жаждой немедленной мести совсем непричастных лиц.

Все путники, а в особенности Ян, были потрясены происшествием.

Луиджи от потери крови впал в забытие и изредка кашлял, постанывал и отплевывал сгустки крови. Всю ночь товарищи провели около него без сна; утром, когда Марк нагнулся к нему и тихо спросил — не хочется ли ему чего-нибудь, раненый ответил кивком головы.

— Что же именно?

— Отвезите в Неаполь... — прошептал он.

Утром Марк раздобыл старика, умевшего лечить раны и, когда тот обмыл их, наложил какие-то мази и травы и вышел за дверь, Марк догнал его и спросил как он находит больного; старик покачал головой.

— Это смертельно!.. — проговорил он. — Чудо будет, если он проживет неделю!

— В Неаполь!.. — протяжно и громко повторил Луиджи, когда вернулся Марк.

¹ Воинское погребение тех времен.

Марк вызвал товарищей в коридор и передал слова лекаря.

— Надо отвезти!.. — проговорил суровый Мартин. — Мы решили с ним, — он кивнул на Адольфа, — никуда не идти дальше, но теперь надо... Последний поход с ним!

Марк ушел нанимать лодку.

Ранним утром другого дня по зеленоватой глади Тибра быстро неслась четырехвесельная бело-красная лодка. Посредине ее на носилках лежал Луиджи; товарищи его сидели вдоль бортов и молча провожали глазами знакомые очертания Рима, чередой проплывавшие мимо. Около раненого расхаживал ручной ворон.

Мелькали стоявшие попарно на берегу башни с цепями, перегораживавшими реку для задержки больших судов; базилика св. Петра, остров Тиберия, скалы и развалины Капитолия, городская стена; показался храм апостола Павла, пустынное поле катакомб кругом него. Дальше развернулись однообразные равнины; Тибр быстро нес лодку между крутыми, невысокими берегами.

Перед полуднем впереди забелели стены и башни гавани Рима — городка Чивитты-Веккии; за ним расстилось беспредельное море; на путешественников дохнул освежающий ветерок.

Лодка беспрепятственно вошла в водяные ворота в крепостной стене и очутилась в просторной, но почти пустынной бухте; ее со всех сторон охраняла толстая высокая стена, уже начавшая кое-где осыпаться и зарастать мохом. С десятка судов были причалены носами к тумбам и кольцам каменной, заросшей травой набережной; на ряях сушились синие и белые паруса, белье и платье моряков; людей виделось мало, почти все они сидели за столиками у кабаков. Над бухтой с криком носились сизо-белые чайки; они то опускались на воду, то взлетали и, ковыляя крыльями, уносились за стену в море. Ворон усиленно каркал.

Лодка причалила к берегу.

Воздух и вид моря чрезвычайно взволновали Ярослава: напомнили ему Константинополь; Ярослав, словно пленная птица, не отводил горящих глаз от черно-синего простора.

Ян и Марк отправились разыскивать корабль, отходящий в Неаполь, и не больше как через полчаса вернулись обратно: на их счастье, легкая двухрядная дроммона отплыла в тот же вечер.

Товарищи перенесли раненого на судно и поместили, по его желанию, на носу на палубе.

Перед вечерней на дроммоне показался пожилой па-тер, приглашенный Марком отслужить напутственный молебен; путь предстоял длинный и опасный: на всех морях тогда хозяйничали пираты, нападавшие не только на встречные суда, но и на приморские города. Пленных продавали в рабство в чужие, далекие страны и многие сотни тысяч несчастных были оторваны от своих домов и семей и владели беспросветною, жалкую жизнь.

Все товарищество стояло на коленях и горячо молилось за счастливый путь и за выздоровление раненого; Луиджи лежал с сосредоточенным выражением на лице; ввалившиеся глаза его смотрели в даль; он будто вслушивался во что-то совсем иное, непонятное для других.

Край солнца коснулся моря, когда с самой высокой дзорной башни раздался густой голос колокола: возвещалось, что ничего подозрительного на горизонте не замечается; медленно распахнулись тяжкие, изъеденные временем створы железных морских ворот и на трех судах, уже приготовившихся к отплытию, началась суета.

Дроммона путников отпятилась на середину бухты, затем повернулась высоким носом к воротам и, чуть моча длинные весла, тихо вышла на свежий простор; с берега тянул легкий ветер, совершенно не разводивший никакого волнения. Солнце утонуло в посвинцовевшем море и на том месте глаза несколько секунд еще видели взметы и переливы ослепительных золотых завитков.

Стройная дроммона оделась белыми парусами и быстро стала рассекать затемненную воду; мир медленно окутывался сизою мглою; воздух лип к рукам и лицу.

Марк накинул на раненого свою запасную куртку, но Луиджи сдвинул ее до пояса: ему было жарко; ветер, словно флажок, трепал край ворота его расстегнутой полосатой рубашки.

Кое-где стали помигивать мелкие звезды; на юге, куда птицей летела дроммона, с востока на запад ширилась и ползла черная туча. Изредка и слабо она освещалась беззвучными молниями — будто внутри ее зажигали на миг и снова гасили гигантский фонарь.

— Заходит гроза!.. — с тревогой проговорил Ян.

— Не бойтесь, ничего не будет! — ответил проходивший мимо матрос. — Как бы не заштилеть — это похуже выйдет!

Молнии усиливались, делались длительней — где-то далеко свирепствовала гроза. Марк стал у высокого борта и не сводил глаз с воды и неба: море он видел впервые в жизни и оно производило на него, как и на остальных, неотразимое впечатление. Нет-нет и какие-то светящиеся чудовища молниями проносились в глубине, обгоняли судно и исчезали под его носом. Марку почудилось, будто корабль начинает снизу гореть; он перегнулся через борт и увидал, что белый нос судна идет, рассекая облако кипящего золота; обшивка, висящий якорь цепи — все золотилось от брызг воды. К довершению благоговейного изумления Марка и Яна, на верхушке мачты, под которой лежал раненый, вспыхнул синеватый огонек; несколько минут он теплился на ней, затем перепорхнул на соседнюю и легкой бабочкой соскользнул по вантам неизвестно куда.

До самого рассвета не смыкали глаз путники и не отводили их от моря. Только что в бледное небо вознеслись первые стрелы солнца, рядом с дроммоной лениво всплыл громадный дельфин; показалась черная спина и белое брюхо и он неторопливо принялся то взлетать на воздух, то зарываться в бездну; вслед за первым дельфином появились еще несколько этих вечных спутников кораблей и скоро

десятка два их, словно катящиеся колеса, стали то опережать дроммону, то возвращаться к ней.

— Совсем русалки!.. — проговорил Ярослав, следя за более отдаленными.

Море казалось густо-синим; только при взгляде с палубы в глубину видно было, что оно бледно-зеленое, необыкновенно прозрачное.

Дроммона шла в виду берега; он был неприветлив: не замечалось ни замков, ни деревень, ни городов. Одна на другую лепились и теснились обнаженные бурые и черные скалы; под некоторыми желтели отмели, другие отвесно опускались в воду.

— Отчего здесь нет селений? — спросил Марк у матроса, стоявшего около него.

— Да разве можно на берегу селиться?!.. — удивился матрос. — Да тут тебя в одну минуту сгребут и где-нибудь в Африке очутишься! Замки стоят на горах поодаль; там около них и жмутся люди.

— Вот бесплодная земля!.. — добавил Марк.

— Эти места бесплодные?.. — в свою очередь изумился матрос. — Нет, это ты, брат, того, видно, что чужеземец. Тут такое плодородие, что богачей этих мест нет ничего!.. — поучительно добавил он. — В бури здесь столько кораблей бьется, что и-их... умирать не надобно!..

Марк не понял.

— Да чего тут не понимать то?.. — сказал матрос — Все, что море выкинет — хоть целый корабль — все себе местные жители забирают!

— И людей?

— И людей! Их на рынках продают... наша, брат, служба опасная! Здесь неподалеку скала одна высоченная будет — в море косою она врезалась. Так вот про эту скалу герцог, владелец ее, знаешь что говорит — что она лучший алмаз в его короне — так много крушений там бывает!.. А зазеваешься, и без бури в беду попадешь: жители-то тоже понимающие — на берегах нарочно обманные огни раскладывают, на подводные камни наводят!

— И это христиане?! — с возмущением произнес Ярослав.

Матрос сплюнул в воду.

— А отчего же христианину зевать? Дурак он, что ли? — спросил он. — Есть и пить ему тоже нужно! Крестьяне везде, если долго бурь не бывает, патера на берег приглашают, крестные ходы и молебны о ниспослании крушений устраивают!

— Неправда?!.. — воскликнул Марк.

— И чудаки же вы!.. — усмехнувшись, заявил матрос. — Спроси у кого хочешь: все про это знают!

— Как же патеры к этому относятся?

— Да молятся, поощряют, понятно! И им ведь доля перепадает, как же не поощрять?

Стало делаться жарко; ветер упал совершенно и дромона шла на одних веслах. С помощью матроса устроили небольшой навес над раненым. Луиджи все время лежал в полузабытье и только изредка открывал глаза и просил пить. Марк опускал на веревочке в море белую тряпку и прикладывал ее к голове больного: у него был жар.

Вдруг он быстро поднялся и сел.

— Ворон, где ворон? — тревожно спросил он, шаря кругом руками.

Птицы нигде не оказывалось — не залетала она и в другие части корабля.

Глаза Марка наткнулись на что то черное, лежавшее на кругах толстого каната; он подошел ближе — перед ним лежал мертвый любимец Луиджи.

Охваченный суеверным страхом, Марк быстро запрятал птицу и сделал товарищам знак, чтобы они молчали. Никаких явных причин смерти ворона не было.

Луиджи обвел всех взглядом, понял, в чем дело и притих.

— Теперь мой черед... — произнес он немного спустя.

Прошло с час в безмолвии.

— Красный парус, да?!.. — трудно дыша, спросил раненый.

— Где?.. — отозвался Марк и огляделся: паруса никакого не было.

— Там там... вон он!.. наш, неаполитанский!.. — Луиджи опустил голову на подмощенное под него платье и проговорил что-то невнятное.

День и вечер больной провел тревожно — бредил, просил пить и часто, вскидываясь, словно собираясь бежать.

Марк устроился около него и исполнял обязанности сиделки. Луиджи наконец стих и забылся. Марк долго прислушивался к его дыханию; кроме вахтенных, на дроммоне все спали: попутный ветерок опять нес ее без помощи весел.

Незаметно уснул и Марк.

Сквозь сон он почувствовал, что кто-то шарит рукой по голове его. Марк открыл глаза и увидел, что Луиджи лежит на боку и смотрит на него.

— Что тебе? — спросил, садясь, Марк.

Стояла светлая, тихая ночь; на чистом небе сияла луна; от нее до самого корабля на серо-синей дали моря зыбилась золотистая дорожка; казалось, что дроммона несутся прямо по ней.

— Скоро ли?!.. — прошептал Луиджи.

Марк понял.

— Скоро!.. — ответил он. — Матросы говорили, что утром будем!

Бескровное лицо раненого осветилось улыбкой.

— Мне лучше...

— Не болит рана?

— Нет... хорошо... прохладно...

— Куда же тебя отнести в Неаполе?.. — помолчав, спросил Марк. — Есть у тебя родные?

Луиджи отрицательно качнул головою.

— А у кого ты рос?..

— На улице...

— Отчего же ты так хотел сюда приехать?

— Бродить хорошо, а умирать надо на родине... — выговорил раненый.

— Ну что ты?.. — возразил Марк. — Ты выздоровеешь!..
— он отвернулся от пристального взгляда приятеля.

Забота обволокла лицо Луиджи.

— Беспокоит тебя что-нибудь? — спросил Марк.

— С осликом я не попрощался... — неожиданно произнес раненый. — Погладить бы его?..

Ночь бледнела; слева на небе показался красный отсвет; через несколько минут он пропал, затем повторилось то же самое.

Луиджи, утомленный разговором, лежал, сомкнув глаза, и не видал ничего; он начал томиться.

— Скоро ли день? — шептал он запекшимися губами, не находя себе места.

Проснувшиеся товарищи молча окружили его.

Солнечный луч скользнул по щеке Луиджи; он ощутил это и быстро сел. Его подхватили руки товарищей.

— Неаполь!.. Везувий!.. паруса красные!.. — вскрипывая, восторженно произнес он, указывая рукою в сторону суши; расширившиеся глаза его были устремлены туда же: на безоблачном голубом небе рисовалась величавая островерхая гора, вся обнаженная от растительности; над нею клубами восходил дым, изредка окрашенный пламенем; на противоположной стороне глубокого залива, по крутому скату другой горы, лепились тысячи домов, замков и домишек; двумя желтыми поясами их оберегали крепостные стены; всюду виднелись разноцветные башни и церкви. Навстречу дроммоне из порта выходили в море два корабля с выгнутыми красными парусами; сотни их виднелись в синем, как василек, заливе.

Голова Луиджи опустилась на грудь; он грузно обвис всем телом и на бледном лице его стало застывать светлое выражение.

Его положили на спину; все опустились кругом тела на колени, а Марк громко начал читать отходную молитву.

ГЛАВА XXXVI

Похороны состоялись в тот же день. Кладбище было расположено на горе, чуть в стороне от города, и вид от могилы Луиджи был на полмира.

Близ ворот кладбища находился весь увитый зеленью винограда простой кабачок и после похорон товарищи зашли в него помянуть покойника.

— Будь ему земля пухом!.. — сказал Ярослав, подымая свою кружку.

Все чокнулись, выпили и замолчали — слишком было еще свежо все происшедшее.

— Что же мы теперь предпримем?.. — спросил Марк, обращаясь ко всем.

— Мы с ним по домам пойдем!.. — первым отозвался Ян, указывая на Ярослава.

— Да, да!.. — воскликнул тот. — Хочу на родину!..

— А как вы до нее доберетесь?

— Морем в Константинополь. А оттуда с нашими через Черное море по Днепру на ладьях!..

— А в плен попасть не боитесь?

— Авось проберемся!.. — возразил Ян. — Будет, пошатались по свету! А вы что предпримете?

— Еще не знаю!.. — ответил Марк. — Потом увижу...

Мартин и Адольф молча глядели на Везувий, на зеленые долины, убежавшие в лиловую даль; на юге из моря подымалась неясная громада острова Капри.

Товарищи расплатились и отправились в город. Марк и Мартин шли впереди и говорили о Луиджи.

— Душа наша ушла вместе с ним!.. — сказал Марк.

— Ну, нет!.. — возразил Мартин. — Язычник был покойник!...

— Этот язычник раньше нас с тобою будет в раю!... — спокойно возразил Марк.

— Это почему?

— Он положил жизнь за други своя!..

Кипучая жизнь Неаполя, к которому сходились все пути тогдашнего мира, быстро втянула в себя вновь приехавших. Узкие улицы его, то круто подымавшиеся в гору, то описывавшие пологие петли, то и дело сменялись лестницами из плитняка; всякий уголок кишел народом, собравшимся со всего света. На прилавках, прямо на улицах, лежали драгоценные восточные ткани, диковинное сарацинское оружие, ковры, тончайшие ювелирные изделия и всякие древности. Всюду слышался греческий язык, гортанные разноплеменные говоры, пестрели белые чалмы и красные колпаки; попадались фигуры евреев, одетых в черные кафтаны с обязательными желтыми кружками на середине спины и на груди.

Среди гама и сутолоки мирового базара то здесь, то там слышалось треньканье струн и пение; казалось, в городе рассыпано столько же певцов, сколько перепелов висело в крохотных клеточках чуть не под каждым окном. Яркие огненные кактусы и самые разнообразные цветы в горшках заполняли все подоконники.

Мартина поразила музыкальность неаполитанцев; он ловил и тщательно запоминал и повторял про себя их легкие, свежие песенки.

Отыскать судно, шедшее прямо в Константинополь, являлось почти невозможным и Ян и Ярослав напрасно тратили время на такие поиски. Но блужданье по порту и городу принесло Яну пользу: он убедился, что Луиджи был совершенно прав, зазывая всех в Неаполь. После пустынного, полумертвого Рима он ослеплял своими богатствами и молодой художник подолгу простаивал у прилавков, рассматривая и изучая изумительные работы древних мастеров.

Подходящий корабль наконец отыскался: он шел в Отранто, откуда уже легко было найти судно, идущее вдоль греческого берега в Константинополь.

Смутно стало на душе Яна, когда время отъезда было наконец установлено. Утром накануне этого дня он тайком от Ярослава поднялся на высокую лесистую гору, на которой французы устроили свое аббатство; в церкви его нахо-

дилась чудотворная статуя Мадонны. В руках Ян нес небольшой сверток.

Месса в сумрачном соборе монастыря давно кончилась; он был безлюден; Ян отыскал священника и вместе с ним вернулся в храм; с правой стороны от главного алтаря, на пьедестале у стены возвышалась белая статуя Мадонны; склоненную голову ее украшал золотой венец; на левой руке сидел младенец Христос; правую она протягивала к подходившим; лицо ее было полно умиротворяющей ласки.

Еще молодой патер отслужил заупокойную мессу по Габриэль и Луиджи и незаметно скрылся за колоннами, оставив Яна одного, лежащим ниц перед Мадонной.

Кончив молитву, Ян поднялся и развернул принесенный с собой сверток; в нем оказалась та самая статуэтка, которую он нашел во дворце Нерона и которая так походила на Габриэль.

Он поставил свой дар у ног Мадонны и только тут заметил, что вся стена за ней покрыта серебряной чешуей из даров молящихся; там блестели бесчисленные маленькие руки, ноги, головы; больше всего было сердец, пронзенных стрелами.

Ян опустился на колени и стал горячо молиться за Габриэль. Но облегчение не приходило: смерть оборвала все, но не примирила. Он встал с пола и расширившееся глаза его приковались к стене: прямо в душу его глянула небольшая мраморная дощечка с одним всего словом на ней — «мерси». Это слово было ее, Габриэль; оно было сказано Яну и до сих пор музыкой звучало в ушах его! Совершилось чудо — оно долетело до него и из за гроба!

Ян задрожал, протянул к видению руки, припал к подножию Мадонны и обнял его: целительные слезы потекли на мрамор.

В то время, когда Ян молился в монастыре, Марк имел неожиданную, сильно взволновавшую его встречу. Он проходил по площади и обратил внимание на то, что какой-то встречный остановился и проводил его глазами; минуту спустя посторонняя рука тронула Марка за плечо.

Он остановился: на него глядел, улыбаясь карими глазами, человек средних лет с темно-русой бородой; Марку почудилось в нем что то знакомое.

— Вы не из Баварии?.. — по-немецки осведомился неизвестный.

— Да... — ответил Марк.

— А в Горном монастыре вы не были?..

Марк весь вспыхнул, глаза его засияли.

— Был, был!!.. — радостно подтвердил он. — Теперь и я вас узнаю: вы купец вассербургский: два раза посещали нас?

— Как же вы в такой дали очутились, что здесь делаете?.. — в свою очередь оживился и спросил купец. — Да зайдемте в таверну, там побеседуем!

Марк за кружкой вина вкратце поведал о своих задачах, затем принялся расспрашивать собеседника.

— Как отец Антуан поживает? — с радостным, преобразенным лицом стал допытываться он.

— Умер давно о. Антуан!.. — ответил купец.

— Неужели?.. как так?.. отчего?! — воскликнул пораженный Марк. Лицо его сразу изменилось; он начал креститься и читать про себя молитву.

— От старости... Дряхлый он был!.. — сказал купец. — Давненько ведь вы из монастыря ушли... много воды утекло с тех пор!

— А отец Петр, а настоятель?..

— Тоже умерли... захудал совсем монастырь, почти никого в нем не осталось!.. Никому теперь там ваша краска не нужна!..

Полутемная, шумная таверна исчезла из глаз Марка: он увидел лесистые горы, высоко вознесенный к небу белый монастырь на скале. Звонят к Ангелюсу, качается колокол, а под стеной на земле свежий желтый бугорок; на простой плите надпись — «о. Антуан», рядом Петр... и он

забыл об этих людях, так много добра сделавших для него, почти не вспоминал даже о них?!

Марк закрыл лицо руками.

— Все смертны!.. — помолчав, примиряюще произнес купец.

Последний вечер пятеро товарищей провели все вместе в портовом кабаке для матросов; толпа отплясывала под открытым небом фанданго, далеко разносилось пение. В последний раз и сами они спели хором, чем вызвали бурное одобрение собравшихся. А на другое утро Ян и сияющий Ярослав стояли на палубе дроммоны и махали колпаками находившимся на берегу товарищам; последние долго выделялись своим ростом и светлыми бородами, затем слились с толпой в одну пеструю полосу. А оставшиеся еще долго видели красные паруса корабля; он бороздил голубую гладь залива и мало-помалу превращался в точку; острова и даль закрыли его.

— Ну, Марк, мы свой долг выполнили!.. — проговорил Мартин. — Пора и о себе подумать!

Погруженный в себя Марк очнулся.

— Да!.. — отозвался он. — Мне торопиться теперь некуда — я пока здесь останусь!

— А потом куда?

— В Александрию, в Палестину, к арабам!.. Свет на востоке!

— Т-а-ак... Твое дело!.. — угрюмо буркнул Мартин. — Для нас это не по пути!

Еще через четыре дня Марк провожал Мартина и Адольфа, отправлявшихся в далекую Болонью. Марк дошел с ними до развалин древнего курорта Баийи и, около знаме-

нитого еще в древности своей акустикой круглого храма, товарищи стали прощаться.

— Где-то Бог приведет теперь свидеться?.. — сказал Марк.

— Будешь в Болонье — заходи!.. — пригласил Мартин.

— Будь здоров!.. — прогудел Адольф и двое богатырей зашагали, не оборачиваясь, назад.

Марк последил за ними глазами и повернул обратно; возвращаться сейчас в город ему не хотелось и он, мимо наполовину разрушенных мраморных вилл, заросших цветущими розами, выбрался на берег и сел на огромный валун. Много мыслей и воспоминаний роилось в мозгу его; он опустил голову и с недоумением увидел, что из воды на него смотрит чье-то чужое, бородатое и мужественное лицо.

— Вот летит время?!. — вслух подумал он, всматриваясь в собственное отражение. Й ему вспомнилась легенда о том, как некий монах вышел однажды в месячную ночь в сад послушать соловья. А когда очнулся и хотел вернуться в свою келью — не мог уже найти ее, так как все крутом лежало в развалинах: в несколько мгновений пронеслось ровно сто лет!

Благоухали розы, море чуть всплескивало на песок берега; вдали вечным жертвенником дымился Везувий.

Словно какая-то повязка стала сдвигаться с умственных глаз Марка: душа его инстинктивно зачуяла ширь и просторы грядущего и все ясней проступала мысль, что краска, за которой послали его в мир, была не что иное, как просвещение и что высшее, что имеется на свете — это Знание, Дружба, Добро...

Курляндия.
Имение Плёнен.
1928 г.

**ВМЕСТО
ПОСЛЕСЛОВИЯ**

ЛЕГЕНДЫ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

О романе С. Р. Минцлова «Приключения студентов»

Да, темы похожи на родственников. Бывают кровные — близкие. Бывают совсем далекие: седьмая вода на киселе, — навязанное родство!

То же самое и у авторов.

Вдруг захочется нагрузиться чуждой ношей, и — вот, на протяжении многих страниц писатель важно несет ее, как заяц барабан. Ни зайцу не нужен барабан, ни барабану заяц. Но раз связались: кончено!

Однако, бывают и счастливые. К их числу принадлежит С. Р. Минцлов. Ему всегда удастся выбрать тему по себе. Это писатель, сливающийся со своими книгами органически.

Он ходит по литературе, одетый в свое собственное, просторное и в то же время хорошо облегающее платье. Ему не жмет под мышками и заgreбистые руки уверенно хватают все, что ему нужно. В своей беллетристической манере Минцлов широк и размашист.

Он еще и непоседа. Ему мало движения. Он хочет передвижения. В своих книгах он не терпит домоседства. Это — вечный путешественник. Он объезжает целые губернии и уезды, забирается в глушь, исследует неизвестные края, вдруг оказывается в Трапезунде, но и там не сидит, а передвигается, — любознательный кочевник, неутомимый странник по миру.

Это и в его последней книге. «Приключения студентов» — обширный альбом. Конечно, бытовой. Минцлов издавна влюблен в быт, все равно, сегодняшний или стародавний, современный или отодвинутый в глубь веков.

Он хорошо угадывает этот быт, жадно изучает, отлично

чувствует.

В этом быту он ценит типичность. Его прельщает яркость. Минцлов не боится правды, хотя бы со стороны она казалась чудовищной. Его беллетристический глаз не смущается жизненной карикатурностью, его не пугают угловатости. Минцлов любит пушу, а не английский парк. Он враг косметики и гребешка: Минцлов ничего не подкрашивает и не подстригает. Зато ничего не преувеличивает.

У Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду». Минцлов мог бы сказать: «Беру кусок жизни, грубой, но яркой, и вот вам готовая легенда». Это — талант обретения тем, обретения, а не изобретения. В этом сила Минцлова.

Он в предисловии к этому роману подчеркивает, что здесь «выдумки, а тем паче, преувеличения нет», «но что было — то было». И эту быль Минцлов знает.

Тут нет ничего сочиненного. Воскрешен быт десятого и одиннадцатого веков. Сам влюбленный в передвижение, он избрал своими героями странствующих студентов, этим открыл себе путь в старинные города, развернул картины далекого быта с его дикостью, умилением, причудами и легендами, провел читателя из Баварии через горные хребты в старую Италию. И, как живой, пред нами встал давно угасший век.

Молодой послушник Марк послан настоятелем в мир для усвоения искусства переписывать и украшать книги. На этом пути он приобретает знакомства, находит неожиданных спутников, попадает в старинные замки, подвергается опасностям, переживает много интересных, поучительных и страшных приключений.

Минцлов написал «авантюрный роман». И, в самом деле, он полон именно авантюр. Но выдуманного нет. За Минцлова говорит сама история, его пером водит жизнь. По временам встают удивительные картины. Происходят невероятные факты. Но веришь всему: так все убедительно. А эту убедительность создает хорошее, отчетливое, полновесное знание Минцлова-историка.

Как современный, будто давно знакомый нам, очерчивается маленький городок Вассербург. Видишь его погребки, чувствуешь толпу, слышишь эти речи, с улыбкой наблюдаешь, как наказывали тогда сплетниц, засаживая их в колодку, следишь за веселым, хитроумным диспутом между толстяком в темно-серой куртке и красных чулках, мейстером Вальтером, и смущенным, растерянным Марком.

Потом путешествующий послушник встречается с Яном, ювелирным подмастерьем, идущим из Богемии в Орлеан, тоже совершенствоваться в своем искусстве, и с добрым беззаботным весельчаком, странствующим «доктором», неаполитанцем Луиджи.

Этот Луиджи — находка не только для Марка, но и для автора. Изучать книжное искусство молодой послушник должен в Италии: Луиджи попался очень кстати! Теперь туда путь открыт, и наши странствующие юноши посетят Болонью, Пизу, Лукку, Флоренцию, наконец, Рим и Неаполь.

Дверь романиста распахнута. Век ожил.

И пред нами падающие башни, быт ювелирной мастерской, ее типичный хозяин Пьеро Бонавентури, болонский университет в подземелье, студенты, разрешающие прения со своими профессорами взаимной потасовкой, таинственные подземные своды, секретные записки заговорщиков, прекрасные дамы, ловкая красавица-француженка Габриэль Готье, страшные ночи, черные плащи, слюдяные фонари, грозные башни, мрачные шествия, нависшие своды, тюремные камеры, скелеты, прикованные цепями за шею и пояс, секретные пароли и впервые раздавшаяся тогда знаменитая студенческая песнь: «Гаудеамус-игитур».

Здесь все причудливо и все правдиво. Отмечено и взято только типичное, яркое, замечательное. В Болонье — джостра. Во Флоренции — сожжение недоброкачественных сукон, быт художников, обреченные, «проклятые» книги «языческих» философов, публичное шельмование вора и серебряный, вечерний звон — Ave Maria — десятка колоколен, «запевших, как пчелы над городом».

А в Пизе — базар мертвецов, продажа мощей, закупка костей святых мучеников, пеленок Христа, частей колес-

ницы Ильи пророка, чепчиков с младенцев, избитых проклятым Иродом, кусков паруса с лодки апостола Петра, перьев из крыл архангела Гавриила.

В Лукке мы увидим свадьбу богатого синьора Гвиниджи, приезд его невесты, ее многоцветный поезд и ее саму, верхом, в розовом платье, под розовым балдахином, предохраняющим от солнца, в предшествовании двух шеренг трубачей и барабанщиков. Увидим ее жениха, рыцаря в бледно-зеленом бархате с золотистой длинной перчаткой на левой руке, услышим торжественное пение, звуки рогов и флейт, трубы, барабаны и приветственные крики народа.

Потом странствующие друзья, — Марк, Ян, Луиджи и приставшие к ним двое студентов, Мартин и Адольф — попадут в Рим. Тут они станут свидетелями страшных распри и взаимных междоусобий. Их воображение поразится своеобразием похоронных обрядов, сердце Яна сожмется скорбью от зрелища сжигаемых древних прекрасных статуй, и вечный город развернется перед ними, как замороженный, давящий и пугающий своей поразительной красотой, великолепием, масштабами, размерами своих театров и цирков, вмещавших 385.000 зрителей.

Это — панорама, — лицо городов, их быт, обычаи и нравы.

Но на путях к ним, по дорогам, ведущим от одного к другому, странствующие студенты встречают неожиданных людей, — рыцарей, монахов, пилигримов, оборванцев, свирепых разбойников, калек, колдунов и колдуний, верных слуг, хитрых трактирщиков, ловких заговорщиков, стражников, солдат, прекрасных девушек, великодушных герцогов, всех этих знакомых и забываемых героев, злодеев и людей пышного и противоречивого, красочного и наивного средневековья, — эпохи преданий и легенд.

Они рассыпаны в романе без счета и числа. Их передают из уст в уста настоятели и монахи маленьких баварских монастырей, их рассказывают в погребках и на площадях немецких городов, ими забавляется и упоется владелец замка ди Праго. О страшных колдунах передает на ухо Луиджи ювелирный подмастерье Ян. Эти пугающие ле-

генды носятся в самом воздухе, волнуют сердца баварцев и итальянцев, эти суеверия наполняют души верующих и неверующих.

И если в болонском университете со своих маленьких и тесных кафедр профессора читают лекции о влиянии планет на человека и его органы, — солнца — на сердце, луны — на мозг и кровь, Сатурна — на селезенку, Меркурия — на легкие, — то в Риме Ян попадает к колдунье-ведьме, по ее приказанию приходит темной ночью в Колизей и, — искренне верующий в Бога, Христа и церковь — отдает себя во власть нечистой силы, решается искать свое любовное счастье чрез заклинания и гадать на воде с черной мессы.

Конечно, тут, в этом обширном свитке легенд, саг, суеверий, заклинаний средневековья сказалось обширное историческое знание Минцлова. Но это не только знание. Это еще и его собственное, личное тяготение к мистицизму. Это его вера в неразгаданные и несказанные тайны мира, его чувство нашей общей подвластности, нашей зависимости от неразгаданных, надземных сил.

В конце концов, что такое знание? Почему мы особенно остро хотим знать одну область и равнодушны к другой? И знание — органично. Эти пристрастия Минцлова к средневековому мистицизму не случайны. Они естественны и тоже органичны. В этих тяготениях он сам. Эти притяжения выдают его собственную тайну.

Вообще Минцлов один из самых искренних писателей. Пожалуй, не только искренних, но и откровенных. Правда, он не болтлив, но он и не скрытен. Его симпатии разгадываются сразу. Свои мнения и отношение к людям он исповедует открыто. И он совсем не таит своих симпатий, своей любви, своих увлечений.

Роман их выдает сразу, раскрывает повсюду.

Книга, книга, старая книга, ее украшение, ее роспись, ее изящное целомудрие, ее величаяя таинственность, радостная, неотвратимая власть ее знаков, мудрости и красоты, — вот где хоронится, где почиет коронная, неистребимая, глубокая любовь, редкая преданность, восторженная влюбленность Минцлова.

Роман начинается книгой, — потому что Марк уходит в мир ради познания книжных украшений, — роман то и дело возвращается к книге. Как подробно, заботливо и любовно описана «Скриптория»! С какой нежностью нарисованы фигуры безвестных писцов и антиквариев, описан их труд, продолжающийся до рассвета при скупом огне тусклых лампад в тишине тесной комнаты! С каким восторгом говорит монах о книге, ее власти, ее значении, о воскрешенной на книжных страницах прошлой жизни разных стран и народов:

— Сидя здесь, на скале, мы слышим песни и стихи рыцарей, речи святых отшельников. Господи, какое это счастье!!

С каким сожалением и гневом передана беседа Карнарро с библиотекарем, готовым сжечь «проклятые книги» древних мудрецов!

Прельщает у Минцлова свободное распорядительство словом, его отличный русский язык. Да, свободное! Другого слова нет. Сколько писателей выводят фразу с тяжким замиранием колотящегося сердца:

— Не наврал ли, не запутался ль?

Хотящее мнение утверждает, что болезни сердца — профессиональное несчастье писателей. Если это так, то я знаю причину болезни. Она называется... Вы догадались —как?

Книга С. Р. Минцлова публикуется по первоизданию: Рига, Сибирское книгоиздательство, [1928]. Рецензия П. Пильского приводится по первой публикации: «Сегодня» (Рига), 1928, № 317, 21 ноября. Тексты публикуются в новой орфографии с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей правописания и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.